

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна на годовому изданію **6** руб. Подписка принимается: въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія: Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1864 г., цѣна **5** р., за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за 1867 г. **6** р., за 1868 г. **5** р., за 1869—1879 г. по **6** р. каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи, III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено Цензурой. Москва, 1 Сентября 1880 г.

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОГО
КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Отдѣль XV

№ ~~4200~~ 3672

206-12461.

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

69

Коллч. предъд. выдачи _____

3.4

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05
Ф 54
117
1880

ЖУРНАЛЬ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіймъ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ IV.

1880.

Воронежъ.

Въ Типографіяхъ В. И. Исаева
и
Губернскаго Правленія.

Ж 19761

00
49
3.

- 0578665 -

Воронежская общедоступная
научная библиотека
имени И. С. Яковлева

СОДЕРЖАНІЕ IV ВЫПУСКА.

Объ изученіи древней русской письменности. II. А) Языкъ древне-славянскій. (Продолженіе).

А. А. Котляревскаго.

Сравнительный синтаксисъ именит., зват. и винит. падежей въ санскритѣ, zend., греч., лат., нѣмец., литов., латыш. и слав. нарѣчіяхъ. 1. Винительные объекта перваго рода (времени и мѣста). 2. Вин. объекта втораго рода (комитативные). 3. Вин. объекта третьяго рода (отношенія). (Продолженіе.)

А. В. Попова.

БИБЛІОГРАФІЯ:

Общій курсъ словесности для V и VI кл. гимназій и другихъ сред. учеб. заведеній. Сост. М. Калмыковъ.

В. А. Лебедева.

Употребленіе знановъ препинанія. Сост. В. А. Кендзерскій Харьковъ. 1879.

Его-же.

Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ. Н. Н. Б...а. 1879.

Его-же.

Синтаксическій задачникъ. Составили Барсовъ и Кременецкая. Темиръ-Ханъ-Шура. 1880.

Стараго учителя.

Analogisch—vergleichendes Wörterbuch über das Gesamtgebiet der indogermamischen Sprachen. Auf Grund strenger Etymologie, mit besonderer Berücksichtigung des Lat., Griech., Deutsch., Slav. und Sanskrit. Von Seb. Zehetmayr, Leipzig. 1879.

И. М. Желтова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕН- НОСТИ.

II.

Систематическое обозрѣніе.

1. Предварительныя статьи.

Прежде чѣмъ перейду къ обозрѣнію хода изученія произведеній древней русской письменности въ систематическомъ порядкѣ, по отдѣламъ — нахожу нужнымъ, въ поясненіе дальнѣйшаго, дать мѣсто нѣкоторымъ предварительнымъ статьямъ, разсматривающимъ:

а) ходъ изученія исторіи старо-славянскаго и русскаго языковъ, какъ основанія филологической и объяснительной критики памятниковъ письменности и

б) ходъ изученія вопроса о славянскомъ письмѣ.

А. Языкъ.

41. Судьбы русскаго языка и письменности такъ тѣсно, можно сказать неразрывно — связаны съ судьбами языка и письменности старославянскихъ [= церковно-славянскихъ], что говоря о первыхъ, естественно и необходимо начать со вторыхъ, какъ старѣйшихъ, какъ ранѣе начавшихъ свою исторію.

Теоретическое изслѣдованіе [филологическое и сравнительное] языковъ старославянскаго, русскаго народнаго и литературнаго остаются для насъ здѣсь предметомъ второстепеннымъ: насъ занимаетъ преимущественно изслѣдованіе исторической ихъ стороны, т. е. исторія языка и основанная на ней филологическая критика. На филологическую [въ тѣсномъ значеніи] и сравнительную разработку древне-славянскаго и русскаго языковъ мы обра-

тимъ вниманіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ важны для разъясненія ихъ историческаго движенія..

Исторія языка—недавняя отрасль языковѣдѣнія не только у Славянъ, но и въ старой, богатой европейской наукѣ. Важнѣйшими изъ вопросовъ, входящихъ въ исторію языка² должно признать слѣдующіе:

а) Объ исторически-древнѣйшемъ строѣ языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи, словосочиненіи и лексиконѣ, а равно и объ этнографическомъ характерѣ языка или его народности;

б) о постепенномъ, историческомъ измѣненіи древняго языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи и словосочиненіи и лексиконѣ, зависящемъ какъ отъ его самостоятельной исторической и этнографической жизни, такъ и отъ вліянія на жизнь и языкъ иныхъ началъ, родственныхъ или чуждыхъ....

Такимъ образомъ къ исторіи языка специально принадлежатъ вопросы: о народности языка, о ходѣ историческаго измѣненія въ немъ внѣшняго, формальнаго и внутренняго, духовнаго и бытоваго, о его историческомъ лексиконѣ, объ областныхъ видоизмѣненіяхъ его, о стихіяхъ чужеземныхъ, въ него вошедшихъ.

Языкъ древне-славянскій.

Изслѣдованіе древне или церковно-славянскаго языка, а равно и попытки распознать его этнографическую принадлежность или народность—начинаются довольно рано: ихъ вызвала и практическая нужда имѣть и руководиться правилами языка при переводахъ священныхъ и отеческихъ писаній и самостоятельныхъ сочиненіяхъ, и потребности школы, и ученая пытливость, неволью увлекавшая людей, появившихъ важность предмета—къ догадкамъ, соображеніямъ и изученію³). Но какъ ни любопытны и исторически важны попытки эти—онѣ всѣ были чужды строгаго историческаго изученія языка, и какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ об-

щихъ соображеніяхъ стояли на чисто теоретической почвѣ, шли отъ теоріи, блуждали въ произволъ „миѣній“.. Нѣкоторые слѣды историческаго изученія языка замѣчаются только у лексикографовъ XVII в. ⁹¹⁾, но, конечно, въ самой ограниченной степени и притомъ все-же съ словарно-практическими цѣлями. Такъ было до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда почти одновременно появляются знаменитые труды Добровскаго и Востокова.

⁹²⁾ См. ст. В. И. Григоровича: „О трудахъ, касающихся древне-славянскаго языка до М. Смотрицкаго“, въ „Статьяхъ, касающ. древняго славянскаго языка“, Каз. 1852, с. 26—52; а также Каченовскаго: „Историческій взглядъ на грамматику Славянскихъ нарѣчій“, Труды Общ. Любит. Рос. Слов. 1817, ч. IX, к. 13, стр. 17—47; Вышнеградскаго: „О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-словенскаго нарѣчія“, Спб. 1847, с. 1—63. Сюда же принадлежитъ и знаменитое сочиненіе Крижанича: „Грамматично изказаније об рускомъ језику“, изданное О. М. Бодянскимъ, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1848, к. I, и 1859, к. III. Въ отношеніи теоріи и народности старославянскаго языка слѣдуетъ указать: Каченовскаго: „О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ“, Труды Общ. Любит. Рос. Словенности, 1817, ч. VII, к. 11, с. 5—27; [По миѣнію Каченовскаго коренной славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное сербское нарѣчіе]; К. Калайдовича: „О древнемъ церковномъ языкѣ Славянскомъ“, Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. Люб. Росс. Слов. 1822, ч. II, к. IV, стр. 57—71, [по миѣнію Калайдовича—

языкъ сей былъ нѣкогда однимъ, общимъ Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ и вѣроятно другихъ племенъ однородныхъ. Ср. также мнѣнія о семъ предметѣ у Бодянского, въ кн. „О времени происхожденія Славянскихъ именъ“ М. 1855, стр. СП и слѣд. 94) Лаврентія Зизанія „Лексисъ“, приложенный къ его грамматикѣ словенской 1596 г. и „Лексиконъ Славяно-Россійскій“ Памвы Беринды, К. 1627, 4^о, с. 4—477; и въ Кут. мон. въ 1653 г. Оба Словаря перепечатаны у Сахарова въ „Сказаніяхъ рус. нар. т. II, СПб. 1849, с. 5—134 не исправно, съ выпусками текстовъ и историческихъ ссылокъ.

XI 42. Знаменитая „Institutiones linguae slavaicae“⁹⁵⁾ навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ предающихся занятіямъ славянской филологіей: эта художественная „анатомія“ славянскаго языка, замѣчательная — по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектурѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ (въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распредѣленіяхъ или классификаціяхъ), до сихъ поръ не отошла вполнѣ въ прошедшую исторію, не утратила во многомъ современнаго значенія (тъ. напр. тв. глава о корняхъ). Но — страннымъ образомъ — вся построена на исторической основѣ — она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и рассматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику — взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные и разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину [языка] идеальнаго, лишеннаго исторической дѣйствительности, никогда не существовавшаго во времени

и пространствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Добровскому болѣе, чѣмъ кому иному изъ его современниковъ — были вѣдомы законы и приемы историческаго изслѣдованія. Количество извѣстныхъ ему текстовъ древняго славянскаго языка⁹⁶⁾ было, конечно, не велико, но достаточно для попытки историческаго разсмотрѣнія; имѣлъ онъ предъ собою и одинъ замѣчательный опытъ по историческому чешскому языкованію⁹⁷⁾; но здѣсь дѣло шло о дѣйствительно живомъ существующемъ языкѣ, тогда какъ церковно-или древне-славянскій языкъ былъ явленіемъ отжившимъ, требовавшимъ теоретическаго построенія — и вотъ, сынъ теоретико-матерьяльнаго XVII в. — Добровскій строитъ матерьяльную анатомію языка теоретически, какъ бы въ исторіи. Его „старославянскій языкъ“ созданъ имъ посредствомъ отвлеченія, причемъ языку — позднѣйшей русской — рецензій и церковныхъ книгъ — бытъ не безъ вліянія Мелетія Смотрицкаго — было отдано имъ видимое преимущество, какъ языку правильномъ. Оттого, исторія древне-славянскаго языка“ получила Грамматикѣ Добровскаго влішь очень малое для себя приращеніе, и для историко-филологической критики сей трудъ предлагалъ только матерьялы, а не руководительныя начала. Какъ нелегко разобратся и въ сихъ матерьялахъ — достаточно показываютъ нѣкоторые примѣры въ исторіи изученія русской письменности (напр. комментарий Дубенскаго къ Слово о Полку Игоревѣ)...

96) Jos Dobrowsky: Institutiones linguae slavaicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vind. MDCCLXXII 8°, стр. LXVIII + 720 + IV tab. Второе изданіе въ 1852 г. есть только перемѣна заглавнаго листа. Русскій переводъ Погодина и Шевырева въ 2-хъ вѣч., Сиб. 1833—1834 (исторія русскаго перевода Грам-

матики въ „Воспоминаніяхъ“ Погодина, Москвитянинъ, 1855, № 4, с. 81—8). Въ европейской литературѣ книга Добровскаго произвела весьма сильное впечатлѣніе и долгое время была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о славянскомъ языкѣ. Важныя рецензіи: а) Я. Гримма въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* 1823, 35 Stück с. 337—352, перепечатано въ его *Kleinere Schriften* t. IV, В. 1869, стр. 186—196; б) Копитара, въ вѣнскихъ „*Jahrbücher der Literatur*“, 1822 t. XVII, с. 66—107.

⁹⁶⁾ Въ „*Praefatio*“ къ *Institutiones* Добровскій даетъ подробныя свѣдѣнія объ „источникахъ“ своего изслѣдованія. Ему извѣстны были и нѣкоторые древніе тексты XI—XII вв.

⁹⁷⁾ Разумѣю трудъ Франца Томсы: „*Ueber die Veränderungen der čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie seit dem Dreizehnten Jahrhunderte bis jetzt*. Prag. 1805, 8°, с. 263. Замѣчательный и несправедливо забытый трудъ. Старочешскіе тексты напечатаны по рукописямъ съ такою дипломатическою точностью, съ какою они и въ настоящее время рѣдко печатаются въ Чехахъ.

43. Совершенно иное у Востокова. Основательное знакомство съ рукописными древнѣйшими и менѣе древними памятниками старославянскаго языка привело его къ мысли о необходимости историческаго изученія т. е. „изслѣдованія и показанія свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіе столѣтій въ Россіи и другихъ земляхъ Славянскихъ“. Свои наблюденія надъ историческимъ развитіемъ старославянской рѣчи Востоковъ въ первый разъ изложилъ въ знаменитомъ „Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ“.

къ“⁹⁸). Въ исторіи старославянскаго языка онъ различалъ три періода: древній, средній и новый. „Древній языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV-го и XVI столѣтій, а за симъ уже слѣдуетъ новый славянскій, или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ“. По отношенію къ народности старославянскаго языка Востоковъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но склонялся къ его болгаризму. Въ послѣднее время своей дѣятельности онъ полагалъ, что „родина старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ.., собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками“⁹⁹). Объясненіемъ „особенностей древняго славянскаго языка“ въ отличіе отъ средняго и новаго, а равно и замѣтками объ изводахъ или рецензіяхъ языка и правописанія церковно-славянскихъ рукописей Востоковъ положилъ прочныя начала историко-филологической критикѣ. Въ послѣдствіи сіи начала были развиты имъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе въ его „Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго Музея“ и въ другихъ историко-филологическихъ и библиографическихъ трудахъ, о которыхъ мы уже отчасти упоминали и еще часто будемъ упоминать¹⁰⁰). Послѣ трудовъ Востокова стало возможнымъ общее опредѣленіе древности памятниковъ на основаніи языка и правописанія, а равнымъ образомъ опредѣленіе народности памятниковъ и рукописей, т. е. рецензій или изводовъ ихъ. Но востоковскіе историко-аналитическіе приемы изслѣдованія, при всей видимой простотѣ ихъ—усвоились славянской филологической наукой туго и дали должные плоды лишь много лѣтъ спустя. Какъ трудно было для филологовъ правильно и во всемъ его объемѣ понять и приложить начало востоковской методы, доказательствомъ тому служитъ извѣстное сочиненіе Калайдовича: „Іоанъ Ексархъ Болгарскій“, 1824. Онъ много разъ [см. стр. 102] поль-

зуется „Разсужденіемъ“ Востокова, иногда удачно, по большей части нетвердо, смѣшивая — какъ справедливо замѣчалъ пок. Биларскій — „фонетическія особенности правописанія съ условными, подражательными и чисто палеографическими, древнія съ позднѣйшими, самыя характеристическія съ маловажными“⁹⁸⁾

⁹⁸⁾ „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“ въ „Трудахъ Общества Любителей Россійс. Словесности“ 1820, ч. XVII, с. 5—61 и въ „Ученыхъ Запискахъ“ по II отд. Ак. Н. 1856, т. II, ч. I, с. 1—27 и еще въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“ Востокова, Спб. 1865, с. 1—27. Важное поясняющее „дополненіе“ къ этому изслѣдованію представляетъ письмо Востокова къ Добровскому, помѣщ. въ „Перепискѣ А. Х. Востокова“ [Сбор. статей II отд. Ак. Н. т. V] Спб. 1873, с. 100—116, а равно и въ другихъ мѣстахъ сей „Переписки“.

⁹⁹⁾ „Филологическія наблюденія“ Востокова Спб. 1865, с. 95 in notis.

¹⁰⁰⁾ См. выше, с. 29, 84—5. Перепечатаны всѣ сіи труды въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“. Здѣсь же находимъ на стр. 79—134 статью, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для славянской палеографіи,“ это весьма тщательно составленный А. Н. Пыпинымъ сводъ историко-филологическихъ и палеографическихъ наблюденій Востокова надъ славянскими рукописями, извлеченный изъ его „Описанія рукописей Румянцевскаго Музея“. Для ученія о рецензіяхъ или изводахъ, а равно и для ученія о правописаніяхъ рукописей—сія статья имѣетъ нарочитую важность.

¹⁰¹⁾ Биларскій: „Судьбы Церковнаго языка“ II, Спб. 1848, с. 222.

44. Въ тридцатыхъ годахъ относятся труды Шафарика и Копитара. „*Serbische Lesekörner*“ (Шафарика¹⁰²) есть обширная [разумѣется для того времени] съ необычайною точностью и филологическимъ талантомъ исполненная работа надъ сербскимъ отдѣломъ древне-славянскаго языка: изъ памятниковъ древне-сербской письменности, писанныхъ на старославянскомъ и славяно-сербскомъ смѣшанномъ нарѣчьи онъ хотѣлъ извлечь черты и признаки чистой сербской рѣчи и отсюда по возможности опредѣлить древность последней, или — говоря другими словами — книга его представляетъ систематическую, формальную исторію древне-славянскаго языка въ Сербіи главнымъ образомъ по памятникамъ кириллевскаго письма. Трудъ Шафарика оказывается теперь во многомъ уже недостаточнымъ по содержанію или матеріалу, онъ требуетъ многихъ дополненій, но методъ его изслѣдованія — строго исторической, образцовый, а потому „*Serbische Lesekörner*“ — остается до сихъ поръ весьма важнымъ пособіемъ для филологической критики древне-славянскихъ текстовъ сербскаго извода. Другіе труды Шафарика по славянскому языкознанію, кромѣ краткихъ, случайныхъ замѣтокъ о паннонскомъ элементѣ церковнаго языка, нашедшихъ мѣсто въ его послѣднемъ сочиненіи „О происхожденіи и родинѣ глаголитизма“ —¹⁰³) были посвящены сравнительному изслѣдованію „образованія словъ удвоеніемъ корней“, „расширенія глагольныхъ корней вставкою и приращеніемъ согласныхъ“, „претворенія гортанныхъ согласныхъ“, „нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ формъ“ и „славянскихъ именъ числительныхъ“. Работы гениальнаго мастера!¹⁰⁴)

Труды Копитара имѣютъ не столько изслѣдовательно — историческій, сколько историко — догматическій характеръ. Въ 1836 г. онъ издалъ въ свѣтъ древніе глаголическіе отрывки, прич. гр. Клоду подъ заглавіемъ: „*Glagolita Clozianus*“¹⁰⁵). Въ „Прологоменахъ“ къ

изданію, кромѣ спеціальнаго описанія отрывковъ и разсмотрѣнія вопроса о глаголицѣ [о чемъ я распространяюсь ниже, въ отдѣлѣ о „письмѣ“], Копитаръ предложилъ тезисы о первоначальной исторіи древне-славянскаго языка и паннонскомъ его источникѣ, а въ „Эпиметронѣ“ — „краткую Грамматику священнаго языка Славянъ“ и „краткій же словарь языка“. Любопытны сіи послѣднія произведенія по попыткѣ дать историческую болѣе прочную, древнюю основу постройкѣ Добровскаго и освѣжить и исправить ее новыми открытіями; любопытны они въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія трудности встрѣчалъ изслѣдователь въ исторіи славянскаго языка, какъ медленно усвоились даже ясныя положительныя открытія Востокова... Но не эти „*Slavogum linguae sacrae Grammatica brevis*“ и „*Lexicon breue*“ обнаружили то сильное вліяніе на ходъ историческихъ занятій и понятій о древне-славянскомъ языкѣ, какое соединяется въ наукѣ съ именемъ Копитара, а его теоретическія и догматическія соображенія о паннонскомъ или хорутанскомъ происхожденіи древне-славянскаго языка и славянской литургіи, изложенныя имъ и въ „*Glagolit' ſ*“ и въ другихъ мелкихъ трудахъ по разнымъ случаямъ и поводамъ. ¹⁰⁶).

По важности предмета для науки славянскаго языкознанія даемъ здѣсь мѣсто слѣдующимъ общимъ положеніямъ о началѣ Христіанства и образованія у Славянъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Копитара.

1. Распространеніе и введеніе Христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ образованность и цивилизація Славянъ принадлежитъ исключительно латинской церкви. Это — заслуга римскихъ первосвященниковъ (папъ), что литература славянскаго юга и востока получила прочныя основанія въ одобренномъ ими кирилловскомъ переводѣ Библии и литургіи на славянскомъ языкѣ.

2. Обращеніе въ Христіанство древнѣйшихъ славянскихъ поселенцевъ въ Норикѣ и Панноніи вышло изъ цер-

ковной епархіи Аквилей и Зальцбурга. Сами византійцы говорятъ, что Хорваты и Сербы были крещены въ VII в. римскими священниками. Карантане (Хорутане) приняли Христіанство по крайней мѣрѣ 150 лѣтъ прежде, чѣмъ Мораване; обращеніе Чеховъ произошло изъ Регенсбурга, Поляковъ — отъ Чеховъ.

3. Мѣсто апостольской дѣятельности Кирилла и Меодія ограничивается областями по сю сторону Дуная, Болгарами, Хорутанами и жившими между ними моравскими поселенцами. Оба просвѣтителя — пришли къ племенамъ уже прежде обращеннымъ, которыхъ они такъ сказать устроили въ литургическомъ, богослужебномъ отношеніи.

4. Славянская литургія является въ слѣдующихъ трехъ фазахъ своего развитія:

а) она началась въ юго-восточной Панноніи, гдѣ вмѣстѣ съ прастарыми славянскими поселенцами, осѣвшими здѣсь по крайней мѣрѣ со времени великаго переселенія народовъ (соотичи ихъ распространились по всей Хорутаніи и образовали основное населеніе Мизіи и Македоніи, которое позднѣе подновлялось свѣжими притоками Болгарь, Сербовъ и Хорватовъ), жили подъ франкскимъ владычествомъ Болгаре и моравскіе поселенцы, какъ сограждане, или какъ сосѣди.

б) Славянская литургія продолжалась по смерти Меодія и покоренія Панноніи Мадьярами у родственныхъ Болгарь и Сербовъ на югѣ Дуная и Савы (т. е. въ прежней Мизіи) и 100 лѣтъ спустя, исторически неизвѣстными доселѣ путями.

в) Принесена была въ Кіевъ, къ русскимъ, гдѣ, искаженная и подновленная, она продолжаетъ жить доселѣ, тогда какъ паннонское происхожденіе ея въ самомъ отечествѣ ея постепенно тускнѣло и забылось. Вихингъ, суффраганъ Меодія, не дозволилъ проникнуть славянскому богослуженію за Дунай, въ Моравію. Вотъ почему въ Моравіи, Чехахъ и Польшѣ не видно никакихъ слѣдовъ ея.

ишійти 5. Древній церковно-славянскій языкъ есть поднозизъ славянскихъ нарѣчій IX столѣтія, а именно онародноеонарѣчьепапнойской Епархіи Месодія, ит.е. языкъ Хорутанъ, для которыхъ оба брата апостолы устроили азбуку и на языкъ которыхъ они перевели богослуженныя книги.

6. Объ славянскія азбуки были со времени Кирилла въ употребленіи у западныхъ Славянъ, такъ какъ въ Европѣ латинское и немецкое письмо. Глаголиця древнѣе Кирилицы, но она должна была уступить послѣдней, и составленной по греческому образцу, и теперь въ вымираетъ въ послѣднемъ своемъ стубѣжищѣ на берегу Адриатическаго моря.

7. Мнѣніе русскихъ или пристрастныхъ протестантовъ о „великихъ успѣхахъ греческой церкви“ или ея первенствѣ въ дѣлѣ обращенія Славянъ въ христіанство — принадлежитъ къ области мечтаній.

8. Латинская церковь, давъ происхожденіе славянской литургіи (880), внесла христіанство и западное богослуженіе: 966 въ Польшу, въ 1000 г. въ Угрію, въ 1040 въ Лужицы и въ севернымъ Славянамъ, въ 1168 въ Руянамъ. Въ 1278 глаголиты получили новую западную привилегію для ихъ богослуженнаго языка, въ 1439 въ последовала извѣстная Унія.

Таковы понятія и мнѣнія Конитарало. Они имѣли рѣшительное и продолжительное значеніе въ историко-филологической критикѣ старославянскихъ текстовъ. Нельзя сказать, что теперь взгляды его принадлежатъ прошедшей исторіи, что при рѣшеніи вопросовъ исторіи древне-славянскаго языка можно было бы всегда обойтись безъ (совета съ нимъ) и даже въ некоторыхъ случаяхъ безъ признанія цѣны и достоинства ихъ.

102) „Serbische Lesekörner oder historisch kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Ein Beitrag zur slawischen Sprachkunde v.

Р. J. Schaffarik, Peszt 1833, 8°, в. 135 и
 с ним
 193) „Ueber den Ursprung und die Heimath
 des Glagolitismus“, P. 1858, 4°, главы 7—8.
 второго мемуара. Сочиненіе Шафарика: „Ge-
 schichte der Slawischen Sprache und Literatur“
 of. 1826, 8°, с. 524 (2-е изд. 1869 г.), кото-
 рого первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исто-
 рію древне-славянскаго церковнаго языка и ли-
 тературы—но представляетъ частныхъ разсужденій
 о предметѣ
 194) Помѣщены первоначально въ *Časopisъ*
 чешскаго Музея, потомъ всѣ перепечатаны въ кни-
 гѣ: „Rozprawy z oboru věd slovanských“ Pr.
 1865, с. 446—661. Какъ (дополненіе къ
 „Serbische Lesekörner“ можно назвать тѣ стра-
 ницы изданной по смерти автора *Geschichte der*
Serbischen Literatur, P. 1865, 1 Abth. р.
 139—165, которыя содержатъ въ себѣ „Sam-
 mlung alter serbischer Wörter“.
 195) *Glaglita Clozianus id est codicis glago-
 litici inter suos facile antiquissimi. Λειψανον fo-
 liorum XII membraneorum. Vind. MDCCCXXXVI*
f. LXXX+86 et facs. Ниже я подробно рас-
 пространюсь объ этомъ изданіи Копитара и его
 судьбѣ въ наукѣ.
 196) Сюда относятся некоторыя „*Epimetra*“
 въ его: *Hesychii glossographi discipulus. Vind.*
 1840, „*Prolegomena historica*“ къ Реймскому
 Евангелію перепеч. въ *Miklosich's Slavische*
Bibliothek, I, 1851, с. 57—84 (русскій пере-
 водъ въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1848, ч.
 LXVII, № 2, с. 111—153), и ст. „*Die kir-
 chenbücher der Russen*“ въ *Kaltenbaeck's*
Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts und

Staatskunde, 1836, № 86, 87, 88. Здѣсь — общая исторія руссификаціи церковно-славянскихъ кириловскихъ книгъ.

45. Задачу, отмѣченную Востоковымъ и отчасти, по отношенію къ сербской области — исполненную Шафарикомъ, — задачу изслѣдованія развитія старославянскаго языка въ его отечествѣ и у другихъ Славянъ ставилъ себѣ и Прейсъ, но рановременная кончина не дозволила ему выполнить ее: отъ него осталось лишь нѣсколько краткихъ замѣтокъ о болгарской фазѣ въ жизни церковнаго языка.¹⁰⁷⁾ Гораздо болѣе успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи П. С. Билярскій, подъ вліяніемъ Прейса изучавшій „Судьбы церковнаго языка“. Кромѣ многихъ мелкихъ статей критическаго содержанія¹⁰⁸⁾ ему принадлежатъ два труда большаго объема: а) „О среднеболгарскомъ вокализмѣ“ и б) „о кирилловской части реймскаго Евангелія“¹⁰⁹⁾. На среднеболгарскомъ языкѣ Билярскій остановился не случайно, а въ убѣжденіи: что самые главные вопросы о древнемъ церковномъ языкѣ ожидаютъ себѣ объясненія отъ среднеболгарскаго, что безъ этого послѣдняго нельзя доказать ближайшей связи между нынѣшнимъ болгарскимъ и первобытнымъ типомъ древне-славянскаго языка, который, по его мнѣнію — въ сущности тождественъ съ древнеболгарскимъ, что, наконецъ — въ Россіи распространялись преимущественно среднеболгарскія рукописи и онѣ сообщили свои черты характеру славяно-русскаго литературнаго языка церковныхъ писателей.. Чтобы опредѣлить особенныя свойства среднеболгарскаго языка, Билярскій подвергнулъ грамматическому и орографическому анализу „такое самостоятельное произведеніе средняго періода, которое, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то же время представляетъ опредѣленные особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаетъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка“.. Таковъ по его мнѣнію — патриаршій списокъ перевода лѣтописи Манас-

сіи. Подробно и съ рѣдкою отчетливостью Билярскій осматриваетъ всѣ гласные звуки памятника и дѣлаетъ нѣкоторыя общіе заключенія касательно генетическихъ отношеній ихъ къ звукамъ древне-славянскаго языка, физиологическихъ свойствъ среднеболгарскихъ звуковъ и связи состоянія ихъ съ состояніемъ грамматики. Конечно—не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что анализа вокализма одной рукописи недостаточно для общихъ выводовъ, но едва-ли также должно отказать труду Билярскаго въ важномъ значеніи. Это—монографія по строгости и точности историко-генетическаго метода изслѣдованія—въ своемъ родѣ образцовая, хотя въ отношеніи содержанія представляющая только матерьялы.. Тоже или почти тоже должно сказать и объ „анализѣ правописанія Реймскаго Евангелія“: и здѣсь общіе выводы о памятникѣ, времени его и характерѣ на основаніи одного правописанія едва-ли не преждевременны, но приемы изслѣдованія послѣдняго точны и вполне отвѣчаютъ требованіямъ науки. Въ методологическомъ отношеніи труды Билярскаго заслуживаютъ полнаго вниманія филологической критики..

¹⁰⁷⁾ Въ его „Донесеніяхъ“ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1841, № 2, с. 49—52 и 1842, № 3, с. 48—62 и ст. „О Глагольской письменности“ *ibid.* 1843, № 3, особ. стр. 205—238, гдѣ разсматриваются правописаніе, формы и лексиконъ языка глагольскихъ рукописей сравнительно съ церковно-славянскимъ [кирилловскимъ].

¹⁰⁸⁾ Таковы его рецензіи изданій Миклошича [„*Radices linguae slovenicae*“, „*Nomilia in gamos palmarum*“, „*Vitae Sanctorum*“] и Ганки [„Сазаво-Еммауское св. Благовѣствованіе“ и „Начала священнаго языка Славянъ“] въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1845, № 8, с. 140—5;

1846, № 10, с. 1—27; 1848, № 8, с. 191—165.¹⁰⁹⁾ „Судьбы церковнаго языка Историко-филологическія изслѣдованія П. Виларскаго“. I. О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патриаршему списку лѣтописи Манассіи, изд. 2-ое, Спб. 1858, 8^о, стр. 143. [Первое изд. безъ обширнаго предисловія, трактующаго о современномъ состояніи положительно-историческаго направленія въ славянско-филологіи, безъ выдержекъ изъ — памятника было издано въ Mémoires présentés à l'Académie par divers savants, T. VI, 1847, р. 99—140 и отд. Спб. 4^о, р. 42]; II. По виларилловской части Реймскаго Евангелія, Спб. 1848, 8^о, с. VII—283. Первая половина книги должна держать историко-критическую поѣмку изысканій о Рейм. Ев., вторая [очень важная] — анализъ правописанія памятника. Рецензія перваго труда [о сред. Болгар. вокализмѣ], напис. А. А. Кутникомъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1847, № 213, 214.

109) Въ 1846 г. П. Виларскаго „Судьбы церковнаго языка“ было только „введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, и „Грамматическія правила славянскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія“ и „Словоуказатель къ Остромировому Евангелію“¹¹⁰⁾ — были приготовительными трудами въ: а) „Словарю Церковно-Славянскаго языка“¹¹¹⁾ и б) „Грамматикѣ церковно-славянскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“¹¹²⁾ [которыя] завершилась скромная, но славная дѣятельность Востокова на пользу отечественной науки. Въ историко-филологической критикѣ „Словаря“ Востокова имѣеть первостепенное значеніе и не столько по богатству матеріала, сколько по особому

внутреннему качеству его отличающему: „Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ древній всегда предпочитая не древнему...“ „Востоковъ всегда опредѣляетъ славянское слово по-русски, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ приводитъ мѣста изъ памятниковъ; къ мѣстамъ изъ памятниковъ переведенныхъ большую частію присоединяетъ подлинный текстъ, иногда и свои соображенія“...¹¹³⁾ Эта точность, это принципиальное избѣжаніе произвольныхъ объясненій, сообщая всему произведенію характеръ достовѣрности, и составляютъ его высокое научное достоинство, которымъ не можетъ не дорожить историко-филологическая критика. Обращаясь къ „Словарю“ Востокова, она б. м. не всегда найдетъ иско-мое (Словарь нуждается во многихъ дополненіяхъ и уже вызвалъ не мало ихъ), но на найденное искомое всегда и смѣло можетъ положиться. „Грамматика церковно-славянскаго языка“ вызвала недоумѣніе: „не такого малаго по объ-ему труда — по словамъ Срезневскаго — ожидали отъ Востоко-ва, и значеніе его не поняли тѣ, которые привыкли все измѣрять внѣшнюю величиною. Не поняли его значеніе и тѣ, которымъ были нужны не столько прямыя вѣрныя сви-дѣтельства о языкѣ старославянскомъ, какъ они были въ древнѣйшее время дѣйствительно, сколько соображенія о его отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ“...¹¹⁴⁾ Дѣйствительно, Грамматика Востокова почти не пред-ставляетъ грамматическихъ разскааній и изслѣдованій (особен-но, въ фонетикѣ), но зато даетъ весьма богатый подборъ достовѣрныхъ данныхъ для такихъ изслѣдованій. Она мо-жетъ быть названа вѣрнѣе „Инвентаремъ“ или „Указате-лемъ“ грамматическаго будущаго труда, чѣмъ самымъ трудомъ; но то обстоятельство, что она „даетъ вѣрно знать, въ ка-кихъ памятникахъ допускаются тѣ или другіе отклоне-

нія отъ общихъ условій правильного грамматическаго строя въ древне-славянскомъ, а равно и то, что она не введетъ ни въ какую ошибку, не выставитъ никакого предположеніе за дѣйствительность“¹¹⁰⁾—усвояетъ ей весьма важное значеніе. Это необходимѣйшій матерьялъ и надежная справочная книга для занимающихся вопросами исторіи славянскаго языка.

¹¹⁰⁾ Находятся при извѣстномъ изданіи Востокова: „Остромирово Евангеліе“ Спб. 1843, въ приложеніи, занимая 315 с., „Грамматическія правила“ перепеч. въ Учен. Зап. по II от. т. II, 1. стр. 28—76 и въ „Филологическихъ Наблюденіяхъ“.

¹¹¹⁾ „Словарь церковно-славянскаго языка“ Спб. 1858—1861, 4°, I ст. 510; II, ст. 590—составляетъ также IV и VI томы „Матерьяловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“, изд. при Извѣстіяхъ II От. Ак. Наукъ. Подробное разсмотрѣніе сего труда сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, Спб. 1858 стр. XVIII—XLIII и въ Русской Бесѣдѣ 1857, кн. 2, с. 1—22. Здѣсь же—оцѣнка и предшествовавшей древне-славянской лексикографіи. „Дополненія“ къ предл. Словарю Востокова, собр. о. архим. Амфилохіемъ и друг. въ „Матерьялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“ т. VII, стр. 1—104.

¹¹²⁾ „Грамматика церковно-славянскаго языка изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ“, Спб. 1863, 8°, 134. Отпечатано и въ Ученыхъ Запискахъ по II Отд. Акад. Наукъ т. VII, к. II, 1863.

Содержаніе Грамматики въ изложеніи Срезневскаго:

Въ §§ 1—6 сообщены свѣдѣнія объ азбукѣ и правописаніи, между прочимъ о различныхъ мѣстныхъ особенностяхъ правописанія; замѣчанія о звукахъ и ихъ употребленіи въ §§ 7—8 — очень коротки и общи.

§§ 9—54 и 75—81 посвящены подробному разбору словъ склоняемыхъ преимущественно въ отношеніи къ измѣненію по падежамъ и отчасти (прилагательныхъ, нѣкоторыхъ числительныхъ и мѣстоименій, равно причастій) въ отношеніи къ образованію.

§§ 55—74 82—86 представляютъ разборъ глаголовъ почти исключительно въ отношеніи къ формамъ спряженія.

§§ 87—103 заключаютъ въ себѣ систематическій перечень нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій.

Вслѣдъ за этимъ сообщены, какъ прибавленіе къ первой части грамматики, замѣчанія 1) о значеніи нѣкоторыхъ окончаній именъ существительныхъ (-инъ, -икъ, -чии, -чимъ, -щина), 2) объ именахъ собственныхъ, объ отличіяхъ ихъ по выговору, о нѣкоторыхъ особенностяхъ ихъ образованія, (напр. ята, иць, вна, 3) о сложныхъ словахъ.

§§ 102—136 составляютъ вторую часть— о сочиненіи словъ. Здѣсь наблюденія ограничиваются въ кругѣ того, что въ древнемъ церковномъ отличено отъ новаго Русскаго. Во всей этой части, очень любопытной по мѣткости наблюденій, приведены объяснительные примѣры изъ памятниковъ.

Небольшой объемъ книги свидѣтельствуетъ о строгомъ выборѣ того, что взято въ ея содержаніе. Видно, между прочимъ, что Востоковъ не

хотѣлъ повторять того, что высказано имъ въ другихъ сочиненіяхъ“. Извѣст. Аад. Наукъ по II Отд. т. IX, 1861, с. 272.

¹¹³⁾ Ученныя Записки II от. Ак. Наукъ кн. IV, стр. XXXIII — XXXIV.

¹¹⁴⁾ „Филологич. Наблюденія“ Востокова, Спб. 1865, стр. LI, ст. Срезневскаго: „Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. X. Востокова“.

¹¹⁵⁾ Ibidem, p. LI.

47. Труды Миклошича посвящены главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію, сюда относится важнѣйшій трудъ его „Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій“ и цѣлый рядъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ ¹¹⁶⁾. Тѣмъ не менѣе, обрабатывая древне-славянскій языкъ догматически или систематически, Миклошичъ, самъ издавшій не мало памятниковъ древне-славянскаго языка, естественно долженъ былъ держаться исторической почвы. Нѣкоторые труды его относятся къ исторіи древне-славянскаго языка прямо и непосредственно. Такъ: въ 1847 г. онъ представилъ разборъ восточнаго изданія Остромирова Евангелія, разборъ, въ которомъ находится очень много важныхъ и мѣткихъ замѣчаній о языкѣ и правописаніи древнѣйшихъ старо-славянскихъ рукописей ¹¹⁷⁾; въ 1850 онъ издалъ „Lexicon linguae slovenicae ueteris dialecti“ ¹¹⁸⁾ — трудъ весьма важный для своего времени, хотя и не отвѣчающій требованіямъ обстоятельности ссылокъ и точности въ передачѣ древне-славянскихъ словъ греческими и латинскими терминами: послѣднія почерпнуты не изъ подлинныхъ источниковъ, а представляютъ плодъ мысли, пониманія и соображенія самого лексикографа [т. е. имъ придуманы], а потому при всей безотносительной вѣрности своей — лишены вѣрности исторической т. е. гадательны. Никакого приобрѣтенія, а развѣ ущербъ испытала наука

исторіи древне-славянскаго языка отъ того обстоятельства, что Миклошичъ въ правописаніи словъ слѣдовалъ исключительно своей теоріи, не обращая вниманія на дѣйствительное правописаніе памятниковъ; а равно и оттого, что онъ помѣщаль смѣшанно слова и болгарскія, и сербскія, и русскія, не различая ихъ народности. Въ 1862—5 г. появилось второе изданіе сего словаря, подъ заглавіемъ: „Lexicon palaeoslouenico-graeco-latinum emendatum auctum ¹¹⁹⁾), представляющее какъ бы совершенно новый трудъ: матерьялъ увеличился противъ прежняго по крайней мѣрѣ въ пять—шесть разъ, допущена большая точность въ нѣкоторыхъ ссылкахъ и выдержкахъ; но передача и толкованіе славянскихъ словъ греческими и латинскими остались съ прежнимъ характеромъ, остался и прежній субъективный способъ правописанія словъ и прежнее неразличеніе этнографическихъ элементовъ языка. Недостатки сіи значительно затрудняютъ употребленіе Словаря Миклошича для критическихъ и историческихъ цѣлей, но все же этотъ обширный почтенный трудъ остается полезнымъ и необходимымъ и въ этомъ отношеніи: ссылки на памятники до нѣкоторой степени вознаграждаютъ недостатокъ историческихъ и этнографическихъ опредѣленій и помѣтъ. Не мало замѣчательныхъ изслѣдованій, болѣе или менѣе касающихся исторіи древне-славянскаго языка, Миклошичъ напечаталъ въ изданіяхъ Вѣнской Академіи, таковы: а) „Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ“, 1860; б) „О Славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ“, 1864; в) „О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ“ 1872—74; г) „Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ“ 1875; д) „Славянскія наименованія мѣсяцевъ“ 1867; е) „Чужія слова въ славянскихъ языкахъ“, 1867; ж) „О языкѣ Болгаръ въ Седмиградіи“, 1856; з) „О слав. элементахъ въ новогреческомъ“, 1870; и) „О славянскихъ элементахъ въ Румунскомъ“, 1861; к) „О славянскихъ элементахъ въ Албанскомъ“, 1870; л) „О сла-

вянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ“, 1871; наконецъ м] „о Глаголитизмъ“ въ Энциклопедіи Эрша и Грубера¹²⁰⁾.. Конечно, для исторіи древне-славянскаго языка не всѣ сіи труды одинаково содержательны и важны.. Важнѣе прочихъ: „о глаголитизмъ“, „разборъ христіанскихъ терминовъ“, „словарь чужихъ словъ“ и „о древнемъ языкѣ болгаръ въ Седмиградіи“.. Если не всегда рѣшенія Миклошича въ концѣ концовъ могутъ удовлетворить изслѣдователя, то богатства собраннаго матерьяла, остроуміе и основательность многихъ объясненій и соображеній — даютъ трудамъ его высокое ученое значеніе.. Даже и тамъ, гдѣ мысль невольно устремляется по другой дорогѣ и приходитъ къ совершенно инымъ заключеніямъ — нельзя бываетъ отказать во вниманіи къ его, отвергаемымъ или оспариваемымъ, положеніямъ, потому что они — плодъ серьезнаго и обширнаго изученія. Таково напр. его „Введеніе“ къ краткой морфологіи древне-славянскаго языка¹²¹⁾. Небольшое по объему, оно представляетъ сжатое, но весьма важное и живое разсмотрѣніе вопросовъ о народности древне-славянскаго языка, о рецензіяхъ паннонской [по его мнѣнію — настоящей древне-славянской], болгарской, сербской, хорватской и русской древне-славянскихъ памятниковъ и о наилучшемъ — по его мнѣнію — способѣ ихъ изданія..

¹¹⁶⁾ „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“. W. 1879—74 г. 4 т. Недавно сей капитальный трудъ оконченъ: 1 т. [второе изданіе] заключаетъ Lautlehre, II — Stammbildungslehre; III [2-е изд.] — Wortsbildungslehre; IV — Syntax.... см. рец. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie I, p. 412—438 и т. IV, с. 482—496. Труды Миклошича по славянскому сравнительному языкознанію начались еще въ 1844 г. превосходною рецензіей

Бопповой Сравнительной Грамматики, помѣщен. въ *Jahrbücher der Literatur*, т. CV, с. 43—70. Статьи въ „*Denkschriften*“ и *Sitzungsberichten*“ Вѣнской Академіи—суть приготовительныя работы къ „Сравнительной Грамматикѣ“. Во многихъ частяхъ онѣ касаются и исторической стороны древне-славянскаго языка; посему я даю здѣсь мѣсто ихъ перечню; таковы статьи въ *Denkschriften*: а) *Die Wurzeln des altslovenischen*, 1857 [VIII Bd.]; б) „*Die Bildung der Nomina im Altslovenischen*“, 1858 [IX Bd.]; в) *Die Verba impersonalia im slavischen*“, 1865 [XIV Bd.]; г) „*Die Negation in den slavischen Sprachen*“, 1869 [XVIII Bd.]; д) „*Über den Ursprung der Worte von der Form Altsl. Trъt*“, 1877 [XXVII Bd.]; е) *Über den Ursprung der Worte von der Form altsl. Trêt und Trat*“, 1878 [XXVIII]; ж) *Über die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen*“, 1878 [XXVIII]; з) „*Über die langen Vocale*“ 1879, [XXIX Bd.]; и изъ *Sitzungsberichten*: а) „*Der präpositionslose local in den slavischen Sprachen*“, 1868, (Bd. LVII); б) *Über die genetivendung g'o der slavischen Sprachen*“, 1869 (LXII); в) „*Über die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen*“, 1871, (LXVIII); г) „*Das Imperfect in den slavischen Sprachen*“, 1874 (Bd. LXXVII); д) „*Über den Ursprung einiger casus der pronominaler Declination*“, 1874 (LXXVIII Bd.); е) „*Beiträge zur altslovenischen grammatik*“, 1875, (Bd. LXXXI). Сверхъ этого Миклошичемъ помѣщено не мало статей въ „*Beiträge zur vergleichende Sprachforschung*“ и въ *Rad'ъ jugoslav. Akademji*..

¹¹⁷⁾ „Jahrbücher der Literatur, 1847, т. СХІХ, с. 1—39. Есть русскій переводъ, въ кв. Перевлѣскѣ: „Памятники старо-славянскаго языка“, Спб. 1854, с. 7—70.

¹¹⁸⁾ „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vind. 1875, 7°, p. XIV+204.

¹¹⁹⁾ „Lexicon palaeoslovenicum—graeco—latinum emendatum auctum. Vind. 1862—1865, 8°, p. XXII+1171.

¹²⁰⁾ а) „Die Bildung der slavischen Personennamen“. W. 1860, 4°, с. 118 (Denkschr. B. X); б) „Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen“, W. 1864, 4°, с. 74 (Dsch. XIV) в) „Die Slavischen Ortsnamen aus Appellativen“, I, W. 1872, 4°, p. 34 (Dsch. XXI); II, 1874, 4°, p. 132 (Dsch. XXIII); г) „Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen“, W. 1875, 4°, p. 58. Dsch. B. XXIV); д) „Die Slavischen Monatsnamen“, W. 1867, 4°, с. 32 (Dsch. B. XVII); е) „Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen“, W. 1867, 4°, p. 68 (Dsch. B. XV) ж) „Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen“, W. 1856, 4°, p. 42 (Dsch. B. VII) cf. Дополненія къ этому труду въ „Slavische Bibliothek, II, p. 140—1; з) „Die slavischen Elemente im Neugriechischen“, W. 1870, 8°, p. 38 (Sitzber. Bd. LXIII). и) „Die slavischen Elemente im Rumänischen“, W. 1861, 4°, p. 70 (Dsch. XII); к) „Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen“, W. 1870, 4°, p. 38 (Dsch. Bd. XIX); л) „Die slavischen Elemente im Magyarischen“, W. 1871, p. 74 (Dsch. Bd. XXI); м) „Glagolitisch“, въ Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste“,

hrsg. v Ersch und Gruber, I section, Bd. 68 L. 1859, p 403—422 et tab. Замѣчу здѣсь, что нѣкоторые труды Миклошича вызвали въ наукѣ очень важныя рецензіи, таковы: рец. Маценауера (въ книгѣ „Cizi slova“ (о ней —ниже) и Буслаева (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 8, с. 540—560)—книги „объ чужеземныхъ словахъ“; рец. Билярскаго (въ соч. О среднеболгарскомъ вокализмѣ, 2-е изд. 1858, стр. 137—143)—книги „о языкѣ Болгарь въ Седмиградіи“; рец. „Лескина (въ Kuhn's Zeitsch. f. vergl. Sprachf. XXI, p. 280)—книги о славянскомъ элементѣ въ новогреческомъ; рец. Срезневскаго (Извѣст. II Отд. т. X, с. 143—151) и Дифенбаха (Kuhn's Zeits. f. ver. Spr. XI, 282 sq.)—книги о славянскомъ элементѣ въ Румынскомъ.

¹²⁾ „Altslovenische Formenlehre in Paradigmen“ W. 1874, 8', p. XXXV+96. Такъ—какъ „Оглавленіе“ „Введенія“ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и положенія ученія Миклошича, то небезполезнымъ нахожу помѣстить его здѣсь въ русской передачѣ: „1) Древне-славянскій языкъ есть языкъ паннонскихъ Славянъ (Slovenen) въ срединѣ IX в.; 2) Объясненіе древне-славянской и болгарской гипотезъ. Различіе между древне—и ново-словенскимъ; 3) Древне-славянскіе памятники распадаются на паннонскіе и непаннонскіе; 4) Перечень паннонскихъ памятниковъ глагольскаго и кирилловскаго письма. Общая характеристика языка паннонскихъ памятниковъ; 5) Непаннонскіе памятники распадаются на болгарскіе, сербскіе, хорватскіе и русскіе; 6) Перечень главнѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ. Общая характеристика ихъ; 7) Пе-

речень нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ. Общая характеристика языка ихъ; 8) Указаніе хорватскихъ памятниковъ. Особенности языка ихъ; 9) Указаніе русскихъ памятниковъ. Отличительные признаки языка ихъ; 10) Востоковское раздѣленіе древне-славянскихъ памятниковъ; 11. Мнѣнія о родинѣ древне-славянскаго языка; 12 и 13 о настоящей книгѣ (т. е. о „Formenlehre“); и наконецъ — 14) Правила изданія древне-славянскихъ памятниковъ“. См. также о сихъ предметахъ содержательную рецензію труда Миклошича, написанную В. В. Ягичемъ, въ Archiv für slavische Philologie I, p. 438—453.

48. Хотя проф. Бодянский и не оставилъ особыхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по исторіи древне-славянскаго языка, но множество замѣчаній о предметѣ, разбѣянныхъ въ „Предисловіяхъ“ къ изданнымъ имъ памятникамъ сего языка ¹²²), а равно его изслѣдованія: а) „О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій“ ¹²³) и б) „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“ ¹²⁴) представляютъ труды необходимые и поучительные для историка церковно-славянскаго языка. Въ особенности послѣднее сочиненіе богато всякаго рода замѣтками и изслѣдованіями по сему предмету. Таковы напр. его разборы „Житія Вячеславова“ (LXXVI—LXXXVIII), подробное разсмотрѣніе вопроса и мнѣній о народности старо-славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разборъ древне-славянскихъ христіанскихъ терминовъ (с. 213 sq. et passim).

Проф. Ѳ. И. Буслевъ еще въ самомъ началѣ своего ученаго поприща — быть можетъ не безъ вліянія образцовъ нѣмецкой науки — обратилъ вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, именно на „вліяніе на него христіанства“ ¹²⁵) и его отно-

шеніе къ языку готскому. Трудъ его имѣеть болѣе археологически-бытовой или культурный характеръ, чѣмъ строго формально лингвистическій; нѣкоторыя стороны и вопросы его позднѣе съ большею точностью и опредѣлительностью разсмотрѣны Миклошичемъ (*Christliche Terminologie*), открылось много новыхъ матеріаловъ для дополненій; но въ цѣломъ изслѣдованіи пр. Вуслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „опытовъ исторіи языка“, понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи... Основываясь на сравненіи съ готскимъ переводомъ Библии, предлагающимъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ XI в., пр. Вуслаевъ доказываетъ, что славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меодія подвергся вліянію христіанскихъ идей, что славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшаго вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ, готскій же переводъ Библии — напротивъ, сохраняетъ рѣзкое начало языческое для выраженія христіанскихъ идей. Далѣе — по заключеніямъ г. Вуслаева — переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ, напротивъ — въ языкѣ готскаго и др.-нѣмецкаго переводовъ Св. Писанія замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ домашнихъ отношеній, отразившихся въ языкѣ, сознаниемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія усилилась грецизмами, которыхъ у Готовъ было гораздо менѣе. Тк. обр. по языку перевода Св. Писанія пр. Вуслаевъ пытается составить понятіе о ха-

рактёръ того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія, а отчасти и самихъ переводчиковъ ¹²⁶)... Другой трудъ пр. Буслаева „Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи писменъ славянскихъ“ ¹²⁷), какъ было замѣчено выше, с. 62, представляетъ рядъ словарныхъ и грамматическихъ извлеченій изъ церковныхъ рукописей по большей части—русской редакціи. Такой же характеръ матерьяловъ имѣютъ и его филологическія объяснительныя статьи или примѣчанія къ текстамъ, напеч. въ „Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ“. М. 1861.

Труды пок. пр. В. И. Григоровича значительны не внѣшнимъ объемомъ и количествомъ, а внутреннимъ содержаніемъ и качествомъ. Къ области исторіи древне-славянскаго языка относятся слѣдующіе собранные въ одинъ небольшой сборничекъ подъ заглавіемъ: „Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка“ ¹²⁸) а): „о значеніи церковно-славянскаго языка“ (многосодержательная, прекрасная рѣчь); б) „о трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго“—грамматическій текстъ Константина Костенческаго, XV в. и весьма важныя замѣчанія о рецензіяхъ въ правописательныхъ школахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ; в) „о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы“—съ краткой систематикой и характеристикой рецензій рукописей кирилловскихъ и глагольскихъ и наконецъ—г) „Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей“. Если къ этому прибавить описаніе и замѣтки о языкѣ аеонскаго глагольскаго четвероевангелія ¹²⁹) и такія же замѣтки о языкѣ древне-славянскихъ рукописей, разбѣянные въ разныхъ мѣстахъ „Очерка путешествія по европейской Турціи“ ¹³⁰)—то будетъ почти все, что писано Григоровичемъ о языкѣ старо-славянскомъ. Есть, впрочемъ, его отлитографированный курсъ грамматики церковно-славянскаго языка (Каз. 1863), гдѣ его ученіе о рецензіяхъ или изводахъ церковнаго нарѣчія

изложено гораздо обстоятельнѣе и пространнѣе, чѣмъ въ вышеназванныхъ статьяхъ ¹²¹⁾.

¹²²⁾ Таковы, помѣщ. въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и древностей: а) „Объ одномъ Прологѣ библ. Москов. духов. типогр.“ (1846, кн. 2); б) „Славянорусскія сочиненія въ пергам. сб. Царскаго“ (1848, к. 7); в) „Грамматично исказаніе... Крижанича“ (1848, 1) г) „Московскіе глагольскіе отрывки“ (1859, к. I) и для исторіи отношеній русской рѣчи къ древне-славянской: „Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“, съписаніе Нестора (1859, к. I); „Сказаніе и страсть, и похвала Бориса и Глѣба“ (1870, к. I).

¹²³⁾ Журналъ Минист. Народн. Просв. 1843, № 6, стр. 130—168.

¹²⁴⁾ Москва, 1855. 8°, с. 381+CXV.

¹²⁵⁾ „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ Исторіи языка по Остромирову Евангелію“, М. 1848, 8° с. 211. Образцомъ Буслаеву, кажется, послужило сочиненіе Рудольфа Раумера: „Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache“, Stt. 1845, а важнѣйшимъ пособіемъ извѣстное изданіе Габеленца и Лэба: „Ulfilas veteris et noui testamenti Gothicae fragmenta“ 2 v. L. 1843—7. Скажу здѣсь кетати, что тотъ, кто захотѣлъ бы переислѣдовать вопросъ въ буслаевскомъ направленіи, найдетъ по отношенію къ языку готскому прекрасную программу въ мемуарѣ Вейнгольда: „Die Gotische Sprache im Dienste des kristenthums“, Hal. 1870, и основательнѣйшее разсмотрѣніе готскихъ христіанскихъ терминовъ въ сочин. Крафта: „Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern“, I Bd.

Ver. 1854, особ. 261 стр. по 326. Ср. Hoffmann's, C. Gothische Conjecturen und Wort-erklärungen“ въ Pfeiffer's Germania VIII, с. 1 sq.

¹²⁶⁾ „О вліяніи Христіанства“ и т. д. стр. 210—11, извлечено изъ „Положеній“.

¹²⁷⁾ Въ книгѣ „Матерьялы для исторіи письменъ, восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ М. 1855, f^o стр. 1—58. Юбилейное изданіе Московскаго Университета.

¹²⁸⁾ Казань, 1852, 8°, с. 108. Помѣщено также въ 1 книгѣ „Ученыхъ Записокъ“ Казанскаго Университета на 1851 г. Статья: „О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ“ — въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наук., т. I, стр. 86 sq. и въ Изслѣдованіяхъ и замѣчаніяхъ о древнихъ памят. Старослав. литературы, Спб. 1856, 8°, с. 8 sq.

¹²⁹⁾ „Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ т. II, с. 241 sq. и „Изслѣдованія и замѣчанія“, и т. д. с. 87 sq.

¹³⁰⁾ Хорошее первое изданіе: Казань (1848) 8°, с. 214, а также и въ Учен. Записк. Казан. Унив. 1848, к. 3.

¹³¹⁾ Замѣчанія о рецензіяхъ церковно-славянскихъ рукописей, сдѣланныя такимъ знатокомъ ихъ, каковъ былъ пок. В. И. Григоровичъ—очень важны; потому я позволю себѣ здѣсь значительное дословное заимствованіе изъ указаннаго въ текстѣ его литографированнаго курса.

„Съ X—XIV в. мы замѣчаемъ только попытки ввести различныя рецензіи въ языкъ, измѣнявшемся время отъ времени отъ вліянія иныхъ нарѣчій. Эти рецензіи не были случайно, онѣ были дѣломъ сознательнаго изученія,

чтобы согласить способ писанія съ мѣстными произношеніями. У насъ церковь заботилась не только о содержаніи, но и о формѣ книгъ. Справщики существовали уже въ XVI в. Тоже думаю — могло быть и въ Болгаріи, которая стремилась къ духовной независимости, гдѣ въ X вѣкѣ былъ независимый Архіепископатъ. Очевидно, что она должна была думать о церковныхъ книгахъ, Греки же не могли этимъ заниматься. Когда Болгарія ослабѣла въ борьбѣ съ Греціей въ началѣ XI в., то церковь болгарская была поручена епископу греческому. Вѣроятно въ это время, когда церковью управляли греческіе епископы — и возникли рецензіи. Въ концѣ XII столѣтія, когда Болгарія возстала при Асѣнѣ, она возникла не только какъ политическое государство, но возобновила также и независимость церковную, въ Терновѣ былъ основанъ патріархатъ. Окончательное же его устройство было въ 1204 году. Онъ существовалъ до совершеннаго преобладанія Турокъ надъ Болгарами. Патріархи spravляли также церковныя книги. Если Болгары управлялись независимо, то вѣроятно они имѣли независимыхъ справщиковъ, заботившихся о содержаніи и формѣ книгъ. До основанія Терновскаго патріархата, сколько мы знаемъ, и Сербы были управляемы болгарской іерархіей. Слѣдовательно, книги нужно было писать такъ, чтобы и Сербы могли понимать ихъ. Въ XIII в. Сербы пріобрѣтаютъ духовную независимость, а въ XIV в. стали даже управляться своимъ независимымъ патріархомъ, называвшимся патріархомъ всего Илирика. Естественно, что и патріархъ сербскій не могъ быть равнодушенъ къ просвѣщенію. И дѣйствительно, мы видимъ, что

при патриархатѣ Сербскомъ была особая школа въ монастырѣ Рассавѣ, гдѣ занимались исправленіемъ книгъ (Изводы Рассавскіе)..

Такимъ образомъ всѣ рукописи дѣлятся на слѣдующія рецензіи:

1) Рукописи, принадлежащія, по преданію, Кириллу и Меѳодію. Это первая рецензія. Но такъ-какъ нѣтъ прототиповъ такихъ рукописей, то мы можемъ принять за нихъ тѣ рукописи, въ которыхъ сохранились ясныя слѣды древности. На Кириллицу мы имѣемъ Остромирово Евангеліе, на Глаголиту — Рукопись Клоціанскую или мою рукопись (т. е. т. н. изв. Аѳонское Четвероевангеліе). Здѣсь въ каждомъ звукѣ видно желаніе выразить его отдѣльнымъ знакомъ, такъ что простые звуки отличаются отъ составныхъ; сверхъ того и тѣ звуки, которые можно назвать бѣглыми, переходными, имѣютъ свои особенныя знаки. Кириллица отличается правильнымъ употребленіемъ ѣ и ѣ, изобилуетъ ренезмами ж, л, ѣ, ѣ и отчетлива въ поставленіи ихъ. Глаголита смѣшиваетъ ѣ и ѣ и употребляетъ большею частью ѣ, употребляетъ также ренезмы ж, л, ѣ, ѣ и еще особенныя знаки $\sigma\rho = \text{д}$. Это древнѣйшая рецензія. Отъ нея мы имѣемъ весьма немного рукописей, именно кирилловскихъ не болѣе 15 и глагольскихъ до 7-ми.

2) Вторую рецензію я назвалъ бы Охридскою, потому что въ Охридѣ было мѣстопробываніе патриарха болгарскаго. Съ паденіемъ болгаріи письменность стала болѣе и болѣе разнообразиться. Главнѣйшія признаки этой рецензіи слѣдующіе: повсемѣстное употребленіе ѣ, юсы же смѣшиваются, т. е.: ж=л, ѣ=и. Знакъ Δ

употребляется часто вмѣсто ринезма. Замѣтно въ этой рецензій стараніе сблизиться съ Глаголитой.

3) Третья рецензія возникла въ древнее время и, вѣроятно—приспособлена для Сербовъ. ъ вездѣ, безъ всякаго различія, ж и л смѣшиваются, іотированіе выражается — напр. ā = и, ē = ю; и, ю и ѡ—нѣтъ, н ѣ часто употребляется какъ ѡ.

4) Четвертую рецензію я назвалъ бы Терновскою, она возникла въ Болгаріи въ XII или XIII столѣтіи. Когда заботливость патріарховъ терновскихъ была устремлена на устройство письменности, то въ этой рецензій возродились всѣ древніе знаки. ѣ и ѡ смѣшиваются, ринезмы всѣ употребляются promiscue, такъ что ж = л и ѡ = ѡ. Здѣсь видно желаніе возстановить древнюю рецензію и поправить произношеніе. Эта же рецензія стала сблизаться со второй и третьей. Сербы, задумавъ о церковной самостоятельности, пользовались также этой рецензіей; но мало по малу—изъ болгарской рецензій переступили въ свою, т. е. въ

5) Сербскую, гдѣ ѣ и ѡ = ѡ и ѡ = у и ю, л и ѡ = с. Это собственно произношеніе сербскихъ рукописей.

6) Когда Болгары и Сербы распространяли письменность и примѣняли ее къ собственному произношенію, въ это время русскіе стали переписывать у себя рукописи съ болгарскихъ (Остромирово Евангеліе), потомъ—со 2-й рецензій стали примѣнять знаки къ своему произношенію: ѣ и ѡ какъ и теперь, ж = у и л = и.

Итакъ, мы можемъ допустить шесть разрядовъ рукописей, и это дѣленіе необходимо для обща-

го опредѣленія ихъ характера. Иной можетъ быть допустилъ бы еще болѣе, на основаніи различныхъ варьированій и нюансовъ (такъ!!) но все это зависѣло совершенно отъ личности переписчиковъ. Есть, впрочемъ, довольно важные признаки, которые мы пропустили: напр.: первая рецензія употребляетъ звукъ **шт**, вторая—**ш**; **ы** писалось сначала **ѣи**, потомъ **ѣ** и наконецъ **ы** и т. д. Эти рецензіи отличаются также употребленіемъ какихъ-то знаковъ, но не удареній, потому что рукописи всегда были безъ нихъ. Намъ кажется, что эти знаки были соединены съ фонетикой напр. **ѣ**, **ѣ**, **ѣ**; но во всѣхъ рукописяхъ до конца XIV в. не найдемъ удареній, они возникли позже. Все это относится ко времени до XIV с. послѣ же начинается вліяніе другихъ нарѣчій и наконецъ еще—вліяніе ученыхъ.

49. Самые важные и обширные труды по древне-славянскому языку принадлежатъ И. И. Срезневскому. Такъ имъ изданы: а) полные тексты всѣхъ доселѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ—съ филологическими и палеографическими разборами и объясненіями ¹²²); б) „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма“, относящ. къ XI, XII, XIII и частію къ XIV в. частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ обширныхъ извлеченіяхъ съ подробнѣйшими филологическими и палеографическими разборами и объясненіями, изслѣдованіями ¹²³); в) цѣлый рядъ памятниковъ древне-славянскаго языка различныхъ изводовъ съ такими же филологическими обзорами, разборами и извлеченіями ¹²⁴). Срезневскому не суждено было свести въ одно цѣлое обширные и разнообразныя свои наблюденія: онъ пи-

таль даже нѣкоторое нерасположеніе къ обобщающимъ выводамъ и заключеніямъ, считая ихъ преждевременными, и охотнѣе устранялъ господствовавшія малоосновательныя мнѣнія и догадки, чѣмъ высказывалъ свои положительныя. Правда, матерьялъ, собранный имъ такъ великъ, его разысканія такъ обширны и точны, что иногда общій выводъ для изучающаго ихъ приходитъ какъ-бы самъ собою; но все же то, что высказано имъ какъ рѣшительное или положительное, какъ-то бѣдно и робко въ сравненіи съ богатствомъ его знаній и разысканій. Разсмотрѣніе памятниковъ юсоваго письма привело Срезневскаго къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „и по правописанію, и по выговору, и по употребленію нѣкоторыхъ формъ словъ и ихъ измѣненій, письмо и языкъ юсовыхъ памятниковъ отличается отъ того древняго славянскаго языка, который считается чистымъ и котораго главныя черты въ этихъ памятникахъ повторяются также, какъ и въ древнихъ памятникахъ русскаго письма—въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе правильно. 2) Въ этихъ памятникахъ отклоненія отъ чистаго славянскаго языка не такъ однообразны, что всѣ могутъ быть считаемы особенностями одного и того же нарѣчія; напротивъ того, онѣ должны быть разсматриваемы, какъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій, отъ чего различныя, однѣ другимъ противоположныя особенности встрѣчаются не только въ разныхъ спискахъ одного и того же памятника, но и въ разныхъ частяхъ одной и той же рукописи“; т. е. „въ юсовыхъ памятникахъ, какъ и въ памятникахъ русскихъ и сербскихъ—черты чистаго славянскаго языка виднѣются сквозь оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій. Какія именно были эти мѣстныя нарѣчія, чѣмъ именно отличались одно отъ другаго, какое господствовало, въ какой мѣрѣ какое было важно для языка письменности? На эти вопросы, многозначительныя въ отношеніи къ народной образованности—отвѣчать опредѣленно еще невозможно. Можно только не отвергнуть, что въ челѣ ихъ занимали мѣсто между про-

чимъ говоры болгарскіе и Мораво-Словенскіе, и что вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ было немаловажно на письменность старо-славянскую. Послѣднее доказывается между прочимъ и памятниками письма русскаго, въ числѣ которыхъ есть не мало, даже и изъ самыхъ древнихъ, очевидно переписанныхъ съ изводовъ юсоваго письма, совмѣщавшихъ въ себѣ особенности разныхъ говорровъ, между тѣмъ какъ на другихъ русскихъ памятникахъ, столько же древнихъ, видно напротивъ того преобладаніе чистаго старо-славянскаго нарѣчія. Древніе памятники глаголическаго письма даютъ также тому доказательства“. . . Касательно отечества или происхожденія старо-славянскаго нарѣчія Срезневскій высказался довольно рѣшительно противъ его болгаризма; но отъ прямаго положительнаго рѣшенія воздержался. „Принимая во вниманіе — говоритъ онъ — громадное заселеніе Славянъ вмѣстѣ съ обстоятельствомъ образованія языка церковныхъ книгъ, мнѣ кажется, нельзя сказать, что церковно-славянское нарѣчіе было только въ Болгаріи и нельзя назвать его Болгарскимъ. Если разобрать слова старо-славянскаго языка, упоминаемыя у Грековъ и Римлянъ и встрѣчающіяся въ языкѣ Румуновъ и Венгровъ, то окажется, что языкъ старо-славянскій употреблялся на весьма обширномъ пространствѣ, а не въ одной Болгаріи. Болгарскимъ его можно назвать развѣ потому, что старо-славянскій языкъ близокъ къ нему; но почти тоже можно сказать и о близости къ другимъ нарѣчіямъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду обстоятельства образованія книжнаго языка, нельзя устранить отъ участія въ немъ Мораво-Словенскаго нарѣчія; потому что переводъ совершился въ Моравіи, и Моравскіе — ученики Константина не могли не внести своего элемента. Предположить, что они совершенно забыли свой языкъ — невозможно“¹³⁵). Нерѣшительность во мнѣніяхъ (печатно высказанныхъ) Срезневскаго можетъ оставить изслѣдователя въ недоумѣніи, но никогда не введетъ его въ заблужденіе... А это — великое достоинство!

Сверхъ этого разнообразныя наблюденія и изслѣдованія Срезневскаго надъ составомъ древне-славянскаго языка открываютъ въ исторіи послѣдняго множество новыхъ сторонъ, дотолѣ никѣмъ не подмѣченныхъ, представляютъ много частныхъ открытій, теряющихся для глаза вслѣдствіе ихъ разбросанности и скромной формы. Важность и великое значеніе такихъ наблюденій для науки исторіи старо-славянскаго языка и филологической критики — объявится вполне только тогда, когда они будутъ систематически классифицированы и сведены въ одно, какъ то сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ отношеніи филолого-палеографическихъ наблюденій Востокова.

¹³²⁾ „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками Кириллицы“, Спб. 1866, 8°, с. 298+10 снимк. Изъ III—V т. Извѣстій русскаго Археологическаго Общества отдѣльный оттискъ въ числѣ 100.

¹³³⁾ „Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка“, Спб. 1868, 8°, с. 192+416+24. Первая половина книги занята обзорѣніемъ памятниковъ въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи: правописаніе, звукоупотребленіе и грамматическія формы каждаго памятника разобраны особо.

¹³⁴⁾ Въ изданіи: „Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“ Спб. 1867—1879, три тома, помѣщено множество грамматическихъ разборовъ и словарныхъ извлеченій изъ памятниковъ (XI—XV вв.) старо-славянскаго языка въ изводахъ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ и вообще юго-славянскихъ. Нѣкоторые разборы представляютъ образцовое приложеніе филологической критики къ рѣшенію

вопросовъ о происхожденіи и составѣ памятниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень важно и его изданіе X Слова Григорія Богослова XI в. Извѣстія II от. Ак. Н. т. IV с. 294—312.

¹³³⁾ Заимствуемъ эти строки изъ „Чтеній по исторіи славянскаго языка и его нарѣчій“, отлитографированныхъ слушателями И. И. въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ вспомнить и то, что сказано Срезневскимъ касательно отличенія и отдѣленія словъ и выраженій чистаго древне-славянскаго языка отъ болгарскихъ и русскихъ: „не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меодія, по кончинѣ послѣдняго, нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи вмѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, и такіе, подражатели какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, неизвѣстные.. Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудясь въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они волей и неволей употреблять слова и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили-ли бы ихъ или нѣтъ братья—первоучители? Не могли-ли они, не должны ли были они идти въ этомъ отношеніи той же дорогой, какой шли наши русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія чистаго старо-славянскаго нарѣчія, чѣмъ проще писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго славянскаго языка не

можетъ не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать старо-славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ и что—по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій—долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси не только по словамъ общежитейскимъ, но также по словамъ чисто литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хоть приблизительно опредѣлить независимо отъ правописанія время и мѣсто первоначальнаго написанія памятниковъ¹³⁶... См. соч. „Мысли о Словарѣ славянскихъ нарѣчій“ Шлейхера и Срезневскаго, Спб. 1866 (Сборникъ II Отд. Ак. Н. т. I, № 2), стр. 19—20.

50. Хотя, подобно Миклошичу—Шлейхеръ посвящалъ свои занятія главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію,¹³⁶) но онъ—естественно—во многихъ случаяхъ долженъ былъ касаться и историческихъ вопросовъ. Его занимала, впрочемъ, не столько та исторія, для которой имѣются прочныя данныя въ памятникахъ, а предшествующія ей стадіи въ историческомъ развитіи языка, постигаемыя, такъ сказать, теоретически и возстановляемыя путемъ искусственной реставраціи, посредствомъ соображенія различныхъ данныхъ въ различныхъ языкахъ. Рядъ такихъ трудовъ его открылся „Ученіемъ о формахъ церковно-славянскаго языка“, изд. въ 1852 г.¹³⁷) Это—сравнительная обработка данныхъ, заключающихся (отчасти) въ первомъ и въ третьемъ томахъ „Сравнительной

Грамматики“ Миклошича. Во „Введеніи“ къ труду разсматриваются: славянская рѣчь въ отношеніи своемъ къ семьямъ другихъ языковъ индо-европейскаго корня, древне-славянской (= церковной) въ своемъ отношеніи къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и церковно-славянское письмо. Слѣдуя Шафарику, Шлейхеръ усвоитъ старо-славянскому языку болгарское происхожденіе... Основавъ въ 1858 (вмѣстѣ съ А. Куномъ) „Повременникъ“, въ которомъ славянскія нарѣчія занимали одно изъ главныхъ мѣстъ ¹³⁸⁾, Шлейхеръ открылъ его „краткимъ очеркомъ исторіи славянскаго языка“ ¹³⁹⁾, представляющимъ попытку возстановленія жизни славянскаго языка отъ того времени, когда онъ входилъ въ составъ общаго индоевропейскаго языка, до времени уже строго историческаго, когда онъ является въ развѣтвленіи на отдѣльныя нарѣчія. Позднѣе, въ 1865 г. Шлейхеръ возвратился къ тому же предмету и переработавъ, распространивъ и измѣнивъ во многомъ свой „Краткій очеркъ“, напечаталъ его уже только по русски въ Запискахъ Академіи Наукъ ¹⁴⁰⁾. Эти работы относятся къ области палеонтологіи славянскаго языка. Къ исторіи положительной принадлежитъ провѣрка лингвистическими данными Колитара—Миклошичевой теоріи словинскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, причемъ Шлейхеръ приходитъ къ убѣжденію, что славянское нарѣчіе не могло быть прямымъ потомкомъ древне-славянскаго (= древне-болгарскаго) ¹⁴¹⁾.

Изъ разнообразныхъ и многополезныхъ трудовъ по славянскому языкознанію пр. М. Гатталы назовемъ здѣсь только тѣ, которые прямо и непосредственно касаются языка старославянскаго, таковы: а) „Объ отношеніи древне-славянскаго языка (по Гатталъ = древнеболгарскаго) къ нынѣшнимъ нарѣчіямъ славянскимъ“, б) „О носовыхъ звукахъ въ болгарщинѣ вообще и въ частности въ языкѣ новоболгарскомъ“, в) „О перемѣнѣ смежныхъ согласныхъ (группъ согласныхъ) въ славянскихъ нарѣчіяхъ“

и наконецъ г) „Очищеніе языка чешскаго“¹⁴²⁾ Последній трудъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно заключать по названію: въ немъ очень много важныхъ замѣчаній для исторіи славянскаго языка вообще и для оцѣнки чужеземныхъ стихій въ немъ. Рѣзкій, иногда послѣдшій и мало осторожный по отношенію къ лицамъ. Гаттала въ своихъ трудахъ всегда осмотрителенъ, проницателенъ и основателенъ въ заключеніяхъ и оцѣнкѣ данныхъ языковъ. Высокое ученое достоинство ихъ для славянскаго языкознанія не подлежитъ сомнѣнію¹⁴³⁾.

¹³⁶⁾ Довольно полное перечисленіе трудовъ Шлейхера находится въ книгѣ: „Мысли о словарѣ славянскихъ нарѣчій—Шлейхера и Срезневскаго“ Спб. 1866, с. 41—8 (Сборн. II отд. т. I, № 2).

Изъ трудовъ по сравнительному славянскому языкознанію здѣсь могутъ быть названы: „Das Futurum im Deutschen und Slavischen въ Zeits. f. vergl. Sprachfor. т. IV, с. 187—197; „Ueber v (—ov-, —ev-) vor den Casusendungen im Slavischen,“ Sitz. Ber. der Wien. Acad. 1852, II, II, и отдѣльно; „О Infinitivѣ а supinum w jazyku Slowanském“ въ Časop. Česk. Mus. 1849, III, 153—157 и три статьи въ приложеніи къ его сочиненію: „Die Sprachen Europas 1850, стр. 244—265: 1) Was entspricht im Littauischen dem altslawischen љ и њ; 2) „Ueber das Supinum im Slawischen“; 3) Ueber einige participialformen im Slawischen“; наконецъ сюда же относятся и славянскіе отдѣлы его знаменитаго „Compendium'a der vergleichendem Grammatik“ 2-е изд. 1866.

¹³⁷⁾ Formenlere den kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852, 8°, с. XXIII+376.

¹³⁸⁾ Beiträge zur vergleichende Sprachforschung auf den gebiete der Arischen Celtischen und Slawischen Sprachen“, досель VII т.

¹³⁹⁾ „Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache“, Beiträge z. v—s. I, p. 1—27.

¹⁴⁰⁾ „Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо германскихъ языковъ“, Спб. 1865 (какъ приложение къ VIII т. Записокъ Ак. Н.) p. 64.

¹⁴¹⁾ „Ist das Altkirchenslavische — Slovenische“, Beitr. 2. v. Spr. I. 319—327.

¹⁴²⁾ а) „O poměru cyrilliciny k nynějším [nářečím slovanským“ въ Časop. Česk. Mus 1855, I, p. 81—104.

б) „O nosnih samoglasih u bugarštini u obče i naposé u novaj“ въ Kníževnik, Ag. 1865, II, p. 414—421, 461—476.

в) „De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavica“, Pr. 1865, 4°, p. 104. Эта статья вызвала реплику со стороны Лескина: „Zur neuesten Geschichte der slavischen Sprachforschung“ въ Beitr. z. vergl Spr. V, p. 403—444; на что со стороны Гаттала послѣдовала дуплика въ брошюрѣ: „August Schleicher und die slavischen Consonantengruppen“ Pr. 1869, 8°, 94 p. Poleмикой ни Лескинъ не уменьшилъ достоинствъ изслѣдованій Гаттала, ни Гаттала не увеличилъ ихъ..

г) „Brus jazyka českého“, „přispěvek k dějinám osvěty vůbec a slovanské i české zvláště. P. 1877, 8°, IV+304.

¹⁴³⁾ Иные труды его по сравнительному славянскому языкознанію — суть:

а) Zvukosloví jazyka staro i novo českého a

slovanského, P. 1854, 8°, VIII+112.

б) Srovnovací mluvnice jazyka českého a slovenského, Pr. 1857, 8°, p. XXII+336.

в) Posouzení Fr. L. Čelakovského: „Čtení o srov. mluv. slovanské“ въ Časop. č. Mus. 1854, p. 103—142.

г) „O Ablativě v slovančině a litvančině“, Časop. č. Mus. 1857, 227—251; 564—581. 1858, 347—357, 519—533 и отд. Pr. 1858.

д) Početne skupine suglasah hrvatskih v srbskih“ въ Rad jugoslavenske Akad. IV, p. 104—175 и отд. Ag. 1868.

51. Труды по древне-славянскому языку В. В. Ягича—хотя и не имѣютъ систематическаго общаго, обнимающаго какой нибудь цѣльный отдѣлъ языка—характера, тѣмъ не менѣе и разнообразны и—что всего важнѣе—исполнены съ отчетливостью и полнымъ вниманіемъ къ современнымъ требованіямъ историко-сравнительной филологической науки. Таковы его обширные разборы языка а) Ассеманіева и б) Зографскаго глаголическихъ Евангелій, его разборъ языка в) древняго славянскаго перевода Евангелія вообще, его г) филологическія объясненія къ памятникамъ Юго-славянской письменности, имъ же изданнымъ въ Сборникѣ юго-славянской Академіи ¹⁴⁴), таковы его разныя изслѣдованія и замѣтки въ издаваемомъ имъ „Архивѣ славянской филологіи“ (перечень важнѣйшихъ изъ нихъ находится ниже, подъ числами 51 и 55). Изслѣдованія Ягича отличаются строгостью и достовѣрностью лингвистическаго метода. Этимъ—естественно—опредѣляется ихъ цѣна и значеніе.

Происхожденіе и историческое образованіе древне-славянскаго языка было—наконецъ—предметомъ разсужденій г) Ламанскаго въ его ст. „Непорѣшенный вопросъ“ ¹⁴⁵). Г. Ламанскій подвелъ такъ сказать итогъ

тѣмъ понятіямъ о предметѣ, къ которымъ привело Срезневскаго тщательное изученіе памятниковъ старо-славянскаго языка. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и пришелъ къ гипотезѣ объ искусственномъ происхожденіи языка старо-славянскаго. Гипотеза вѣроятная, заслуживающая полного вниманія, а потому умѣстно будетъ остановиться на ней нѣсколько долѣе, чѣмъ мы обыкновенно дѣлали съ другими вопросами: „Какъ нарѣчіе македонскихъ Славянъ, языкъ свв. Кирилла, Меѳодія и Климента въ IX—X вѣкахъ, не могло быть тождественно съ нарѣчіемъ задунайскимъ, завоеванныхъ Болгарами Славянъ, такъ еще болѣе должно было быть различія между языкомъ македонскимъ, моравскимъ и паннонскихъ Славянъ, къ которымъ, по приглашенію ихъ князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую дѣятельность изобрѣтатель славянской азбуки, его братья и ихъ ученики, уроженцы Македонскіе. Частію съ намѣреніемъ, дабы быть понятнѣе новой средѣ, отчасти неволью и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліаніемъ новой среды, Македонскіе проповѣдники въ вышней и нижней Моравіи мало-по-малу воспринимали въ свою устную и письменную рѣчь новыя обороты и выраженія, необычныя въ Македоніи и необходимыя въ жизни Славянъ Моравскихъ. Такъ, въ первые же годы появленія славянскихъ апостоловъ съ ихъ учениками въ Моравіи значительно видоизмѣнился въ ихъ устахъ и писаніяхъ ихъ отечественный или, по крайности, тотъ славянскій языкъ, на которомъ они проповѣдывали Славянамъ слово Божіе. Оставаясь языкомъ славянскимъ, онъ переставалъ быть нарѣчіемъ чисто-Македонскимъ и въ то же время не дѣлался чисто-Моравскимъ. Въ создавшійся тогда письменный церковный языкъ Славянъ особенности нарѣчія Моравскаго должны были быть вносимы во множествѣ новыми учениками св. Меѳодія, природными Мораванами. Чтобъ яснѣе себѣ представить совершавшійся тогда процессъ образованія этого письменнаго языка, перенесемъ мысленно въ Мора-

вію Ростислава и Святополка. Подъ благотворнымъ вліаніемъ славянскихъ апостоловъ, подъ покровительствомъ Ростислава (въ первое время), Святополка и многихъ знатныхъ и богатыхъ Мораванъ, при сильномъ негодованіи и ропотѣ нѣмецкаго духовенства Моравіи въ ней возникаетъ небывалая прежде среда первыхъ славянскихъ писателей и ученыхъ, сочинителей, переводчиковъ и писцовъ. Въ общихъ рабочихъ кельяхъ этихъ Климентовъ, Наумовъ, Гораздовъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ труженниковъ, нерѣдко происходятъ живыя бесѣды и пренія объ употребленіи того или другаго реченія, той или другой формы грамматической, того или другаго способа написанія извѣстнаго звука или слова. Пришлые Македонскіе уроженцы упорно отстаиваютъ и защищаютъ чистоту своихъ македонскихъ формъ и оборотовъ противъ своихъ учениковъ уроженцевъ Моравіи, которые желаютъ вытѣснить и замѣнить эти македонизмы своими моравскими формами и выраженіями. Очень правдоподобно, что при этомъ консерватизмъ Македонянъ нерѣдко одерживалъ верхъ надъ нововведеніями Моравскими, благодаря не только авторитету общаго наставника Меѳодія, но и той помощи, которую могли оказывать Македонянамъ нѣкоторые его ученики изъ паннонскихъ Славянъ, изъ Словинцевъ, княжества Коцела. Часто конечно, бывало, что Македонское выраженіе или форма, не совсѣмъ понятныя Моравяну или Словаку, были ясны и просты для разумѣнія Словинца. Такъ въ не долговременный, но плодотворный періодъ славянской образованности, со времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ св. Кирилломъ до кончины св. Меѳодія и разсѣянія его учениковъ по землямъ юго-славянскимъ и на сѣверъ (когда-же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христіанство?), въ этотъ періодъ уже положено было твердое начало образованія письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ, ученыхъ Славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Это

было не одно какое-нибудь извѣстное нарѣчіе, какъ оно употреблялось въ устахъ того или другаго мѣстнаго населенія великой родины славянской, это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ бессознательности и непосредственности народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ быть обрабатываемъ учеными и писателями различныхъ племенъ славянскихъ“¹⁴⁶). Предположеніе г. Ламанскаго — имѣють основанія и потому немалую цѣнность. Приходится только сожалѣть, что они остались безъ прочныхъ ученыхъ доказательствъ; ибо что далѣе говоритъ авторъ, то уже не относится къ наукѣ, а къ области гаданій греко-славянскаго свойства, причемъ и методъ употребляется не научный, а, по его обыкновенію, греко-славянскій.

¹⁴⁴) а) его „Разрѣва“, грамматическая лексикальная и критическая о Ассеманіевомъ Евангеліи помѣщена въ предисловіи къ изданію послѣдняго, сдѣланному Рачкимъ: „Assemanov ili Vatikanski Evangelistar, Zagr. 1865, р. XII—С. Впрочемъ—послѣ того, какъ доказано, что изданіе Рачкаго не вполне отвѣчаетъ требованіямъ филологической критики—и заключенія Ягича нуждаются въ нѣкоторыхъ (не важныхъ впрочемъ) поправкахъ.

б) „Studien über das altslovenisch—glagolitische Zographos Evangelium“ въ Archiv für slav. phil. I, р. 1—55 и II, р. 201—269. Cf. также предисловіе къ его изданію „Зографскаго Евангелія“ Ber. MDCCCLXXIX, 4°.

в) ст. „Evangelije u slovênskom prievodu“ въ кн. „Tisučnica s. Cirila i Metoda“. Zag. 1863, р. 31—66.

г) въ Сборникѣ: „Starine“ книги V, VI, IX—рядъ памятниковъ подъ заглавіемъ: Opisi

i izvodi iz nekoliko južnoslovenskih rukopisa“ и отдѣльно три книги 1873—7.

¹⁴⁵⁾ Журналъ Минист. Народ. Просв. 1869, № 1, стр. 122—163.

¹⁴⁶⁾ Ibidem, p. 125—6.

52. Изслѣдованіе древне-славянскаго языка шло въ разныхъ направленіяхъ: одни разработывали отдѣльные вопросы или группы отдѣльныхъ вопросовъ сравнительно-исторически, другіе извлекали, систематизировали матерьялъ отдѣльныхъ памятниковъ въ грамматическомъ или словарномъ отношеніи, наконецъ, третьи пытались воспользоваться данными языка для рѣшенія бытовыхъ, историко-культурныхъ вопросовъ или же съ такой точки зрѣнія разсматривали извѣстные отдѣлы словарнаго матерьяла.

I. Къ первымъ принадлежатъ изслѣдованія: а) Лесбина—„о вокализмѣ средне-болгарскихъ памятниковъ“; б) Шолфина: „о склоненіяхъ паннонско-словенскихъ памятниковъ древне-церковнаго славянскаго языка; в) Ягича: „о звуковомъ значеніи носоваго **а** въ древне-болгарскомъ“; г) Лудвига: „о нѣкоторыхъ носовыхъ формахъ въ древне-славянскомъ“; д) Поттебни: „о первоначальномъ звуковомъ значеніи славянскихъ носовыхъ“; е) Лесбина: „о значеніи **ъ** и **ь** въ такъ называемыхъ древне-славянскихъ памятникахъ церковнаго языка; ж) Головачевскаго „о звуковомъ значеніи глаголическаго **ъ**“. з) Колосова: „отношенія гласныхъ звуковъ въ старославянскомъ языкѣ“ и „о звукѣ **ы** и его отношеніи къ **оу** въ старославянскомъ“..

II. Ко вторымъ относится:—1) тщательный трудъ А. С. Будиловича о языкѣ знаменитаго древне-славянскаго перевода словъ Григорія Богослова XI в.; 2) Горскаго и Невоструева—словарныя и грамматическія извлеченія изъ различныхъ памятниковъ старославянскихъ въ „Описаніи славянскихъ рукописей Синодальной бібліоте-

ки"; 3) Невоструева.—грамматическія извлеченія изъ древняго слова Ипполита объ Антихристѣ; 4) И. И. Срезневскаго—словарныя выписки изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ; 5) Воскресенскаго—разборъ языка древне-славянскаго перевода Апостола; 6) Малинина—разборъ языка сборника извѣстнаго подъ именемъ Златоструя; 7) В. И. Срезневскаго—изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода Псалтири; 8) о. арх. Амфилохія: Словарныя извлеченія и выписки изъ Пандектовъ Антиоха XI в., Евангелій—Юрьевского 1118—28 и Архангельскаго 1092, Сербскаго Октоиха XI (? XIV в.); 9) Ягича: замѣтки о языкѣ Михановичева отрывка глагольскаго апостола ¹⁴⁷⁾. Многіе изъ сихъ трудовъ суть только матерьялы, иногда очень тщательно и разборчиво сведенные и размѣщенные, иногда въ сыромъ видѣ и безъ должнаго выбора; но польза и значеніе ихъ для исторіи славянскаго языка и филологической критики не можетъ—кажется—быть вопросомъ.

¹⁴⁷⁾ Ad I: а) Leskien: „Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler“, Archiv f. slav. Ph. II, 269—288.

б) Scholvin: „Beiträge zur Declination in den pannonisch—slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen“, Archiv f. slav. phil. II, 482—569.

в) Jagić: „Wie lautete ж bei den alten Bulgaren“, Archiv f. sl. Ph. III, p. 312—357.

г) Ludwig, A. „Ueber einige nasale Formen“ въ Sitzungsberichte d. böhm. Gesel. d. Wiss. Jahr. 1874, p. 169—176.

д) Потѣбня, А. А.: Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth den slavischen Nasalvocale“, Archiv f. sl. Ph. III, 614—620.

е) Leskien: „Die Vocale ѣ и ѣ im den

sagenn altslovenischen Denkmälern des kirchenslavischen“ L. 1875, 80, 137, оттиски из Berichte d. säch. Ges. d. Wiss. 1875, I p. 35—137.

ж) Головачевскій: Uber den Lautwerth des glagolitischen Ѣ“, Archiv f. sl. Phil. 134—141.

з) Колосова ст. въ „Филологическихъ Запискахъ 1871, вып. III, стр. 1—8; и 1872, вып. I—II, с. 27—37.

ad II: 1) Будиловичъ: „Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по ркн. XI в.“ Спб. 1871 8°, с. VI+152 и III снимка. Рец. Водуэна-де-Куртэнэ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872, № 8, с. 342—363 и № 11, с. 166—189.

2) „Описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной бібліотеки“ М. 1855—69, 5 книгъ.

3) „Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII в.“ М. 1868, с. 111—188 въ Примѣчаніяхъ. Срав. замѣт. И. И. Срезневскаго въ книгѣ: Сказанія объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, Спб. 1874, p. 20—2.

4) И. Срезневскаго: „Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Ѡ. И. Булаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ“ въ Матерьялахъ для сравнитель. словаря и грамматики“, Спб. 1856, т. III, с. 561—571.

5) Воскресенскій: „Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“ Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода апостола XII—XV в. -М. 1879, 8°, 343+IV.

6) Малининъ: Изслѣдованіе Златоостра по ркн. XII в. И. П. биб. Кіевъ, 1878, 8°, с. 420+II, 3 снимка.

7) Срезневскій, Вяч. И.: „Древній переводъ Псалтыри“. Изслѣдованіе его текста и языка по рукоп. XI—XIV в., Спб. 1877, 4°, с. 88+110+4 снимка.

8) о. арх. Амфилохій: а) „Выписки изъ списка Пандекта Антиохова“ XI в., въ Извѣст. II отд. Ак. Н. т. VII, с. 41—8, 147—155, и отд.; б) „Описаніе Юрьевскаго Евангелія“ 1118—28 М. 1877 и при этомъ, особо: „Древле-славяно-греко-русскій словарь изъ Юрьевскаго Евангелія, сличенный съ Евангеліями XI, XII в. и 1270 г. М. 1877, 4°, с. 39; в) Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877, 4° с. 32+10 таб; г) „О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. югославянскаго юсоваго письма“ М. 1877, f°, XVII+52. См. весьма хорошую рец. Ягича въ Archiv f. Slav. Phil. III, 168—176; д) выборъ словъ изъ древняго славянскаго Кондакаря, издан. подъ заглавіемъ: „о греческомъ Кондакарѣ“, Спб. 1869, 37. Прилож. къ VII т. Записокъ Акад. Наукъ.

9) Jagić: Gradja za glagolsku paleografiju“, пом. въ Rad. jugosl. Akad. t II, 1868, p. 1—35.

53. III. По разработкѣ культурной или бытовой стороны и содержанія древне-славянскаго языка назовемъ:

1) Лавровскаго—: „Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ“, Спб. 1867, 8° с. 118+II. Основа-тельный опытъ славянской лингвистической палеонтологіи, одинаково важный и любопытный и для лингвиста и для археолога-историка. Нельзя сомнѣваться, что если бы трудъ

нашего слависта былъ извѣстенъ европейскимъ ученымъ —, то, пользуясь указаніями славянскаго матерьяла, въ немъ собраннаго и изслѣдованнаго, такое замѣчательное сочиненіе, какъ книга Дееке: „О нѣмецкихъ именахъ родства“ (*Die Deutschen Verwandschaftsnamen... nebst vergleichenden Anmerkungen*“, W. 1870, VIII+223, p.) — измѣнило и расширило бы не мало изъ своихъ утверженій.

2) Морошкина, св.: „Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ“, Спб 1867, 8^о, с. 108+213. Первая половина книги заключаетъ въ себѣ добросовѣстно и трудолюбиво составленное изслѣдованіе, состоящее изъ трехъ частей: въ первой разсматриваются имена, какъ слова, состоящія изъ извѣстныхъ корней, имѣющихъ извѣстные суффиксы, т. е. грамматически, въ отношеніи образованія именъ; — во второй — понятія, выражаемыя личными славянскими именами, т. е. археологія собственныхъ именъ, обставленная и обычаями, относящимися къ рожденію и нареченію имени; въ третьей — разсматривается вліяніе христіанства и международныхъ отношеній на строй личныхъ славянскихъ именъ. Вторую половину книги занимаетъ Словарь собственныхъ славянскихъ именъ съ обстоятельными ссылками на источники. Какъ по матерьялу, такъ и обработкѣ реальной исторической стороны Именословъ Морошкина — полнѣе и тщательнѣе всего, доселѣ издавнаго въ семь родѣ. Рецензія И. И. Срезневскаго въ Отчетъ о шестомъ присужденіи награды гр. Уварова, 1863, с. 24—31.

3) Маценауера: *Cizí Slova ve slovanských řešech*, Brno 1870, 8^о VII+422. Первое отдѣленіе книги, стр. 15—93, есть обстоятельная критика труда Миклошича „*Fremdwörter etc.*“ (см. выше, подѣ числомъ 47): авторъ разсматриваетъ тѣ слова, которымъ Миклошичъ усваиваетъ чужеземное происхожденіе и которыя — по его (Маценауера) мнѣнію — происхожденія славянскаго; второе отдѣленіе заключаетъ собранныя авторомъ чужеземныя сло-

ва въ славянской рѣчи. Трудъ — очень важный. Здѣсь замѣчу, что будущій изслѣдователь предмета долженъ непременно воспользоваться трудами (оставшимися неизвѣстными и Миклошичу и Маденауеру) Эбеля (*Über die Lehnwörter der deutsche Sprache* 1856) и Виндлера (*Zusammenstellung der Fremdwörter des Alt und Mittelhochdeutschen nach sachlichen Kategorien*. Zwickau 1865).

4) Будиловича: „Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ“ ч. I Кіевъ 1878, 8^о с. XXII+408+XV. Сія часть обнимаетъ данныя, относящіяся къ внѣшней природѣ. Тотъ кто будетъ помнить, что это первый въ славянской наукѣ обширный опытъ собранія данныхъ, относящихся къ славянской лингвистической палеонтологіи, кто сверхъ этого не предъявить слишкомъ строгихъ научныхъ требованій термину: „изслѣдованія“, тотъ найдетъ и признаетъ въ книгѣ А. С. Будиловича въ высокой степени полезный и трудолюбивый сборъ данныхъ, извлеченныхъ изъ многихъ словарей славянскихъ нарѣчій, хотя бы даже ему пришлось разойтись съ авторомъ и въ приемахъ разработки предмета и во многихъ конечныхъ заключеніяхъ. Трудъ — повторяю — заслуживаетъ полной признательности. Рецензіи: Вгйскнер'а въ *Archiv für slavische Philologie* IV, p. 451—4; Бодуэна-де-Куртене, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1879, т. II, № 4, с. 165—206; отвѣтъ Будиловича обомъ — тамъ же 1880, кн. 2, стр. 295—309.

Сюда же въ нѣкоторомъ отношеніи принадлежитъ и сочиненіе —

5) Кочубинскаго — „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“, Од. 1877—8, т. 1 и 2 I, с. IV+222+90. Попытка на основаніи историческаго и сравнительнаго разбора нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ сочетаній въ славянскихъ нарѣчійхъ рѣшить вопросъ

объ отношеніяхъ послѣднихъ. Авторъ примѣняетъ къ славянской семьѣ мысль Іоанна Шмидта (*Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen*, W. 1872), во многихъ случаяхъ довольно удачно, но едва-ли въ главномъ результатѣ, имѣющемъ характеръ одного отрицанія господствующихъ мнѣній. Ратуя весьма основательно противъ своеволія узкаго сербскаго патриотизма Даничича въ рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (въ кн. „Диоба словенскаго језика, В. 1874)—А. А. Кочубинскій самъ впадаетъ въ сѣти того же врага строгой науки и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русской рѣчи къ прочимъ славянскимъ — догматическимъ императивомъ о протоэтническомъ первенствѣ его, т. е. не столько научнымъ, сколько патриотическимъ методомъ. Но при всѣхъ частныхъ недостаткахъ своихъ, усиливаемыхъ еще нѣкото­рою аподиктической, рѣзкою рѣшительностью тона—трудъ Кочубинскаго заключаетъ въ себѣ обиліе самостоятельно добытаго матерьяла и вѣрныхъ замѣчаній; онъ исполненъ съ совѣтливимъ отношеніемъ къ дѣлу и желаніемъ не пренебечь ничѣмъ, что могло бы послужить къ рѣшенію его задачи. Потому я не могу здѣсь искренно не пожалѣть, что во многихъ статьяхъ основательныя критическія замѣчанія г. Бодуэна-де-Куртенэ—были высказаны въ такой малодостойной научной формѣ и съ такимъ прискорбнымъ забвеніемъ долга справедливости и уваженія къ личности разбираемаго имъ автора. См. его рецензію труда Кочубинскаго, подъ заглавіемъ: „Критика и библіографія“. „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ“... и т. д., Каз. 1879, с. 47.

Наконецъ — здѣсь мѣсто указать и тѣ немногіе труды, которые посвящены разъясненію вопроса о славянскомъ началѣ въ языкѣ новыхъ Грековъ, таковы—кромѣ статьи Миклошича (см. выше подъ числомъ)—еще слѣдующія:

а) Г. С. Дестуниса: „Матерьялы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ Славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ“ въ „Матерьялахъ для Сравнительн. и объясн.

Словаря и Грамматики“, т. III, 354—362 и V, 7—380, 147—160; 241—258.

б) Орбинскаго: „О слѣдахъ Славянства въ языкѣ новогреческомъ въ Журн. Минист. Народ. Пр., 1854, ч. LXXXIII, с. 94—112.

54. Изслѣдованія судьбъ старо-славянскаго языка въ различныя славянскихъ странахъ были обращены преимущественно на сербскую его область: менѣе существуетъ изслѣдованій, посвященныхъ русской области (о нихъ ниже), еще менѣе, почти ничего — болгарской.

Почти одновременно съ В. С. Караджичемъ, издавшемъ „Примѣри српско-словенскаго језика“, В. 1857, 8^о, с. 79, представляющіе тексты (не древніе) сербо-церковнаго нарѣчія съ нѣкоторыми замѣчаніями, — появился обширный трудъ А. А. Майкова: „Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіей народа“¹⁴⁸). Книга заключаетъ въ себѣ два отдѣла: историческій (с. 1—306) и языкословный (с. 307—823). Обоимъ отдѣламъ предпосланы вводныя обзорныя памятниковъ. Въ отношеніи языка главной задачей изслѣдователя „было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе древне-сербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ привносовъ другой, церковно-славянской стихіи и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ“. Привожу здѣсь положенія автора, выражающія его конечные выводы по отношенію къ сербскому письменному языку: а) Значки въ древне-сербскихъ памятникахъ двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной. б) Звукодвиженіе и словодвиженіе древне-сербскаго письменнаго языка вмѣщаютъ въ себѣ два родственныя, взаимодѣйствующія образовательныя начала: церковно-славянское и народное.

Начала эти присутствуютъ въ немъ неравномѣрно, смотря по содержанію, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ бы не было ихъ обоихъ. в) Народное начало есть главный образователь древне-сербскаго письменнаго языка въ кирилловскихъ памятникахъ. Оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣчаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство славян. нарѣчій и отличительное ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходные звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки. г) Церковно-славянское начало, второй образователь древне-сербскаго письменнаго языка — входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствованіе. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отдалается съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ привнесомъ подъ вліяніемъ своей письменности. д) Относительно двухъ образовательныхъ началъ, кирилловскіе памятники распадаются на двѣ главныя семьи: восточную и западную. Первая указываетъ преимущественно свойства восточнаго подрѣчія, вторая — западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ церковно-славянскаго начала, вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ семьяхъ — большая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ“¹⁴⁹). Г. Майковъ ограничился памятниками писанными кириллицей, оставляя въ сторонѣ глагольскіе и латинскіе... Если бы онъ имѣлъ въ виду представить исторію языка въ связи съ внутренней исторіей, бытомъ и образованностью народа — то такое обстоятельство могло затруднить изслѣдованіе и условить важныя пробѣлы и недостатокъ труда, но исторіи онъ далъ самостоятельное мѣсто, отдѣливъ отъ языка, и въ послѣднемъ хотѣлъ преимущественно опредѣлить: движеніе языка книжнаго, образовавшагося изъ на-

роднаго сербскаго и церковно-славянскаго; его занимали преимущественно вопросы грамматическіе: о движеніи звуковъ языка, объ образованіи грамматическихъ формъ, преимущественно склоненія и спряженія; а потому онъ могъ свободно ограничиться одними кирилловскими памятниками. Нельзя конечно — вспомнивъ о трудѣ Шафарика (выше число 44) — повторить слова О. М. Водянскаго ¹⁵⁰), что „предметъ разработанный сочинителемъ доселѣ былъ еще никѣмъ не затронуть, что ему первому принадлежитъ честь воздѣланія его, что исторія судебъ древне-сербскаго языка въ его книгѣ составляетъ въ букввальномъ смыслѣ сколько первое, столько же и самобытное произведеніе, что сочинитель не имѣлъ предшественниковъ, и былъ вмѣстѣ и работникомъ, и зодчимъ“, тѣмъ не менѣе будетъ только справедливостью, когда мы скажемъ въ согласіи съ тѣмъ же почтеннымъ учителемъ нашимъ, что сдѣланное г. Майковымъ для исторіи сербскаго языка по памятникамъ, Кириллицей писаннымъ — составляетъ очень важное пріобрѣтеніе для славянской исторіи и филологіи, потому что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны — совершенная новость; а съ другой — и прежде является въ иномъ, не менѣе неожиданномъ новомъ видѣ..

Весьма обширны и разнообразны труды Ю. Даничича; спеціально разработкѣ исторіи сербскаго языка посвящены: а) „Словарь книжныхъ древностей сербскихъ“ ¹⁵¹), или вѣрнѣе объяснительный указатель къ знатному количеству сербскихъ письменныхъ памятниковъ какъ филологическій, такъ и предметный. Произведеніе изумительнаго трудолюбія по точности важное и по отношенію къ исторіи древне-славянскаго языка въ Сербіи, б) „Исторія формъ сербскаго или хорватскаго языка до конца XVII вѣка“ ¹⁵²). Здѣсь представлена исторія каждой формы сербскаго языка изъ вѣка въ вѣкъ съ постояннымъ указаніемъ на памятники. Есть одинъ существенный недостатокъ въ изслѣдованіи — это изолированность разсмотрѣнія сербскаго языка помимо связи

его съ старославянскимъ различныхъ изводовъ и прочими славянскими нарѣчіями, но „во всякомъ случаѣ—такой исторической грамматики, какъ „Исторія формъ“ Даничича, подробной и составленной изъ однихъ наблюденій по источникамъ—нѣтъ еще ни одного изъ славянскихъ нарѣчій“. Только отчасти родственныи трудъ мы находимъ въ трудѣ пр. Колосова по исторіи русскаго языка (См. ниже).

Не незамѣченнымъ долженъ остаться и написанный В. В. Ягичемъ общій очеркъ историческаго развитія хорватскаго языка ¹⁵³⁾.

Наконецъ—не мало важныхъ частныхъ изслѣдованій и объяснительныхъ замѣтокъ по старо-сербскому языку (отчасти и болгарскому) церковнаго извода, принадлежащихъ Даничичу, Ягичу, Новаковичу и др.—разсѣяно въ изданіяхъ Юго-славян. Академіи, Гласникъ Сербск. общества, Сербскомъ Лѣтописѣ и Архивѣ для славянской филологіи.

¹⁴⁸⁾ Москва, 1857, 8^о, с. IV+845 рец. книги, нап. И. И. Срезневскимъ см. въ кн. „Двадцать седьмое присужденіе Демидовскихъ премій, Спб. 1858, с. 121—127.

¹⁴⁹⁾ См. Журн. Минист. Народ. Просв. 1857, ч. ХCV, № 7, с. 24—6.

¹⁵⁰⁾ Въ его общемъ отзывѣ о книгѣ Майкова, въ Журн. М. Нар. Пр. 1857, ч. ХCV, № 7, с. 22 3.

¹⁵¹⁾ Даничичъ: „Рѣчник изъ книжевнихъ старина српскихъ“, Б. 1863—4, 8^о, т. I, с. XI+521; т. II, с. 519; т. III, с. 598.

¹⁵²⁾ „Историја облика српскога или хрватскога језика, до свршетка XVII вијека.“ Б. 1874, 8^о, с. VIII+398 рецензія труда, написан. Ягичемъ въ Archiv für slavische Ph. I. II, 156—161.

¹⁵³⁾ Jagić: Iz prošlosti hrvatskoga jezika, Knjževnik I, 1864, p. 332—58.

55. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ изслѣдованій, которые хотя и принадлежать собственно къ сравнительному славянскому языкознанію, но освѣщаютъ и многія стороны исторіи славянскихъ языковъ и древнеславянскаго въ особенности. Сюда, кромѣ нѣкоторыхъ упомянутыхъ уже выше, относятся слѣдующіе, болѣе важные по задачѣ или по исполненію:

а) А. Дювернуа: „Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій“ М. 1872. Неудобопостигаемая система весьма туманно представленная.. Первый трудъ автора: „Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи“, М. 1867—еще неудобопонятнѣе и писанъ кажется не столько для чтенія или ученыхъ, сколько для...—достиженія ученой степени магистра.

б) Leskien: „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen Sprache,“ W. 1871. Хорошее популярное объяснительное изложеніе Шлейхерова ученіе о старославянскомъ языкѣ, находящагося въ его „Compendium“ ѳ.

в) Geitler: „Starobulharská Fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému“. Pr. 1873, 8°, с. VI+132. Трудъ во многихъ отношеніяхъ очень хорошій. Есть попытки самостоятельныхъ изслѣдованій. Обстоятельная критика труда Гейтлера была представлена А. А. Потемной въ его послѣдованіи: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, Воронежъ. 1876.

г) Leskien: „Die Deklination im slavisch—litauischen und germanischen“ L. 1876, 8° XXIX+158. Введеніе стремится критически защитить и объяснить шлейхерову теорію историческаго развитія и взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій, самое ученіе о склоненіи—стремится фактически опредѣлить то особенное отношеніе, въ какомъ въ общей индоевропейской семьѣ стоитъ литовско-славянская группа къ нѣмецкой. Книга написана въ шлейхеровскомъ направленіи и съ шлейхеровской же архитектурой: Рец. Циммера, въ Jagić's Archiv für slav.

Phil. II, 338—346. Cf. иную замѣтку Лескина о славянскомъ склоненіи въ Archiv f. slav. Phil. III, 108—111.

д) Будиловичъ: „Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія“, Кіевъ, 1877, 8^о с. 106. Хорошее изложеніе извѣстныхъ данныхъ, главнымъ образомъ — на основаніи труда Миклошича.

е) Jagić: „Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus“ въ Archiv für slavische Philologie I, с. 337—412. По поводу книги I. Шмидта: „Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus“ (w. 1871—5, 2 v.), въ которой весьма видное мѣсто удѣлено и славянскимъ нарѣчіямъ. Отвѣтъ Шмидта—въ Kuhn's Zeitsch. f. vergleich Sprachforsch. V. XXIII стр. 429—457. Древне-славянскому вокализму посвящена и другая ст. Ягича: „Über einen Berührungspunkt des altslov. mit dem litav. Vocalismus“, Archiv f. slav. Phil. III, 95—111.

ж) Даничищъ: „Отъ и дъ и istoriji slovenskih jezika“—Rad jugoslavenske Akademiji I, с. 106—123.

з) Крынскій: „О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ“ Варш. 1870, 8^о. вып. I, с. III. Рец. Бодуэна-де-Куртене въ Beiträge z. vergl Sprachforsch. XIII, с. 174—196.

и) Шлейхеръ: „Темы именъ числительныхъ (количественныхъ и порядочныхъ) въ литво-славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ“, Слб. 1866, с. 69.

к) Шлейхеръ: „Склоненіе основъ на—У—въ славянскихъ языкахъ“ Слб. 1867, 8^о, с. 19.

л) Prusik: „Wie sind die possessiven Adjectiva auf—uj und ovъ und die possessiven Pronomina moj, svoj, tvoj—im slavischen zu deuten“, Wien 1876, 8^о, с. 14 (aus d. Sitzsber. d. w. Ak.).

н) Böhlingk: „Ein paar Worte gegen die alt-slavischen Wurzeln mit silbenbildenden r und l“, Bulletin de l'Academie t XXII 1876, p. 312—315. Противъ предисловія ко II т. Сравн. Грамматики Миклошича.

о) Потѣбня: „О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки“, „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ 1879, т. II, № 3, с. 1—44 и № 4, с. 207—232. Это основательное изслѣдованіе есть переработка того, что первоначально было помѣщено въ Archiv für slavische Philol.

56. Въ заключеніе обзора работъ по историческому изученію древне-славянскаго языка мы, кажется, съ полнымъ правомъ можемъ повторить слова И. И. Срезневскаго, что „усилія разъяснить происхожденіе и судьбы старославянскаго языка у различныхъ славянскихъ племенъ хотя и не привели еще къ полному рѣшенію задачи, но уже освѣтили многое“. Есть уже нѣсколько выводовъ, въ вѣрности которыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться:

„Отмѣчены памятники, отличающіеся одни отъ другихъ употребленіемъ буквъ, какъ знаковъ выговора, употребленіемъ нѣкоторыхъ особыхъ словъ и выраженій и особенныхъ грамматическихъ формъ.

Отмѣчено значительное количество признаковъ древнѣйшаго языка ихъ видоизмѣненій по времени и мѣстностямъ.

Отмѣчены разныя наслоенія нарѣчій въ спискахъ древнихъ памятниковъ.

Не преодолены, однако, нѣкоторыя важныя преграды, мѣшающія рѣшенію основныхъ вопросовъ.

Безъ окончательнаго отвѣта остается вопросъ о первичномъ церковномъ языкѣ: въ какой именно странѣ былъ онъ народнымъ, прежде чѣмъ сдѣлался языкомъ церкви и письменности? Остановливаясь на Моравіи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Панноніи западной и восточной, мѣняли мнѣнія, стоя за каждое, какъ за окончательно вѣрное; многие вмѣстѣ склонялись одни въ одну, другіе въ другую сторону; склонились было почти все на сторону болгарскаго происхожденія церковнаго языка и принуждены были потомъ отклониться. Все подобное было и остается возмож-

нымъ, мнѣ кажется, всего болѣе оттого, что изъ участниковъ въ дѣлѣ этомъ люди даровитые и вмѣстѣ рѣшительные, настойчивые, вмѣсто того, чтобы своимъ личнымъ трудомъ продолжать разработку памятниковъ и изученіе мѣстныхъ нарѣчій, съ которыми хотѣлось бы сравнивать языкъ церковный, считали добытое изъ памятниковъ даже непробѣренное, достаточнымъ для подведенія общихъ итоговъ наблюденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считали болѣе удобнымъ прискивать къ своимъ предположеніямъ доказательства подтвердительныя вмѣсто того, чтобы искать строгихъ отвѣтовъ на вопросъ: нѣтъ ли данныхъ, умаляющихъ или и уничтожающихъ научное значеніе принятыхъ предположеній. Къ тому же подборъ доказательствъ о родинѣ церковнаго языка начинаемы были ранѣе, чѣмъ были собраны вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о языкѣ предположенной родины его, — такъ что когда этотъ мѣстный языкъ узнавался, то предположенія разсыпались въ прахъ... И при самомъ сравненіи древняго церковно-славянскаго языка съ живыми нарѣчіями брались и берутся иногда очень немногія черты, слишкомъ недостаточныя для того, чтобы дѣло сравненія можно было вести къ общему выводу“¹⁵⁴⁾...

Недостаточно — скажемъ въ заключеніе — извѣстны еще судьбы церковнаго языка на Руси, Болгаріи, Молдавіи и Панноніи. Недостаточность сія видна изъ того, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, вопросъ о среднеболгарскомъ языкѣ — доселѣ вызвалъ только два частныя изслѣдованія, а вопросъ о вѣкѣ и народности тѣхъ изв. Реймскаго Евангелія, вызвавъ цѣлую библіотеку изслѣдованій — въ концѣ концовъ остался все-таки неразрѣшеннымъ!

¹⁵⁴⁾ Срезневскаго, ст. „Работы по древнимъ памятникамъ языка и Словесности“, Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, № 3, с. 33 — 34.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕНИ., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДЪ, ГРЕЧ. ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

1. ВИНИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕКТА ПЕРВАГО РОДА (ВРЕМЕНИ И МѢСТА).

А) Винительные зависимые времени. Какъ мы видѣли выше, винительные времени являются въ двухъ главныхъ значеніяхъ: они означаютъ продолженіе времени (а) и пунктъ времени (b). Посмотримъ, не могутъ ли эти винительные являться подлежащими въ соотвѣтственныхъ страд. оборотахъ.

Аа²) Винительные зависимые продолженія времени. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ такихъ оборотахъ, какъ *atra rañca varšañj avasam*—я (про)жилъ тамъ 5 лѣтъ, слова, какъ *5 лѣтъ*,—винительные независимые (ср. вин. независ. времени а²). Если по смыслу главнымъ предметомъ рѣчи нужно представить самое дѣйствіе, въ такомъ случаѣ можно употребить безличный страд. оборотъ: *atra rañca varšañj ušitam majâ*—тамъ прожито мною 5 лѣтъ, при чемъ *пять лѣтъ* остается вин. незав. времени. Но, если главнымъ предметомъ рѣчи должно быть представлено самое продолженіе времени, въ такомъ случаѣ, по сказанному выше, долженъ быть употребленъ личный страд. оборотъ: *atra rañca varšañj ušitâni majâ*—пять лѣтъ прожиты тамъ мною. Такие обороты мы дѣйствительно находимъ:

Въ скр. *evam indrasja bhavane rañca varšañj ušitâni majâ*—такъ прожиты мною пять лѣтъ во дворцѣ Индры, *Argun.* 11, 9.

Въ лат. при оборотахъ, какъ *aetatem vivere, hiemem dormire* встрѣчаются страд. обороты *tota mihi dormitur hiems, tertia jam vivitur aetas*, *Ovid.* Шульцъ-Х. § 251, 3.

Въ русск. „жить вѣкъ“ и „вѣкъ прожить;“ „жить мѣсяцъ, недѣлю,“ „спать дни и ночи,“ но „не жить мѣсяца, недѣли,“ „не спать ночей“.⁵⁹⁾

Так. обр. мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ, какъ и въ другихъ указанныхъ ниже, несомнѣнные примѣры того, что первоначально независимые винительные продолженія времени⁶⁰⁾ являются подлежащими въ соответственныхъ страд. оборотахъ.

Ав) Винительные зависимые пункта времени. Сообразно съ только-что разсмотрѣнными оборотами мы должны здѣсь ожидать такихъ страдательныхъ оборотовъ, въ которыхъ подлежащими являются имена, означающія известнѣй пунктъ времени, какъ напр. при оборотѣ „въ этотъ день ѣдятъ“ можно ожидать „этотъ день ѣдомый“ (какъ въ латыш. *шѣ дѣна ѣста*, ср. ниже въ латыш.), т. е. этотъ день есть тотъ, въ который ѣдятъ. Такого вида обороты очень рѣдки:

Въ скр. только одинъ примѣръ известенъ мнѣ: *tat likhjatām adjatano divaso: jadj aham....*—поэтому да напишется сегодняшний день: „если я..., Раіѣ. Koseg 5, 6, т. е. въ этотъ день да будетъ написано: если я...“⁶¹⁾

⁵⁹⁾ Переменная винительнаго времени при отрицаніи въ родительный показываетъ, что этотъ винительный разсматривается языкомъ какъ винительный объекта.

⁶⁰⁾ Именно винительные продолженія времени, совмѣстнаго съ продолженіемъ дѣйствія или состоянія, т. е. вин. независ. типа 1 Аа²; винительные, указывающіе—*сколько времени назадъ* произошелъ известнѣй фактъ, не могутъ являться подлежащими соответственныхъ страд. оборотовъ; нельзя напр. сказать «недѣля тому назадъ прожита мною тамъ» вм. «недѣлю тому назадъ я жилъ тамъ. Ср. гл II. вын. 7.

⁶¹⁾ Такое пониманіе этого оборота оказывается наиболѣе естественнымъ при сравненіи съ подобными латыш. оборотами и соответственными страд. оборотами, въ которыхъ подлежащими яв-

Въ латыш. даудзі дѣну мѹдіня: цѣта лаба, цѣта ляуна; цѣта ѣста, цѣта дзерта, цѣта гаужі нораудата—букв. много дней на вѣку: одинъ хорошій, другой дурной; одинъ (alter) ѣдомый (или ѣденый), другой (alter) питый, другой (alter) горько плаканный, т. е. въ одинъ день ѣдятъ, въ другой пьютъ, въ третій горько плачутъ, Спрог. 211, 15; шодѣн кумамъ дзерама дѣна—букв. сегодня кумамъ шѣмый день, т. е. день, въ который они пьютъ, пируютъ, Спрог. 137, 22; dzim'ta dēna—день родимый, день, въ который кто-либо родился, день рожденія, Bielenst. § 768.

Въ русск., можетъ быть, сюда относятся обороты съ глаголами *праздновать*, *торжествовать*, ср. этотъ день празднуется, празднуемый; можно также сказать *торжествуемый день*.

Какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ видовъ объекта Аа² и Аб винительные времени немного дали для развитія винительныхъ объекта. Причина этого должна заключаться въ томъ, что обстоятельства времени представляютъ нѣчто внѣшнее для дѣйствія и потому большею частью остаются на степени независимыхъ обстоятельствъ.

В) Винительные зависимые мѣстнаго происхожденія. Гораздо ближе къ дѣйствию, выражаемому сказуемымъ, стоятъ обстоятельства мѣста: дѣйствіе одного предмета скорѣе всего проявляется на другомъ, который такимъ образомъ является сферой, мѣстомъ, цѣлью дѣйствія. Сообразно съ раздѣленіемъ независимыхъ винительныхъ мѣста мы и среди винительныхъ объекта должны искать: 1) винительныхъ, происшедшихъ изъ винительныхъ протя-

ляются имена мѣста (напр. grāmo gataḥ). Adjatano divasaḥ можетъ считаться также за именительный независимый времени; но въ скртѣ неизвѣстны другіе примѣры такого именительнаго.

женія (Ba²); 2) вин., происшедшихъ изъ винительныхъ пункта мѣста (Bb).

Ba²) *Винительные зависимые пространственного протяженія* ⁶²). Если главнымъ предметомъ рѣчи является имя, означающее пространственное протяженіе, то, по указанному выше процессу, должны явиться обороты, какъ *terrae erratae sunt* земли составляютъ предметъ, по которому бродятъ. Возможность такихъ страдательныхъ оборотовъ указываетъ на то, что винительные названія предметовъ, по которымъ происходитъ движеніе, могутъ разсматриваться языкомъ какъ вин. объекта.

Въ скр. при дѣйств. оборотѣ *devadatto grâmañ gaççhati*—Д. ходить по деревнѣ—является страдательный: *gato grâmo devadattena*—деревня (про)ходится, пройдена Д-ой, Böhtl.-Roth s. v. *gam*; отъ глаг. *bhram*—бродить, который обыкновенно имѣетъ при себѣ винительный мѣста (ср. вив. незав. B), возможно страд. причастіе *bhrânta*—*durchstrifen, durchwandert*, тотъ, по которому бродятъ ходятъ, Böhtl.-Roth s. v. *bhram*; *tar* съ вин. переправляться, отсюда прич. *tîrṇa*—перейденный, то, чрезъ что переправились; по аналогіи съ греч. *πλεῖν* сюда слѣдуетъ отнести и вин. при *plu*—плыть, прыгать по чему, чрезъ что.

Въ греч. при *πλεῖν τι* (напр. *θάλασσαν*—плавать по морю) находимъ *τὸ πεπλευσμένον*—то, по чему плавали (часть моря; по которой ѣздить на карабляхъ), *Bensl. s. v. πλέω*; ⁶³).

⁶²) Какъ страд. обороты съ подлежащими, означающими продолженіе времени, такъ и соотвѣтственные страд. обороты съ подлежащими, означающими протяженіе, возможны только въ такомъ случаѣ, если означается не простое протяженіе—разстояніе, а движеніе по извѣстному протяженію: винительные объекта типа Ba также невозможны, какъ и типа Aa. ср. гл. II вын. 14.

⁶³) Подобные страдательные обороты въ европейскихъ языкахъ, какъ языкахъ болѣе поздней формаціи, являются обыкно-

Въ лат. при *terras errare*—бродить по землямъ находимъ *terrae erratae*—букв. броженные земли, Шульцъ s. v; сюда же могутъ по аналогіи относиться вин. при *ambulare, navigare; amnem trajicere* и *amnis trajectus*—ср. вын. 63.

Въ лит. при *vaiksztinėti*—гулять, ходить по чему, прич. *vaiksztinėtas* значить „тотъ, по которому гуляютъ, ходять“.

Въ латыш. до сихъ поръ употребительны винительные объекта и при глаголахъ не сложныхъ съ предлогами: дѣвиньш гāя рудзу лауку—богъ ходить по ржаному полю, Спрог. 307, 23; стайгаю пурва малу—я хожу по краю болота, *ib.* 239, 18; *upī brīdu*—бреду рѣку *ib.* 7, 3 также 312, 22; не варея гравюс лѣгт—онъ не можетъ перепрыгивать ровъ, *ib.* 259, 2. Что подобные винительные рассматриваются какъ винительные объекта, очевидно изъ того, что въ оборотахъ необходимости съ *ja* на ряду съ другими винительными объекта они являются подлежащими: там *ябрѣн рита раса*—ему должно ходить по утренней росѣ, Спрог. 200, 1.

Въ слав. нар. слѣдами относящихся сюда страд. оборотовъ являются причастія, какъ *ѣзженный, хоженный, броженный* (ср. напр. эта до-

венно только въ такомъ случаѣ, если глаголы движения сложны съ предлогами, напр. *amnis transitus*, *рѣка перейдена*, *лѣсъ пройденъ* при дѣйств. *amnem transire*, перейти рѣку, пройти лѣсъ. Но, такъ какъ это сложение съ предлогами явленіе несомнѣнно болѣе позднее (см. гл. III 2 В), то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ болѣе древніе періоды подобные глаголы движения стояли на той же ступени развитія, на какой они стоятъ въ скртѣ, такъ что обороты *amnis transitus*, *рѣка перейдена*, *лѣсъ пройденъ* прямо указываютъ на то, что въ болѣе древнее время возможны были обороты *amnis itus*, *рѣка идена*, *лѣсъ иденъ*, подобные которымъ находимъ въ скртѣ и изрѣдка въ европ. языкахъ.

рога не ѣзжена, не хожена), при дѣйств. оборотахъ, какъ ходить, идти дорогу, ѣхать версту (ср. вин. незав. 1 В); обыкновенно такіе обороты являются вполнѣ переходными только въ такомъ случаѣ, если глаголы движенія сложны съ предлогами, ср. вын. 63.

Какъ видно изъ приведеннаго перечисленія, къ этому виду вин. объекта относятся винительные при глаголахъ идти, гулять, бродить, лѣзть, прыгать, ѣздить, плавать; хотя они пользуются и большимъ распространеніемъ, чѣмъ параллельные имъ вин. вида Aa^2 , но далеко не составляютъ того процента винительныхъ объекта, какой даютъ вин. слѣдующаго вида.

Вв) *Зависимые винительные пункта мѣста*. Какъ указано выше (Вин. незав. времени и мѣста), винительные пункта мѣста при глаголахъ движенія изъ неопредѣленнаго значенія, составлявшаго нѣчто среднее между значеніемъ на вопросъ *идти* и *куда*, развили преимущественно значеніе на вопросъ *куда*, при чемъ значеніе на вопросъ *идти* за немногими случаями перешло на мѣстный падежъ. Так. обр. винительные этого вида означаютъ пунктъ цѣли движенія или дѣйствія. Если предметъ, на который направляется движеніе или дѣйствіе, по требованію рѣчи долженъ быть представленъ какъ главный предметъ рѣчи, то онъ является, по указанному выше процессу, подлежащимъ страд. оборота: таñ *gacšanti*—къ нему ходятъ—превращается въ страд. оборотъ *sa gamjate*—онъ составляетъ цѣль хоженія (ср. *Ranč Koseg.* 5, 7).

Глаголы, при которыхъ употребляются винительные этого вида, до того многочисленны, что полное ихъ перечисленіе и научное систематизированіе представляютъ большія трудности⁶⁴). Главная причина этого заключается въ

⁶⁴) Не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ полнота невозможна безъ болѣе-менѣе полнаго собранія относящихся сюда глаголовъ въ каждомъ сравниваемомъ языкѣ; но даже и тотъ матеріалъ, который собранъ мною, съ трудомъ выладываетъ

томъ, что значенія глагольныхъ корней, при которыхъ встрѣчаются эти винительные (въ одномъ и томъ же языкѣ или сродныхъ) не остаются неподвижными, а принимаютъ довольно разнообразныя отбѣки значеній, которыя съ позднѣйшей точки зрѣнія кажутся неимѣющими между собой ничего общаго; сообразно съ этимъ значительно мѣняются и значенія тѣхъ винительныхъ, которыя являются при такихъ глаголахъ, такъ что въ этихъ винительныхъ нерѣдко теряется даже первоначальное пространственное значеніе ихъ, которое дѣлается очевиднымъ только тогда, когда мы приходимъ къ нему, опредѣляя первоначальное значеніе глаголовъ, при которыхъ являются извѣстные винительные ⁶⁵).

Наиболѣе удовлетворительнымъ раздѣленіемъ относящихся сюда явленій, сообразно съ собраннымъ мною матеріаломъ, представляется слѣдующее: 1) винительные при глаголахъ, означающихъ цѣль, къ которой направляется или которой достигаетъ движеніе, при чемъ движеніе мо-

ся въ систему: съ одной стороны, не можетъ быть удовлетворительнымъ изложеніе по глагольнымъ корнямъ, потому что, такъ какъ многіе корни въ своемъ развитіи представляютъ сходныя значенія, то пришлось бы раздѣлять многое сродное; съ другой стороны, изложеніе по значеніямъ глаголовъ, при которыхъ встрѣчается этотъ винительный, потребовало бы классификаціи этихъ значеній, а такая классификація невозможна безъ этимологіи, въ противномъ случаѣ она будетъ произвольна. Я избралъ средній путь: винительные этого вида систематизируются по группамъ близкихъ между собою по корнямъ и значеніямъ глаголовъ, при которыхъ встрѣчаются эти винительные.

⁶⁵) Отсюда само собою понятно, какое огромное значеніе при объясненіи употребленія глаголовъ съ извѣстными падежами имѣетъ опредѣленіе первоначальнаго значенія глаголовъ, при которыхъ является извѣстный падежъ (для поясненія сказаннаго достаточно напр. указать на то, что вин. при *ѡмворѣ*—*клясться кѣмъ, чѣмъ* дѣлается вполне яснымъ, какъ скоро мы узнаемъ, что *ѡмворѣ* первоначально значитъ *схватывать кого, что*, ср. ниже 2 α^4). Сообразно съ этимъ я нахожу необходимымъ при изложеніи винительныхъ приглагольныхъ при каждомъ подраздѣленіи указывать этимологію глаголовъ, при которыхъ встрѣчаются извѣстные винительные.

жетъ быть какъ болѣе матеріальнымъ (а), такъ и болѣе тонкимъ (б)—звуковымъ (б¹) или свѣтовымъ (б²); 2) винительные при глаголахъ, означающихъ тѣ дѣйствія, которыя производитъ дѣйствующій предметъ въ объектѣ, достигши его. Къ этимъ глаголамъ съ конкретными значеніями присоединяются также и другіе глаголы, которые, хотя и потеряли подобныя конкретныя значенія, но этимологически или по аналогіи возводятся къ нимъ.

1а) *Винительные при глаголахъ, означающихъ цѣль, къ которой направляется или которой достигается движеніе.* Сюда прежде всего принадлежатъ глаголы *идти, бѣжать, ѣхать, стремиться къ кому, чему, приходитъ, достигать чего, падать куда*; за тѣмъ также *вести, бросать, спятъ, класть куда*. Послѣдніе глаголы хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляютъ значительное различіе отъ первыхъ, но въ отношеніи цѣли движенія вполне сходны съ ними: относительно цѣли движенія рѣшительно все одно, движется ли извѣстный предметъ къ другому самъ собою, или приводится въ движеніе другимъ (ср. падать въ рѣку и бросать въ рѣку). Въ тѣхъ и другихъ глаголахъ значеніе цѣли является еще конкретнымъ; но въ вин. при скр. и зендскихъ глаголахъ *давать, оказывать, дѣлать кому* конкретное значеніе дѣлается яснымъ лишь чрезъ этимологію: глаг. *kar, dhâ* и *dâ* имѣютъ болѣе первоначальное конкретное значеніе *класть*, такъ что *давать кому* что, *дѣлать кому* что первоначально значило *класть кому (на кого, къ кому)* что.

Винительные цѣли составляютъ обычное явленіе лишь въ скртѣ и зендѣ, хотя и въ этихъ языкахъ уже нерѣдко вытѣсняются дательнымъ и мѣстнымъ; въ греч. и лат. они составляютъ довольно рѣдкое явленіе; а въ остальныхъ европ. языкахъ вин. цѣли движенія возможны только въ соединеніи съ предлогами, безъ предлоговъ же составляютъ очень рѣдкіе архаизмы.

Въ скр. обыкновенное явленіе: *grâmañ gaśchati*, Раṇini 2, 3, 2. Нѣсколько рѣже глаголы *идти* съ вин. являются въ значеніи

достигать, находитъ что: *suguptasja api dambhasja brahmâ arjantañ na gaççhati*— даже Брама не находитъ конца хорошо скрытаго обмана, *Pañc. Benf. 114, 8; bhartârañ gatâ tvam*—ты нашла супруга, *Çakunt. 53, 15; khjâtiñ gamiñjasi*—достигнешь славы, *Sâv. 5, 56*. При глаг. *нести, вести, бросать, пускать куда* и т. п.: *etân najasva âçu vinaçañ*—веди ихъ быстро къ гибели *Arg. 10, 15; sarg*—пускать. Вин. при *kar* и *dhâ* см. стр. 21; также: *tañ namaskṛtja*—положивши ему поклонъ, оказавши ему почтеніе, *Amb. 9, 18 (Bf. 28); devân vâ jat çakrîma kat çit âgañ sakhâjam vâ..... ijam dhîñ bhûjañ avajânam*—какой грѣхъ мы сдѣлали богамъ или другу (какое оскорбленіе положили на боговъ.....), эта жертва пусть будетъ очищеніемъ, *R. V. 1, 185, 8; вин. при dâ*—давать кому встрѣчается въ Ведахъ, *Böhtl—R. Wrtb.*

Въ зендѣ при *av*—идти и другихъ подобныхъ см. *Hübschm. 197; hvô mainjûm zağathustro vereñtê*—я 3, обращаюсь къ небесному, *s. v. varet; вин. harez*(=скр. *sarg*) пускать, см. стр. 21. Примѣры вин. при *dâ*—давать, дѣлать довольно многочисленны: *hjaṭ him dâtâ thwakšô*—чтобы онъ далъ ей дѣятельность, *j, 29, 2, b; narem ašavanem.... tarôpithwem daithjât*—будто бы онъ даетъ чистому человѣку (вин.) дурную пищу, *s. v. ja; см. также s. v. dâ 1; him daçta maidhjôśâdhem*—онъ положилъ ее въ центръ, *s. v. çta; при kar: çkeñdem še mañô kerenuidhi*—нанеси, дай (букв. положи) ударъ своему духу, *s. v. çkenda* ⁶⁶).

⁶⁶) Глаголы, означающіе бытіе, иногда получаютъ значеніе глаголовъ движенія (ср. былъ красть=ходилъ красть, Потебня, Изъ зап. 2, 322; млр. становый буде (пріѣдетъ) у слободу; лит. *isz stubos ne buvai*—я изъ комнаты не выходила, *Les. 131,*

Въ греч. у Гомера еще довольно часто: ἤλυθες ἡμέτερον δῶ—ты приходилъ въ нашъ домъ, β 262, также θ 193, θ 478, J 21, J 553; у трагиковъ также нерѣдко, напр. Elektra 32, 63, 162, 893; въ классич. обыкновенно съ предлогомъ. Βάλλω τινα—бросать въ кого, стрѣлять въ кого.

Въ лат. безъ предлога употребляются вин. domum, rus, имена городовъ, нѣкоторыхъ странъ и немногихъ острововъ, Шульцъ-Х. § 259; у поэтовъ также и нѣкоторыя другія имена.

Въ лит. lipk masto virszunėle—лѣзь на вершину мачты, Leseb. 6; ir perplaukėva auksztaji kalneli—и переплылъ къ высокой горѣ, ib. 21; takelius nūterelius sėjau—я сбѣгла тропинки крапивою (бросала на тропинки), Ness. 146.

Въ латыш. рѣдко: лец кѣціню но кѣціня—прыгаетъ на дерево съ дерева Спрог. 112, 3 (обыкновенно же въ этомъ значеніи употребляется мѣстный, ср. лец прѣдѣ—прыгаетъ на сосну, ib. 113, 7, см. выше стр. 19); нарѣчія на ам, какъ augstam—вверхъ, tēszam—прямо (Biel. § 539) едвали относятся сюда, ср. Потебня, Къ исторіи звук. 28.

Въ слав. нар. очень рѣдко: Давыдъ же побѣже Половцѣ, Ипат. 179 ⁶⁷⁾; діалектически

букв. не была; въ такомъ случаѣ они и сочиняются, какъ глаголы движенія и въ болѣе древнихъ языкахъ при нихъ возможенъ вин. безъ предлога; такъ въ зедѣ находимъ kem... bavaiñti—къ кому они приходятъ, khšathrem bavāni—чтобы я достигъ власти, s. v. ka, khšathra.

⁶⁷⁾ Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ такой винительный цѣли безъ предлога есть только видимый, такъ какъ предлогъ у (=въ) часто сливался съ конечнымъ звукомъ у предшествующаго слова и начальнымъ послѣдующаго, напр. иде Угры=иде у Угры, поиде ко тѣстю своему Киевъ=у Киевъ, ср. Потебня, Слово о полку... стр. 17. Wsewolod Miller, Beiträge 8, 162.

домъ придетъ; сюда же нарѣчіе *вонъ* (вънѣ). Въ серб. гредѣ дворе, Mikl. 392, 28; паде ме жеља—напала на меня жажда, ib. 377, 6, га иђе=идеть къ нему, прилично ему, ib. Въ чеш. *přide Jesus Hierosolim*; на Моравѣ говорятъ: *pojď dom, Zikm. 46*. Остатки въ другихъ нар. см. Mikl. 391, 28.

1а²) Цѣлью пространственнаго движенія можетъ быть мѣсто извѣстнаго дѣйствія, а отсюда также и самое дѣйствіе. Такими винительными цѣли движенія являются неопред. наклоненія и сушины, представляющія по своему происхожденію винительные падежи отглагольныхъ существ., напр. *attum emi*=лат. *eo esum*=лит. *eimi estų*=цсл. иджасть.

1а³) Глаголы движенія въ соединеніи съ винительными отвлеченныхъ существительныхъ, означающими цѣль, въ нѣкоторыхъ языкахъ получаютъ значеніе описательныхъ оборотовъ; типомъ этихъ оборотовъ можетъ служить русск. „идти въ убыль“=убывать. Эти обороты особенно часты въ скртѣ.

Въ скр. *Nâiśadhañ pritim eśjati*—Н. прійдетъ въ радость, т. е. возрадуется, Nal. 16, 23; *adaṛṣanañ gatañ*—ушелъ въ состояніе невидимаго, т. е. сдѣлался невидимъ, Matsj. 53; *vragati sahasâ tad vipulatâm*—это вдругъ идетъ въ состояніе большого, т. е. дѣлается большимъ, çak. 6, 7; *ahañ êhâtratâñ vragâmi*—я иду въ ученичество, т. е. поступаю въ ученики, Panē. Vf. 98, 14; *âjâti hetutân*—онъ идетъ въ причинность, т. е. дѣлается причиной, Hitop. 13, 15. ⁶⁸); ср. выше а) *najasva vi-naçam*—веди къ гибели, губи.

⁶⁸) Не зная этого оттѣнка значенія, легко впасть въ ошибку при переводѣ; такъ напр. *devatvan prajânti*, Panē. Vf. 101, 5 можно перевести *они идутъ къ божеству*; между тѣмъ

Въ зендѣ: *nâirika uraçruthrîm gaçat*—женщина приходитъ въ беременность, т. е. дѣлается беременною, s. v. *uraçruthri*; *ana tâ vaidhîm ajâo*—онъ идетъ къ орошенію ихъ, т. е. орошаетъ, s. v. *vaidhi*.

Въ лат. сюда относятся *infin. fut. pass.* напр. *amatum iri*, по Боппу, Штейнталоу и Курціусу, букв. *in Lieben gegangen werden* (Vergl. Gr. 3, 87; Ztschr. f. V. 2, 247; Zur Chron.); въ оборотахъ, какъ *magistratum, consulum inire*, глаголь уже нуждается въ соединеніи съ предлогомъ.

Въ лит. сюда должны быть отнесены прилагательныя въ особенной формѣ на *yn*, близкой къ значенію вин. пад., въ соединеніи съ глаг. *eiti*—идти, напр. *geryn, mažyn eiti*—букв. идти въ хорошее, большое, т. е. улучшаться, увеличиваться, Schleich. Gr. s. 294; напр. *jau veidelei ein balty (=—yn) ir žursz-telis ein trumpu ir pilvelis didy*—уже лично бѣлѣеть, и передничекъ укорачивается и животикъ увеличивается, Les. 45; *jie geryn eis*—*καλῶ; ἐξουσιῶν*, Мрк. 16, 18.

Въ слав. нар. при такихъ вин. необходимъ уже предлогъ, напр. идти въ убыль, переходить въ православіе и т. п.

Такъ какъ аналогіи глаголовъ движенія могутъ подчиняться также и глаголы означающіе бытіе (ср. вын. 67), то разсмотрѣнныя явленія могли служить однимъ изъ источниковъ описательныхъ оборотовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *perf. periphr.*: если *as, bhû* въ соединеніи съ вин. цѣли могутъ получить значеніе *приходить къ чему*, то въ такомъ случаѣ *tarkâjâm âsa* или *babhuva* (собств. онъ прибылъ къ размышленію) могутъ получить значеніе *онъ*

это значить *они дѣлаются божествами*, букв. идутъ въ состояніе боговъ.

размышлял. (Ср. незав. вин. комит. b^2 и незав. отношенія B^2b).

Глаголы пространственнаго движенія во всѣхъ аrio-европ. языкахъ получаютъ нѣкоторыя спеціальныя значенія. Болѣе важныя изъ нихъ—означающіе *преслѣдованіе* (α), *стремленіе*, *желаніе* (β), *достиженіе* (γ); къ нимъ присоединяются также и глаголы, сродные съ ними этимологиически или по значенію.

α) *Бѣжать* къ чему, за чѣмъ, *преслѣдовать*, *слѣдовать*, *иматься*, *спѣшить*, *опережать*. Скр. *sar*—идти, бѣжать къ чему и преслѣдовать что. Скр. *saç* слѣдовать, зенд. *haç*, лат. *sequor*, лит. *sekti* ⁶⁹⁾ съ вин; греч. *ἕπομαι* обыкновенно съ дат., вин. является при сложныхъ съ предл. *μεθέπω*, *ἐφέπω* и изрѣдка при *ἔπω* въ значеніи *заниматься чѣмъ* (ср. α^2). Греч. *διώχω*—преслѣдую и гомер. *δίεμαι* спѣшу, бѣгу, кор. *di* двигаться, спѣшить къ чему, Fick. 2, 129. Цсл. варж, *φθάνω*—опережаю=лит. *vagaui*—гнать и латыш. *веру*—бѣжать, 662. Греч. *φθάνω* кор. *spā*—спѣшить, спѣти, 2, 278.

Въ скр. *saçâra mṛgam*—онъ преслѣдовалъ газель, *Böht*—Roth s. v. *sar*; *saçâsva naḥ*—слѣдуй на нами, слѣди за нами R. V. 1, 1, 9, также преслѣдовать, *Böht*—R. s. v. *saç*.

Въ зенд. *haç*=*saç* большею частью въ значеніи дружественнаго слѣдованія.

Въ греч. *νευρόν ζρεσφι κύων ἐλάφοιο δίηται* молодого оленя преслѣдуетъ собака въ горахъ, X. 189; *ὄφ' ἠδονῆς διώκομαι*, Elec. 870 предпологаетъ дѣйств. оборотъ—радость гонить меня; вин. при *ἔπω* см. α^2 , также при *φθάνω*, *θηράω* (по аналогіи съ *διώχω*) Курц. § 398.

Въ лат. при *sequor* и всѣхъ сложныхъ съ предл. кромѣ *obsequor*.

⁶⁹⁾ Въ слав. сюда вѣроятно относится бѣлр. *сачиць*=скр. *saç*—suchen.

Въ нѣм. *treiben*—гнать; гот. *laistja thuk*—я слѣдую за тобою, *Mat.* 8, 19.

Въ лит. *sekti*—слѣдовать: *asz seksu tave*—я послѣдую за тобою, *Mat.* 8, 19; *vagai*—гоноу.

Въ латыш. *sekt*—*sequi*, *Biel.* § 533; вилку мате йѣру тек—волчица идетъ за ягненкомъ, *Спрог.* 237; бити дзину—ловлю пчелу, *ibid.* 82, 1, собств. гоноу.

Въ слав. гнать, варити.

а²) Факты показываютъ, что во многихъ языкахъ изъ значенія *ходить за кѣмъ, чѣмъ* развиваются значенія *ухаживать, заниматься, дѣлать*: скр. *ĉar*—ходить, бѣгать и ухаживать, заниматься=по Фигу лат. *curo, curo* и *colo*; греч. *ἔπω*—занимаюсь чѣмъ; нѣм. *treiben* гнать что и заниматься чѣмъ; *leisten* дѣлать=гот. *laistjan* слѣдовать. Согласно съ своимъ первоначальнымъ значеніемъ глаголы эти удерживаютъ первонач. вин. дѣли.

Въ скр. *te ĉeratuĥ paraman taraĥ*—они занимались сильнымъ покаяніемъ, *Arg.* 10, 7. ср. выше *agamjo 'ri gamjate*—ухаживается даже недостойный ухаживанья, *Ранѣ. Koseg.* 5, 7; *saĉ*—заботиться.

Въ греч. *τὸν δ'εὖρ' ἐν θαλάμῳ περικαλλέα τεύχε' ἔπωντα*—онъ нашель его въ покоѣ занятаго прекраснымъ оружіемъ, *Z.* 321; ср. *κλέος εὖρὸ μετέρχομαι*—я забочусь о широкой славѣ, *γ* 83, ср. *Bensl. s. v. μετέρχομαι*.

Въ лат. *curo, colo*.

Въ нѣм. *leisten, treiben*.

β) *Стремиться, искать, хотѣть, любить*; и сродные съ ними: *ревновать, раздражать, мстить, цѣнить* (β²). Скр. *iš*—искать, желать, требовать; лит. *jėszkoti*—искать=*nhd. heischen*, цсл. *искати*; *искати* въ южныхъ слав. нар. значить хотѣть, *vap*—нападать, желать, любить,

лат. *venerari*. Скр. *lubh*—желать представляетъ несомнѣнное ослабленіе корня *labh*=*rabh* быстро двигаться къ чему, схватывать что; *phd.* *lieben*=слав. любить. Слав. хотѣти, какъ видно изъ чеш. *chtíti* и польск. *chcieć*, = хѣтѣти и можетъ быть сближено съ хытити, хытръ (первоначальное значеніе котораго *быстрый*, серб. хитар-быстрый—Потебня, О *нѣкот.* симв. стр. 64, ср. также чеш. *chut*, *chut'*—аппетитъ, склонность). Скр. *ih*—стремиться, желать Фикъ (1, 10) считаетъ ослабленіемъ *agh*, которое является въ *zend.* *az*—желать; лит. *igiju*—стремиться къ чему; *отъ этого же корня по Фикю скр. *anehas*—ohne Nebenbuhler, лат. *aemulor* и *imitari*. Скр. *jat*—стремиться къ чему и также оплачивать, взыскивать, мстить (отсюда скр. *jâtana*—отплата, месть); греч. ζῆτέω. Скр. *kâ*, являющееся въ прич. *kâjamâna*—желающій, любящій и *ῥα*—*kâti*—отмщающій вину, въ ослабленной формѣ *ei* значить наказывать, мстить, равняясь греч. τίω, τίω собственно *искать*, *взыскивать*). По аналогіи перехода значеній въ *ih*, *jat* и *kâ* я сближаю греч. ἐρευνάω съ цсл. *рвѣнь* и русск. *ревновать*, корень которыхъ есть *ru*—устремляться. Изъ значенія *искать* развивается значеніе *изсмѣдовать*, *оцѣнивать*, *цѣнить*; такъ лат. *aestimo* по Фикю одного корня съ *iś*—иск., 1, 29; а греч. τίω кромѣ значенія *мстить* имѣетъ также значеніе *цѣнить*, ср. τιμή.

Въ скр. на *aham icchâmi tvâm*—я не хочу тебя, *Amb.* 3, 6 (Bf. 6); *râksasâḥ duṣṭabhâvâḥ hi jatante vikrijân*—зломышленные *ракшасы* стремятся къ злomu дѣлу, *Sitâ* 49, 56 (70); *vanatam giraḥ*—любите (наслаждайтесь) пѣсни *R. V.* 1, 3, 2. Хотя этимологія глагола *vi-damb*—подражать—темна, но по аналогіи съ приведенными выше переходами значеній сюда можно причислить и вин. при этомъ глаголѣ: *vedaso khuggalilan vidambedi*=*vetasah kubgalilan vidambajati*—тростникъ подражаетъ смѣшному положенію горбатаго, *Çak.* 21, 18.

Въ зендѣ при *iz* (=скр. *ih*), *iš*—желать, Hübschm. 164.

Въ греч. при *ἐρευνάω*—искать, выслѣживать, напр. *ἔχνα* Bensl; *τιμάω*, *τιμωρέω*, *τίω*; *ἀνθρώπους τίνουσθον*—отмстите людямъ, Г. 279; *φῆρας ἐτίσαστο*—онѣ наказывалъ чудовища, В. 743.

Въ лат. вин. при *quaero* (=ki-s), *aestimo*, *imitor*, *aemulor*; ср. *te volo*—хочу тебя Holtze 274.

Въ нѣм. *rächen*=гот. *vrikan*, Grimm 619 и др.

Въ слав. искати, любити; мыцю русьскую землю, Лавр. 113, 13; ихъ же мы поревнуемъ, ib. 79, 29.

Такъ какъ нѣкоторыя неопред. накл. по происхожденію своему представляютъ собственно винительные пад. отглагольныхъ сущ., то нѣкоторыя изъ нихъ, являющіяся при глаголахъ *хотѣть*, *желать* объясняются отсюда же, напр. *attum icšhâmi* собственно значить *желаю пды* (бுவ. *ѣдѹ*).

Предметъ стремленія, желанія и т. п. можетъ разсматриваться не только какъ цѣль, къ которой направляется стремленіе, желаніе, но и какъ предметъ, по поводу котораго происходитъ данный аффектъ; поэтому нѣкоторые изъ подобныхъ винительныхъ относятся къ III роду винительныхъ объекта.

γ) *Достигать*, *доставать*, *получать* что; отсюда *доставать* до чего, *быть достойнымъ* чего (γ^2) и *быть достаточнымъ* для чего, *мочь* что (γ^3). Достиженіе есть послѣдній моментъ движенія къ цѣли и можетъ выражаться глаголами движенія къ цѣли, такъ скр. *gam* значить не только *идти*, но и *достигать*, *получать* (ср. также *ἴω*, *ἴχω*, *παύσσορ*, *стигнуть*, *собств. στείχω*—идти и др.). γ^2) Если сравнить *достаетъ* и *достойтъ*, то легко видѣть, что этимологически эти слова тождественны: *достойтъ* (resp. *достойнъ*) предполагаетъ существованіе глагола *достоять*, *достать*. Так. обр. *достойнъ* первоначально то-

же, что *достающий*, *достаточный*. Такое объясненіе, какъ нельзя лучше, подтверждается греческимъ прилаг. *ἰκανός*: при немъ находимъ глаголь *ἰκάνω*, *ἰκέσθαι*—приходить, достигать. Эти два случая перехода значеній объясняются вин. при скр. *agh*—быть достойнымъ чего и *arha*—достойный: близкій къ *agh* скр. же глаг. *arg* между прочимъ значить *доставать*, *приобрѣтать* и соотвѣтствуетъ зендскому *areg*—приобрѣтать и *arez*—стремиться, простирается къ чему. γ^3) *Быть достаточнымъ на что* значить *мочь что*: скр. *çak*—могу=лит. *kanku*—достигать, быть достаточнымъ, Фикъ 1, 516.

Въ скр. вин. при *âr*, *aç*, *arg*, *naç*. γ^2) При *arh* и *arha*: *te kalân na arhanti šodaçim*—они не достигаютъ и шестнадцатой части тебя, не достойны и ш. ч., *Arg.* 11, 3; *sarvañ vâi brâhmano 'rhati*—браминъ заслуживаетъ все, достоинъ всего (т. е. имѣетъ право на все, ему принадлежитъ все), *Mânav.* 1, 100 (Bf. 143); также 105 ст.; *Nâisadho 'rhati Vâidarbhîm*—Н. заслуживаетъ В., *Nal.* 16, 24; *arhâ bhavanavâsam*—достойная жизни во дворцѣ, *Sâv.* 3, 9; также вин. отглагольныхъ сущ. т. е. *infin.* γ^3) вин. и *infin* при *çak*—мочь.

Въ зендѣ: вин. при *ar*, *naç*, *areg*, *Hüb-schm.* 163, 174 и т. п.

Въ греч. вин. при *ἰκάνω*, *ἰκω*.

Въ лат. *nanciscor aliquid*; *teneo terram, portum*—достигаю земли, порта, Шульцъ, лекс. s. v. ⁷⁰⁾.

Въ слав. при стигнѣти въ серб. и чеш. напр. *стигоше цара*—догнали царя, *Кар.* 2. 154, 671; ср. въ русск. постигнуть кого, что.

⁷⁰⁾ Если вин. при *dignus* не есть винительный цѣны (см. незав. вин I рода d), то онъ относится сюда же: *dignus*, по Фигу, изъ *dec-nus*, корень *dak* достигать, получать. греч. *δέχομαι*, цсл. дешж; слѣд. *dignus* по значенію=скр. *arha*.

16) Винительные дѣли звуковаго (б¹) и свѣтоваго (б²) движенія. Рассмотрѣніе относящихся сюда явленій показываетъ, что предметы, на которые направляется звукъ или свѣтъ (resp. зрѣніе) разсматриваются языкомъ какъ объекты пространственнаго движенія вообще: кричать на кого или свѣтить на кого относительно объекта представляютъ собою обороты, равнозначащіе съ оборотомъ идти на кого.

16¹) Вин. при глаг. кричать, звать (α), бранить, пѣть, хвалить (β), болтать, говорить (γ). Факты показываютъ, что подобные глаголы близки между собою этимологически: одинъ и тотъ же глаголь въ одномъ языкѣ означаетъ крикъ, пѣніе, въ другомъ рѣчь, брань и т. п.; иногда эти значенія чередуются даже въ одномъ и томъ же языкѣ. Скр. agé—ревѣть, ликовать, пѣть, греч. λάσκω (= λάχ-σκω, ε-λαχ-ον) — звучать, пѣть, говорить; лат. loqui; лит. rėkti—кричать, ревѣть, цсл. режж; Fick, 1, 22. Скр. vad—говорить, звать, пѣть; греч. ὕδω, ὑδέω, αὐδάω — называть, воспѣвать, говорить; лит. vadinti (ib. 208); цсл. вадити—кричать на кого. Этотъ же корень, расширенный чрезъ *n*, является въ скр. vand—хвалить, привѣтствовать и греч. ἄειδω — пѣть (= α-φειδω-ω, лакед. ἀβεῖδω), 1, 208. Скр. pad—ревѣть, звучать, зендск. padeñt—порицающій; въ ослабленномъ видѣ кор. pad является въ скр. pid—бранить, насмѣхаться, презирать, греч. ὀνειδίζω и гот. paitjan—порицать. „Так. обр. корень этотъ значить собственно anbrüllen, anschreien и затѣмъ schmähen, какъ гот. laian schmähen=латыш. laju belle“, Fick, 1, 126. Ср. также incipere aliquem—бранить кого, собств. шумѣть на кого. Гот. laian—бранить, порицать, mhd. lüejēn—ревѣть; лит. loju—лаять; сл. лаж—лаю и браню; лат. la-tro лаю, греч. λαρός—болтливый; скр. gá—лаять; удвоенный видъ этого корня—lallen, λαλέω—болтать; ib. 2, 448. Скр. bhaś—лаять и bhāś—говорить несомнѣнно одного происхожденія. Скр. gu—звучать, кричать; греч. γοάω (= γοφάω) жалобно кричать; лит. gauju—выть; слав. говоръ, говорити. Скр. gar—звать, хвалить, gāg шумѣть;

звать; греч. γελᾶω — смѣюсь, γῆρυς — голосъ, зовъ; лат. garrige — болтать; лит. giriu — хвалить и groju = цсл. гра-
яти — каркать; ib. 2, 89; къ корню gar возводится также
и слав. глаголь, глаголати (въ Краледв. рук. hlalol — звукъ
вообще, напр. трубный).

Относящіяся сюда глаголы распредѣляются на слѣ-
дующія три группы: α) шумѣть, кричать на кого, звать ко-
го; β) кричать на кого для выраженія одобренія или не-
одобренія, так. обр. бранить, хвалить, привѣтствовать, вос-
пѣвать кого; γ) болтать, говорить кому.

Въ скр. α) dhâumjam praçukroça pu-
rohitañ sâ — она закричала къ жрецу Д., крик-
нула жреца, Draup. 5, 23; dussandañ akkan-
da = duşjantam âkranda — кричи, зови Д., Çak.
12, 9. β) rodasî â vadatâ — (маруты!) привѣт-
ствуйте небо и землю, букв. anbrüllet, R. V.
1, 64, 9; saçititthasalilañ vandamânâ = saçit-
tirthasalilañ vandamânâ — воздающая почтение
(привѣтствующая) водѣ священной купальни Сячи,
Çak. 67, 3. γ) Винительные лица, къ которому
направляется рѣчь, въ скртѣ очень часты, напр.
tam uvâça — онъ сказалъ ему, vâkjam argunam
abravit — онъ сказалъ Ар-нѣ рѣчь; рѣже являет-
ся дат. и род.

Въ зенд. α) avaêzô dim paçæâta khrao-
çôit — тогда безгрѣшный пусть зоветъ его, s. v.
khruc = скр. kruç. при gazez (= скр. gargé),
zbâ — кричать на кого, звать, Hübschm. 169,
171. β) çtu — хвалить кого, ibid. 187. γ) го-
раздо рѣже, чѣмъ въ скртѣ, âat me aêm pai-
tiaokhta — тогда онъ сказалъ мнѣ (въ отвѣтъ).
Jaçna 9, 5. Ср. Hübschm. 173.

Въ греч. α) вин. при καλέω, φωνέω, αἶω
— звать, кричать кого, напр. αὔε δ' ἑταίρους —
онъ крикнулъ товарищей, N 477. β) при ὀνει-
δίζω, αἰείδω, κατηγορέω и т. п. γ) почти толь-
ко въ Гомеридахъ, ἔπος ἄντιον αὐδᾶν τινα —

говорить слово кому (вин. зависить не отъ ἄντιον, а отъ αὐδᾶν, Bensl. s. v. ἄντιον); εἰπεῖν τινά τι, φημί τινά τι—Bensl. s. v. εἶπον и φημί; ἀτὰρ πεπνυμένα βαζεις Ἀργείων βασιλῆας, I. 58; ταυτὶ λέγεις σοὶ τὸν στρατῆγόν, Aristoph. Matthiä, 5, 929.

Въ лат. α) при voco, clamare; clamare Jovem, Petron. Dietz 3, 111, populus me sibilat—народъ свиститъ на меня, освястываетъ меня, Hor. Sat. 1, 1, 66. opprobriis dignum latrare—лаять (на) заслуживающаго порицанія, Hor. Sat. 2, 1, 85. также Holtze 274. β) incipere, ср. me sibilat. γ) нѣтъ.

Въ нѣм. α) rufen; got. vopidedun thana blindan—позвали слѣпного, Mрк. 10, 49.

Въ лит. α) szałukė tą szłuczę—она зоветъ того торговца метлами, Les. 153; β) при giriu—хвалить; γ) сомнительно: ko dėl mane(?) nei žodeli nesakei—почему мнѣ ни словечка не сказала, Les. 44 ⁷¹⁾.

Въ латыш. α) брālите сауца тауту мейту „сирсінь, мана двеселит!“—братецъ кричитъ (зоветъ, лит. szałukiu) суженой „сердце, душа моя“, Спрог. 250. 18; β) не рāй мані—не брани меня, ib. 132. 4; сауле савас мейтас рāя—солнце бранило своихъ дочерей, ib. 312, 23, также 33, 25.

Въ слав. нар. α) кучке медвѣда лають—собаки лають на медвѣдя, Mikl. 373; кричать, звать кого; млр. гукать кого: β) ругать, млр. лаять кого.

⁷¹⁾ Знакъ вопроса принадлежитъ Шлейхеру; проф. Миллеръ и Фортунатовъ въ введеніи къ изданнымъ ими «лит. нар. пѣснямъ» объясняютъ это mane какъ дат. и пушутъ mane стр. II; но и виц. не представляетъ ничего невозможнаго, ср. svėts mane tare valininkelis—свѣтъ говоритъ на меня «своевольница», Ness. 180.

αγ) Изъ значенія кричать на кого, звать (α) и говорить кому (γ) развивается значеніе *называть кого*, ср. мдр. звать, лат. appelo, лит. tariu—говорить и называть, скр. ah—говорить и называть, примѣры см. ниже гл. 3, двойные вин. 2 сβ.

β²) Изъ значенія *кричать на* кого, особенно неприязненно, развивается значеніе *клясть, проклинать, грозить*. Скр. çar—проклинать стоитъ при çabda—звукъ, çabd издавать звукъ (çabda=çar-da, Benf. Gloss. 304). Цсл. клати=клат-ти, корень klant; этотъ корень является въ древне-прусск. klente—корова=nhd. Rind=ahd. hrind; а названія коровы возводятся большею частью къ корнямъ, означающимъ крикъ (gâu-кор. gu, vassa—кор. vak, скр. vaç). Нѣм schwören возводится къ корню svar—звучать. Скр. targ' значить бранить, порицать и *грозить*.

Въ скр. indrasenasja g'ananî kupitâ mâ açarat—разгнѣванная мать И. прокляла меня, Nal. 20, 34, a; targ' съ вин. грозитъ кому, Bopp s. v.; по аналогіи съ targ' сюда же можно отнести винительный и при bharts—порицать, грозитъ, напр. pratijajâu nirbhartsja tapajâm—онъ ушелъ погрозивши дочери, Amb. 22, 32 (Bf. 60).

Въ слав. вин. при клати.

δ) Изъ значенія *кричать, говорить* развиваются нѣкоторыя болѣе отвлеченныя значенія. Такъ напр. скр. ças, çaiñs говорить, хвалить и приказывать (ср. по значенію польск. kazać—приказывать и мдр. казать—говорить), зенд. çaiñh—приказывать и çéñh—учить; лат. senseo—подавать голосъ, думать, рѣшать; гот. hazjan—хвалить. Другая форма тогоже корня есть çâs—приказывать, управлять, учить=зенд. çâñh—учить (ср. bhâñ рядомъ съ bhañ).

Въ скр. punaḥ çaçâsa tad râgjam—онъ опять управлялъ тѣмъ царствомъ, Nal. 26, 38; râurave vasumatîñ çâsati (loc. absol.)—въ

то время, когда землей повелѣваетъ потомокъ Пуру, Śak. 12, 15; śādhi mām—учи меня, Борр. s. v. śās. и т. п.

По аналогіи сюда слѣдуетъ отнести также и тѣ глаголы съ вин., конкретное значеніе которыхъ темно, абстрактное же близко къ только-что указаннымъ. Такъ хотя лат. dico (дрл. deico) значить говорить, но сродные языки указываютъ лишь на значеніе *показывать*: греч. δείκνυμι, скр. diç, гот. teihan=zeigen; этотъ корень dik считается ослабленіемъ к. dak (Fick. 1, 103); зенд. dakhš (=dak-s) показывать, учить, лат. doceo при disco (=dic-sco) и т. п.

16²) Винительные при глаголахъ *жесть*, *свѣтитъ* (α), *видѣть* (β), *вѣдать* (γ). Этимологія показываетъ, что значенія эти даже въ историческое время не различались строго, такъ что напр. обороты „жесть кого, смотрѣть на кого“ во многихъ языкахъ выражаются сродными корнями. Такъ скр. ghar=слав. какъ *горѣти*, такъ и *зрѣти* (скр. ghar жесть, свѣтитъ; ср. заря, зариться, Бусл. § 106, 1, лит. žeriu—блестѣть). Зенд. tārajeiti значить *жесть*, *зрѣть* и *свѣтитъ*, Justi s. v. tar. Скр. vas—свѣтитъ (значеніе *жесть* сохранилось въ uñman—жаръ, пыль)=лат. ugo (=uso) жесть. Лат. flagrare—горѣть, пылать=греч. φλέγω, скр. bhrâg—блестѣть и bhrağg—жарить; сюда же fulgeo—блестѣть, нѣм. mhd blic=tuhd. Blick—блескъ молніи, взоръ; у Лютера umblicken еще равно=umglänzen, Fick 3, 222. Скр. arg-rösten (корень, къ которому возводится arguna—свѣтлый, только въ Dhâtur.)=лит. regiu видѣть, Fick 1, 23. Скр. kâç—быть видимымъ, свѣтитъ=зенд. â-kaç замѣчать, видѣть, ib. 1, 300. Скр. guç—свѣтитъ и lok видѣть несомнѣнно одного происхожденія; въ лат. того же происхожденія lucescere—свѣтитъ, разсвѣтатъ, а въ греч. λεύσσειν—видѣть (=λεύχ-jeiv). Скр. darç и греч. δέρχομαι—смотрѣть, видѣть также предполагаютъ болѣе древнее значеніе *свѣтитъ*, *быть видимымъ* Kuhn's Zeitschr. 9, 351—353.

Такъ въ Ведахъ находимъ: adṛçram asja ketavo vi raçmajo gānān anu—его лучи свѣтили на людей, были

видимы людямъ, R. V. 1, 50, 3, а; въ греч. это болѣе древнее значеніе сохранилось въ оборотѣ αἷς πῦρ ὀφθαλμοῖσι δέδορξώς — кабанъ, пылающій огнемъ въ глазахъ, испускающій огонь глазами (о вин. πῦρ см. вин. 2 рода б²). Так. обр. *смотреть на кого, на что* первоначально значить *свѣтитъ на кого, на что* ⁷²).

γ) Изъ значенія *видѣть* развились нѣкоторыя значенія для названія высшихъ психологическихъ процессовъ. „Такъ какъ помощью высшихъ чувствъ человѣкъ обогащаетъ свой умъ свѣдѣніями; то весьма понятно, почему въ языкѣ глаголы *видѣть* и *вѣдать* одного происхожденія“, Бусл. Истр. Гр. § 107, 2. Такъ при скр. lok—видѣть находимъ ioē—соверщать, обдумывать; при скр. darç и греч. δέρομαι въ нѣмецк. имѣется trachten и betrachten, Fick 2, 127; при зенд. akhš (=ak-s) и греч. ὄσσομαι (=ok-jomai)—видѣть гот. ahjan значить *sehen, ahnen, denken*, ib. 1, 4.

Приводить примѣры винительныхъ при всѣхъ этихъ глаголахъ нѣтъ особенной надобности, такъ какъ въ этомъ отношеніи всѣ языки представляютъ большое сходство.

2. Винительные при глаголахъ, означающихъ дѣйствія, которыя производитъ дѣйствующій предметъ въ объектѣ, достигши его. Группированіе этихъ глаголовъ представляетъ особенныя трудности, такъ какъ въ этихъ глаголахъ значенія перепутываются въ наибольшей степени.

а) *Достигать, схватывать, держать: α¹) имѣть, владѣть, управлять, пользоваться; α²) удерживать, препятствовать, запрещать, побуждать, наказывать, мстить, вредить; α³) соединять, связывать, запираеть,*

⁷²) Лучъ и взоръ представляются падающими, бросаемыми отъ одного предмета на другой; ср. выраженія *бросить свѣтъ, бросить взоръ, солнце ударило въ глаза*. Такъ какъ *смотреть* первоначально тождественно съ *свѣтитъ*, *жечь*, то отсюда объясняется, почему взглядъ сказочныхъ богатырей представляется жгущимъ, ср. напр. *Bystrozraký* въ чешской сказкѣ *Dlouhý, Široký* а *Bystrozraký*, Erben, Čit. 9.

затворять; α⁴) схватывать при клятвѣ, отсюда клясться кѣмъ, чѣмъ. Скр. āp—достигать, овладѣвать, греч. ἄπτω—схватывать (съ род., первоначальный вин. при сложномъ καθ-ἄπτω, β, 39), соединять. Скр. pad—идти, падать, abhi—pad—схватывать, попасть, nhd. fassen (=fatjan=padjan), цсл. попасть. Скр. dhar и расшир. dargh—держатъ, греч. δράσσω—схватывать, цсл. държж. Лат. teneo—тянуть, направляться къ чему, достигать, держатъ, владѣть, управлять. Скр. aṣ—достигать, попадать, овладѣвать, наслаждаться, Böhlingk Skr. W. s. v.; этотъ же корень въ ослабленномъ видѣ является въ скр. iṣ—имѣть, владѣть, управлять, господствовать, чаще съ род., чѣмъ съ вин., но zend. iṣ и гот. aigan съ вин. Скр. gabh и labh—быстро двигаться къ чему, достигать, попадать, владѣть. Скр. jam—удерживать, управлять, принуждать, укрощать, лит. imti, цсл. имж, имти, откуда имати, имѣти; греч. ζημία—наказаніе, ζημιόω—наказываю. Скр. rakṣ—удерживать, отражатъ, защищать, греч. ἀλ-αλκ-εῖν, лат. ulciscor; сюда же и ἀλέξω—wehre, Fick 2, 26. Подобный же переходъ значенія, по Фигу, въ ἀρόνω—fernhalten, abwehren, 2, 190. Скр. ju—удерживать, охранять; отсюда расширени. judh—сражаться, ср. лит. bagiu—недопускаю, запрещаю, браню и цсл. борж—сражаюсь и боронить, бранить. Лит. valdyti—имѣть, укрощать, владѣть, слав. владѣти. Греч. βλάπτω—врежу имѣть болѣе первоначальное значеніе *удерживаю, препятствую* (по Курц. изъ μλάπτω,—слѣд. корень μαρп или μαρβ=marg), ср. также φρονέω. Скр. rudh—einschliessen, schliessen, enthalten (binden), zurückhalten, hindern (Benf. Gloss.). Скр. paṣ—схватывать и связывать. Греч. ἀραρίσκω—соединять, скр. ar—достигать, попадать. Лит. tveriu—схватывать, русск. за-творять. Греч. ἄπτω—соединять, кор. āp—достигать, др.лат. apere—vinculo comprehendere, Fick 2, 17.

Въ скр. вин. при āp, ar, aṣ, dhar, dargh, labh, jam, ju, judh, rudh и т. п. mā naḥ sūrjasja saṅdrçaḥ jujothāḥ—не удаляй насъ отъ

смотрѣнія на солнце, R. V. 2, 33, 1 а; на utsahe joddhum bhavan̄tam—я не могу сражаться съ тобою, Amb. 9, 1; nigasāukhjaī nirundhāno—препятствующій собственному счастью, Hitop. 34, 1.

Въ зенд. jé ašem dadre—welcher an der Reinheit festhält, s. v. dar=dhar; mā iṣāi—имѣю власть надъ собою, s. v. iṣ 2. а³) bañd—связывать, Hübschm. 176.

Въ греч. ἐχθρόν ἀλέξασθαι—отражать врага, Anab. 1, 3, 6; ἤδη νῦν Δαναοῖσιν ἀεικέα λοιγόν ἄμυρον—теперь уже отврати отъ Д. злую гибель, A. 456; подобнымъ образомъ οὐ κορόνη οἱ ὄλεθρον χραῖσμε—палица не защитила его отъ гибели, H. 143; τόνγε θεοὶ βλάπτουσι κελεύθου—боги препятствуютъ ему въ дорогѣ, α 195; φθονέεις ἐρίηρον ἀοιδόν—ты препятствуешь приятному пѣвцу, α 346; при λαμβάνω, χανδάνω, ἀραρίσκω и т. п.

Въ лат. при teneo, habeo, juvo, ulciscor и т. п.

Въ лит. reiks valdyti samdininkę—нужно держать (имѣть) наемницу, Nesselm.; nieks jį ne galejo valdyti—никто не могъ укротить его, Марк. 5, 4; mokitinei bare neszanczūsus—ученики запрещали приносящимъ, Мрк. 10, 13; bare jū netikkejima—порицалъ ихъ невѣріе, Мрк. 16, 14.

Въ латыш. валді мані—унимай (укрощай) меня, Спрог. 289, 3.

Въ слав. при глаг. взять, имѣть, держать, бранить; прѣддръжащоу обѣ власти—когда управлялъ обѣими волостями, Остром. Послѣсл. Хр. Бусл. 1, 9; когда владѣлъ Москву Иванъ, Рыбн. 1, 408; серб. док су се сами владали, Mikl. 374.

Отъ значенія *братъ что* во многихъ языкахъ развивается значеніе *начинать*, ср. скр. ā-gabh, лат. in-cipio,

фр. prendre à, лит. imti; неопред. наклоненіе при подобныхъ глаголахъ первоначально представляетъ винительный пад. отглагольныхъ сущ. (или замѣны вин.).

α¹) Вин. при глаг. клясться кѣмъ, чѣмъ. Съ значеніемъ *схватывать*, какъ показываетъ этимологія, соприкасается значеніе *клясться*. Безъ сомнѣнія такой переходъ значенія обусловливался обыкновеніемъ *схватываться*, *браться* за тотъ предметъ, которымъ клялись⁷³). Такъ скр. ā-labh собств. значить *схватывать кого, что*. По Бетлинку и Роту „замѣчательны слѣдующія формы клятвы: judham ālabhe—клянусь оружіемъ, rādāv ālabhe клянусь ногами (собств. схватываю, обнимаю чьи ноги; обычай обнимать ноги, заклиная кого—нибудь, очень распространенъ у всѣхъ народовъ), mūrdhānam ālabhe—клянусь головою, ātmānam ālabhe—клянусь душою“ (собств. берусь за самого себя), s. v. labh+ā. Греч. ἵμνωμι, по Фику (2, 20), возводится къ корню am—схватывать, скр. sam—am zusammenfassen. Лат. juro (=juso, ср. jus собств. Fug) возводится къ корню ju—соединять (ср. α³). Вѣроятно, такое же значеніе первоначально заключалось и въ глаг. присягати (ср. до-сагати, лит. segiu, скр. saḡḡ haften, Fick 2, 477).

Въ скр. mūrdhānam ālabhe—клянусь головою, Amb. 3, 16; satjēna ātmānam ālabhe—по истинѣ клянусь душою, Śāv. 5, 99.

Въ греч. лат. вин. при ἵμνωμι, juro.

β) *Хватить, бить, толкать, давить, рыть, рвать, ранить, царапать (писать); β²) слежа толкать,*

⁷³) Ср. Elecktra 1208 μή πρόσ γενείου, μή ἔελη τὰ φίλτατα—заклинаю тебя подбородкомъ, не отнимай самого дорогого (для меня), первоначально *умоляю тебя, прикасаюсь къ твоему подбородку*; обычай брать за подбородокъ того, кого просить, очень древній, какъ видно изъ Илиады А 501 «взявши правую рукою за подбородокъ, умоляя она (Θетида) сказала Зевсу».

трогать, касаться, гладить, ласкать, лъститъ, оцѣпывать (изслѣдовать); β³) разбивать, разбивать зубами, кусать, ѣсть, наслаждаться, пользоваться, употреблять, владѣть. Хватить въ русск. значить между прочимъ ударить (хватъ друга камнемъ въ лобъ). При лат. *guo* снскр. *gu*—бить и слав. *ры-ти*. Скр. *tuḡ*—толкать, бить=гот. *stiggan*—толкать; но лат. *tango*—касаться, греч. *τῆλαγών*—схватывающій. Цсл. *коснж*—*tango* одного происхожденія съ *коса* (*Sense*) и *чешу*; въ лит. того же корня *kasu*—рыть и *kasinti*—царапать. Лат. *scribo*, какъ и греч. *γράφω*, имѣетъ болѣе первоначальное значеніе *вырѣзывать, царапать*; слав. *пѣсати* возводится къ корню *piç*—*рѣзать*, *Fick 1, 145*. Лат. *mulco*—бить, колотить, но *mulceo*—слегка касаться гладить; скр. *maḡç*—касаться, гладить, оцупывать (отсюда также *изслѣдовать, созерцать*); греч. *μάρπτω*—достигать, схватывать, попадать, бить. Скр. *maḡ*—тереть, гладить; греч. *ἀμέργω*—рвать и *ὀμέργουμι*—давить, тереть; лит. *melžu*—тереть и доить (*melken, mulgeo*). Скр. *maḡç* и *maḡ* представляютъ расширеніе корня *maḡ*; *mḡñami*—растирать, разбивать, бить, сражаться, греч. *μάρναμαι*—сражаться. Лат. *tergo*—тереть и щекотать, русск. *трогать* и (*ис*)торгать. Подобнымъ образомъ *лъстити* можетъ возводиться къ *лъскјати*, мвр. *улещать, лашиться*, ср., польск. *łoskotać*—стучать и *laskotać*—щекотать; ср. также олон. *подрацивать* (при драка, *дрокъ, драть*)—ласкать. Скр.-ому *maḡd*—тереть въ лат. соотвѣтствуетъ *mordeo*—кусать, а глаголу *bhid*—колоть, разбивать—гот. *beitan*=*nhd. beissen* кусать, *Fick 3, 210*. Цсл. *кѣсати*=лит. *kandu*, греч. *κναδάλλω* (кусать, тереть, щекотать) и скр. *khād*—кусать, ѣсть. Греч. *φαγεῖν*—ѣсть=скр. *bhañḡ*—ломать, *bhaḡ*—наслаждаться и *bhakṣ*—ѣсть; ослабленное *bhuḡ* наслаждаться=лат. *fungor*. Лат. *utor* (=дрл. *oitor*) одного происхожденія съ греч. *αἰτέω, αἴνυμαι* и возводится къ корню *i*, скр. *in, ināti, inoti* тѣснить, владѣть, *Fick 2, 31*.

Въ скр. *spraç*—касаться съ вин. и мѣстнымъ, *aspraçataḥ kṣitim*—некасающіеся земли,

Nal. 5, 25; также Sāv 4, 22, Çak. 11, 20; vimrcja... tâm—изслѣдовавши ее, поразмысливши о ней, Nal. 16, 27; marṇ—поражать, сражаться, mṛnasi jātudhānān — bekämpfst du die Zaubergeister, S. V. 1, 1, 2, 3, 8, a; parañ duḥkhañ bhēguḥ—они чувствовали (получили какъ часть) крайнее горе; bhūṣanāṇi bhūṅkṣva—наслаждайся украшеніями, Nal. 4, 8; cleṣmāṣṭu preto bhūṅkte—умершій употребляетъ мокроту слезъ, Pañc Bf. 128, 5.

Въ зендѣ при kan—рыть, bakhš—наслаждаться, имѣть часть въ чемъ, Hübschm. 165, 176.

Въ греч. λαίμῶν τὸψε—ударилъ въ шею, № 542; Κλίσιον δ' ἔλε—онъ убилъ (собств. хватилъ) Клонія, О. 340; χρούειν τὴν θύραν—бить въ дверь, Лука 13, 25; νέμω—раздѣлять, пользоваться, владѣть, οἱ νεμόμεσθ' Ἰθάκην—мы, которые владѣемъ Итакой, β 167.

Въ лат. capre diem—лови день, наслаждайся днемъ, Hor; palatum tergere—щекотать, приятно раздражать нѣбо, Hor. Sat. 2, 2, 24; fungor и utor съ вин. только въ древнѣйшемъ лат. напр. functus adulescentulis officium liberalis, Ter. Phormio 281; utor и fungor, Holtze 270, 277; ср. Шульцъ-Ход. § 295, 2; въ классич. слѣды этого употребленія вин. проявляются въ томъ, что utor и fungor могутъ имѣть личные обороты part. futur. pass.

Въ нѣм. при schlagen, rühren, beissen и т. п.

Въ лит. dar ne czurojau balta raukele—я еще не прикасался къ бѣлой ручкѣ, Ness. 316; attiëse je—прикоснулся къ ней.

Въ слав. коснѣти кого, что, Mikl. 373, Бусл. 338; льстити кого, напр. льстити народы, Остр. Бусл. 341.

γ) Устремляться, схватывать, тащить, рвать, похищать, красть; γ²) просить, спрашивать, искать. Лат. *quo*—устремляться, цсл. *рѣж*, русск. *рву*, лит. *gauju*—вырывать, греч. *ῥίωμα*—вытаскивать, освобождать. Корень *i*—устремляться, тѣснить, греч. *ἄνωμα*—брать и *αἰτέω*—требовать, просить, Fick, 2, 31. Скр. *pat*—падать, устремляться; лат. *peto*—домогаться, требовать просить. Скр. *jam*—удерживать, цсл. *яти*—брать. Слав. трогать и тѣргати, дергать и дѣржати несомнѣнно одного происхожденія. Скр. *gardh*—стремиться, схватывать, цсл. *градж* и *жлѣдати*, и т. п. (Примѣры для избѣжанія повторенія приведены при изложеніи двойныхъ вин. гл. 3 A 1 b и b²).

Сравнивая между собою разнообразныя случаи употребленія вин. мѣстнаго объекта при глаголахъ движенія (Bb), мы замѣчаемъ значительное различіе между тѣми винительными, которые являются при глаголахъ простаго движенія (вин. цѣли движенія, 1a), и винительными при глаголахъ, которые получили какой-нибудь оттѣнокъ болѣе спеціальнаго переноснаго значенія (1α, β, γ, б, 2): первые винительные являются винительными объекта только въ древнѣйшихъ формаціяхъ аріевроп. языковъ, въ болѣе же позднихъ они являются только въ соединеніи съ предлогами, т. е. первоначально нарѣчіями, служащими для болѣе точнаго опредѣленія цѣли движенія, и так. обр. нисходятъ на степень обстоятельственныхъ словъ, а глаголы, при которыхъ они являются,—на степень непереходныхъ среднихъ глаголовъ; вторые же винительные въ несравненно болѣе массѣ случаевъ остаются винительными объекта до позднѣйшаго времени и почти не нуждаются въ предлогахъ. Так. обр. явленія, первоначально близкія между собою, позже раздѣляются на два различныя теченія: въ одномъ теченіи явленія подвергаются дальнѣйшему развитію, а въ другомъ остаются сравнительно неподвижными. Если мы поставимъ вопросъ: въ какихъ случаяхъ происходитъ такое раздвоеніе явленій языка, и обратимся къ аналогіи другихъ подобныхъ явленій, то увидимъ, что *въ языкъ остается то сравнительно неподвижнымъ, что оторвалось отъ общаго теченія конкретныхъ явленій и получило частное, болѣе*

спеціальное, болшею частью абстрактное, значеніе. Такъ *находитъ на что* имѣетъ конкретное значеніе и слѣдуетъ аналогіи тѣхъ оборотовъ, въ которыхъ глаголы, сложные съ предлогами, имѣютъ при своемъ дополненіи другой предлогъ, близкій по значенію къ первому или даже тождественный съ нимъ; между тѣмъ *находитъ что* (finden), имѣющее болѣе абстрактное значеніе, остановилось въ своемъ развитіи на болѣе древней ступени. Нѣм. *übersetzen* (и рядъ другихъ подобныхъ глаголовъ) въ значеніи *переводитъ съ одного языка на другой* потеряло свое конкретное значеніе и получило болѣе спеціальное, и потому разсматривается въ языкѣ какъ одинъ глаголъ (*ich übersetze*); между тѣмъ *übersetzen* въ конкретномъ общемъ значеніи (переправлять, пересаживать) слѣдуетъ аналогіи глаголовъ, сложныхъ съ предлогами (*ich setze über*)⁷⁴). Такимъ обр. мы получаемъ косвенное доказательство того, что въ болѣе древнее время оба разряда указанныхъ глаголовъ составляли одинъ рядъ близкихъ между собою глаголовъ.

2. Винительные объекта втораго рода (КОМИТАТИВНЫЕ).

Какъ мы видѣли выше (независим. вин. комит.), во всѣхъ аріевроп. языкахъ сохранились болѣе-менѣе значительные слѣды винительнаго комитативнаго. Такіе винительные необходимо должны были часто встрѣчаться въ одномъ предложеніи съ глаголами, означающими движеніе.

⁷⁴) Другіе примѣры: Въ оборотѣ *выходить, идти за мужъ* вин. съ предлогомъ потерялъ свое конкретное значеніе (ср. *идти за дерево*) и потому отсталъ отъ общаго теченія (вмѣсто *за мужъ* теперь слѣдовало бы ожидать, какъ извѣстно, *за мужа*); но еслибы этотъ оборотъ не отсталъ отъ общаго теченія явлений, то и не имѣлъ бы того опредѣленнаго значенія, какое мы находимъ въ оборотѣ *идти за мужъ* (*pubere*). Польск. и нр. *засъ* собственно значить *за себя* (за сѧ); спеціальное значеніе его является только въ этой архаичной формѣ. Ср. также непод-

Спрашивается, къ чему должна была повести эта частая встрѣча? Сначала мы рассмотримъ это въ примѣненіи къ глагольному корню *nak*—идти, нести (*pars pro toto*), а за тѣмъ и въ примѣненіи къ другимъ подобнымъ глаголамъ.

Въ глагольномъ корнѣ *nak*, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, замѣчается такое знаменательное чередованіе значеній: Въ скр., зенд. *pac*, лат. *pasciscor*, готск. *ga-pauhan*, латыш. *pāku*, *pācu* этотъ глаголь значить *приходить, достигать*; въ греч. же *ἔ-νευχ-εῖν*, лит. *neszu* и слав. *несѣ*—онъ значить *нести*. Болѣе древнимъ и болѣе общимъ значеніемъ является, безъ сомнѣнія, значеніе *приходить, достигать*; вин. при глаголахъ съ этимъ значеніемъ (напр. лат. *aliquem pasciscor*—нахожу, застаю кого-нибудь) очевидно есть вин. 1-го рода. Въ какомъ же отношеніи къ первому значенію стоитъ второе (*нести*) и что означаетъ вин. при глаголахъ съ этимъ вторымъ значеніемъ? Значеніе *нести* есть специализированное значеніе движенія, шествія (именно *идти съ кѣмъ, съ чѣмъ*), а вин. очевидно означаетъ тотъ предметъ, съ которымъ совершается движеніе, шествіе. Перенесемъ мысленно къ тому состоянію языка, когда лит. *neszu* значило *иду, достигаю* и поставимъ его въ одномъ предложеніи съ независ. вин. комит., какіе рассмотрѣны выше, напр. *puszkele*; въ такомъ случаѣ *neszu puszkele* должно значить „я иду, прихожу съ оружіемъ“ (ружьемъ); между тѣмъ съ современной точки зрѣнія это значить „я несу оружіе“. Никакой грамматическій анализъ не помогъ бы намъ опредѣлить, имѣемъ ли мы въ подобныхъ оборотахъ непереходн. глаг. съ вин.

вижность въ развитіи обозначенія степеней длительности въ глаголахъ, потерявшихъ конкретное значеніе (напр. при *находить*—*finden*—неупотребительна форма *нахаживать*). Въ области этимологии этому явленію соотвѣтствуетъ то, что Спенсеръ въ «Основаніяхъ психологіи» констатируетъ приблизительно такъ: наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ дѣлямъ языка тѣ слова, которыя въ народномъ сознаніи теряютъ свою этимологию и дѣлаются неподвижными, потому что въ такомъ случаѣ они получаютъ точное и опредѣленное значеніе.

независимымъ, или переходный съ вин. зависимымъ, еслибы глаголы, какъ ἐνευχεῖν, несзу, несж колебались между значеніемъ *идти* и *нести*. Но языкъ постепенно шелъ къ опредѣленности: глаголы съ корнемъ пак должны были или остаться при болѣе общемъ значеніи *идти*, *приходить*, или принять то болѣе специальное значеніе, которое они получаютъ въ соединеніи съ вин. комитат. и которое так. обр. можно назвать значеніемъ *шествія*, приспособленнымъ къ вин-ымъ комитативнымъ. Въ этомъ второмъ случаѣ, если главнымъ предметомъ рѣчи нужно представить сопровождающій предметъ, то является страдат. оборотъ: ὄπλον ἐνήνεχται, ruszkele neszta, оружіе несено, что первоначально значить „оружіе есть то, съ чѣмъ идутъ“, подобно тому какъ *сопутствующий* значить „тотъ, съ которымъ вмѣстѣ путешествуютъ“, πεπλευσμένον — то, по чему плаваютъ, sa gamjate — онъ тотъ, къ которому ходятъ, за которымъ ходятъ.

То, что сказано здѣсь о вин. при глаг. *нести*, относится и къ другимъ многочисленнымъ винительнымъ, которые, являясь при глаголахъ, означающихъ движеніе, до позднѣйшаго времени довольно явственно сохраняютъ комитат. значеніе. Это сохраненіе комитат. значенія проявляется въ томъ, что *эти винительные во всѣхъ аріевропейскихъ языкахъ чередуются съ творит.* (падежомъ, имѣющимъ специально комитативное значеніе).

Глаголы, при которыхъ являются комитативные винительные объекта, можно раздѣлить слѣд. образомъ: а) винительные комитативнаго объекта движенія вообще (преимущественно твердыхъ тѣлъ) и а², винительные комит. объекта движенія тѣлъ жидкихъ и газообразныхъ; б) винительные комит. объекта движенія звуковаго (б¹) и свѣтоваго (б²).

а) Винительные комитативнаго объекта движенія вообще (преимущественно твердыхъ тѣлъ). Значительная часть глаголовъ, при которыхъ являются эти винительные, являются какъ intransit. и transit.; какъ transit. они являются именно тогда, когда имѣютъ при себѣ комит. объектъ въ вин. пад., который въ такомъ

случаѣ часто чередуется съ твор. пад. Такъ скр. ag—гнать, бросать (т. е. двигаться съ чѣмъ); зенд. az—гнать, вести и intr. идти; греч. ἄγω—вести, intr. gehen wohin, ziehen, marschiren, Benschl.; лат. ago вести, гнать, пускать, бросать и intr. вести себя, поступать; др.норд. aka—ѣхать, Fick. 1, 7. Скр. ag приводитъ въ движеніе, приносить и intr. двигаться; греч. ἔρνομι, ὀρούω—приводить въ движеніе и intr. двигаться. Скр. vi—гнать, вести и intr. идти; зенд. vi—идти; греч. οἶ (въ буд. οἶσω) нести; лит. veju—гнать, преслѣдовать. Скр. tag, rag переправлять (т. е. переправляться, переходить съ кѣмъ) и переправляться. Скр. gal—падать, греч. βάλλω—бросать, въ слож. εἰςβάλλω, ἐμβάλλω—падать. Скр. ḥal двигать и двигаться, греч. ἔλλω—приводить въ движеніе, побуждать. Скр. su—приводить въ движеніе, бросать, посылать, греч. σέω—гнать, натравлять; русск. су-нуть что и чѣмъ; ἄισσω—двигать чѣмъ (что) и двигаться, Matthä 944, nhd. zucken—двигать чѣмъ (что) и дрожать (двигаться).

Въ глаголахъ, при которыхъ являются винительные этого вида, замѣчаются слѣдующіе болѣе специальные отѣнки: а) такіе глаголы означаютъ или совмѣстное движеніе субъекта и объекта, или б) движеніе относится только къ объекту, относительно котораго субъектъ является неподвижнымъ.

а) *Винительные при глаголахъ нести, вести, везти, переправлять* (означающихъ совмѣстное движеніе субъекта и объекта)

Въ скр. ag—приносить кому (дат.) что, т. е. собств. двигаться къ кому съ чѣмъ, Böhtl. Skrt—W. s. v. ag. tvañ parañ... piparši—ты ведешь, переправляешь челоуѣка, R. V. 1, 31, b a; nî, vah.

Въ зендѣ: nî, vaz; az—вести, Hübschm. 162; marem nâšaiti—придетъ съ смертью, принесетъ (нанесетъ) смерть, s. v. mara.

Въ греч. ἄγω, ἔρνομι, ἐνεγχεῖν, φέρω; въ Илиадѣ Л 61 φέρω имѣетъ еще значеніе болѣе

близкое въ значенію *идти съ чѣмъ*, чѣмъ *нести что*: Ἐκτωρ δ' ἐν πρότοισι φέρ' ἄσπιδα, что по смыслу скорѣе значитъ „Г. между передними шель съ щитомъ“, чѣмъ „Г. между передними несъ щитъ“. Περαιῶ τινα — переправлять кого; что вин. при этомъ глаголѣ имѣеть комит. значеніе, очевидно изъ того, что на его мѣстѣ можетъ стоять *dat.—instr.*, *Bensl. s. v.*

Въ лат. *ago, duco, fero.*

Въ лит. и латыш. *vedu, neszu* и т. п.

Въ латыш. сюда относятся очень распространенные вин. при глаголахъ *вѣздитъ*: *яй* ражану кумелінь—онъ вѣздитъ на красивомъ конѣ, *Спрог.* 261, 6; *яй* пѣгуля манус сѣрмус кумелінюс—веди на ночлегъ моихъ пѣгихъ коней, *ib.* 284, 1; въ страд. обор. кумеліньш дѣн накт яямс—конь, на которомъ вѣзять (собств. вѣдимый) день и ночь, *ib.* 319, 34; эс атраду дѣва яту кумеліню—я нашель коня вѣженного богомъ *ib.* 300, 9; патс сев скрѣю кумеліню—я самъ себѣ вѣзжу на конѣ, 20, 1; при отрицаніи на мѣстѣ вин. род.: не брауц тѣтіня зірдінію—не вѣди на батюшкиныхъ коняхъ, 215, 2; брауцамі зиргі—вѣдимые лошади, *Biel* § 762, 1, d. Подобнымъ образ.: пѣці брѣжи ман арамі, сешас казас эцеямас—я пашу пятью лосями, бороную шестью козами, *ib.* 111, 4 (въ страд. залогѣ, букв. 5 лосей папшутся, 6 козъ боронуются); арамі верші—быки, которыми папшутъ, *Biel., ibid.*

Въ слав. нести, вести, гнать, везти; вѣздитъ (рѣдко); въ серб. плава је коња вѣдјела—вѣдила на половомъ конѣ. *Mikl.* 375, једен витез коња тече, *ibid.* 377. ср. русск. вѣженный конь.

в) Комитативные объекты движенія, относительно которыхъ субъектъ представляется неподвижнымъ, имѣють довольно разнообразныя, близкіе между собою оттѣнки значеній. Болѣе важные изъ нихъ: объектъ, приводясь въ дви-

женіе субъектомъ, или α) остается при субъектѣ, или β) удаляется отъ него. Къ первому подраздѣленію (α) относятся винительные при глаголахъ *двигать, трясти, махать, качать что* (или съ точки зрѣнія болѣе поздняго языка *чѣмъ*); также вин. при глаголахъ съ болѣе специальными оттѣнками значеній (α^2) *бить, тыкать, тереть, мазать*, и т. п. Ко второму подраздѣленію (β) относятся винительные при глаголахъ *бросать, извергать, сьять, пускать, посылать; класть, давать*.

Въ скр. α) *padan éalitim*—двигать ногу, или ногою, *Paně Vf. 121, 9*; β) *mâ na sâvîr mahâstrani*—не бросай на насъ большихъ оружій, *Böhtl—Roth s. v. su 2*; *çaktîr arj adhamam*—я также пустиль стрѣлы, *Amb. 11, 9 (Vf. 34)*; также при *sarg, siç* и т. п.; при *kar, dhâ, dâ*—класть ⁷⁵⁾, давать что, а также по извѣстному переходу значеній и *дѣлать что*.

Въ зенд. α^2) *gadhâm nigaiñti*—онъ бьетъ палкою, *s. v. gâp+ni*, ср. въ слав. β) вин. при *harez*—скр. *sarg* (стр. 21), *añh* (=скр. *as*—бросать, *Hübschm 162*; *kar, dâ*.

Въ греч. α) *κραδάων δολιχόσκιον ἔγχος*—потрясая длиннымъ копьемъ, *H 213*; *τήν δ' ἐτίναξεν*—онъ потрясъ его, *P 595*; *ἀίσω τι*—двигать что, *Mathiä 944*; *κινούντες τὰς κεφαλὰς*—кивая головами, *Марк. 15, 29*; *πάλλω τι* и *τινι*—потрясать что и чѣмъ; α^2) *οδόντας θήγει*—скрежещетъ зубами (треть зубы), *N 474*, ср. *ἔβρουχον τοὺς οδόντας ἐπ' αὐτόν*—острили зубы на него, *Праξ. 7, 54*; *κεῖν' ἔχεα κροτέοντες*—стуча (шумя) пустою колесницею, *O 453*;

⁷⁵⁾ Комитативное значеніе винительныхъ при глаг. *класть* замѣтно проявляется напр. въ томъ, что при *ari—dhâ* на мѣстѣ вин. можетъ стоять твор., напр. *karnâu hastâbhjâm pidhâja*—положивши руки (собств. руками) на уши, закрывши уши руками, *Ворр., s. v. dhâ+ari*.

τὸ χεῖρε κροτεῖν—плескать руками, Bensel. μήποτε προσκόψῃς πρὸς λίθον τὸν πόδα—чтобы ты никогда не толкнулъ ногу(—ою) о камень, Лук. 4, 11; ἐπέχρισε τὸν πηλὸν ἐπὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς—намазалъ грязь на глаза, намазалъ грязью глаза, Иоан. 9, 6, ср. Bensl. s. v. χρίω; β) βάλλω τι и τι, ἴημι τι и τι—бросаю, пускаю что и чѣмъ (ср. ἴησι τῇ ἀξίνῃ—бросаетъ топоромъ, Анаб. 1, 6, 12); κύνας σέουη—натравляетъ собакъ, Л 292; φέρε χαλκὸν—пусти мѣдное копье, У 168; στέφω τι и τι, покрывать чѣмъ, власть что, νέφος ἐστέρφε—покрыла облакомъ, положила облако вокругъ головы, Σ 205; также καλύπτω τι и τι; τίθημι, δίδωμι.

Въ лат. α) caput et movet—и двигаетъ головою, Ног. Sat. 1, 5, 58; vibro съ вин. махать, потрясать чѣмъ; β) jacio, mitto, ago (tela agere—метать стрѣлы); spargo съ вин. и твор.—сыпать, сѣять что и чѣмъ; pono, do.

Въ нѣм. α) schwingen, schütteln; er zuckte die Achseln—онъ сдвинулъ плечами; α²) got. kriustith tunthuns—скрежещетъ зубами, Марк. 9, 18; ρ) schwingen, werfen, senden и т. п.

Въ лит. α²) sparnelius напласноти—похлопать крыльями, Юшкев. 22, также Nesselm. 32; β) leist—пускать, mest—бросать; takelius nūtėrelius sėjau—сѣяла крапиву на тропинки, Ness. 146 (рядомъ takelius nūtėrelems (твор) sėjau—сѣяла крапивою тропинки, ibid.); krovei kraiteli—ты собирала приданое, ib. 202 (кор. kru цел. кры-ти).

Въ латыш. α²) атследзіняс жвардзінāt—побрякивать ключами, Спрог. 316, 7; науду, Ъмаvus жвардзіная—потряхиваетъ деньгами, уздою, ib. 256, 2 и 301, 11; цѣртам цірвус ѓзолā—врѣжемъ, вобьемъ топоры въ дубъ, ударимъ топо-

рами въ дубъ; *ib.* 31, 12 ⁷⁶); β) при обыкновенномъ оборотѣ: *лайде акментинь—онъ бросаетъ камышекъ—въ латыш. находимъ сауле лайде мѣнешам ар судраба акментинь—солнце бросило въ луну (съ) серебрянымъ камушкомъ, ib.* 311, 19.

Въ слав. α) двигать что (чѣмъ), трясти (но „Москвой трянемъ,“ тряхнуть мошной), махать чѣмъ, но въ Краледв. *máchachu silno ostré meše—букв. сильно махали острые мечи, 27; хорут. mika me—но помыкать кѣмъ; Мамай замыте (т. е. возмутилъ) всѣмъ царствомъ его, Новгород. 4, 64; вести, водить что и чѣмъ, „и ухомъ не веде“, ср. Потебня, Изъ зап. 2, 426; α²) бить что и чѣмъ (и шибе имъ бѣсь, Лавр. 77, 4; аще твой мужъ ударить моимъ, ib. 52, 32), тереть что и чѣмъ; ломать что, напр. руки, но въ Краледв. *žalostivo lomichu rukama, 29; β) бросать, пускать, посылать, метать, сѣять что и чѣмъ; класть, давать, дѣти, дѣяти (ср. о-дѣтъ что и чѣмъ).**

Здѣсь слѣдуетъ указать на близкое соприкосновеніе между собою винительныхъ перваго и втораго рода, какое замѣчается нерѣдко въ объектахъ при подобныхъ приведенныхъ выше глаголахъ. Хотя съ логической точки зрѣнія цѣль движенія и предметъ, въ сопровожденіи котораго происходитъ движеніе, представляютъ нѣчто существенно различное, но въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ это различіе почти уничтожается: такъ, съ одной стороны, движущійся предметъ, составляющій цѣль движенія субъекта, съ другой точки зрѣнія можетъ разсматриваться какъ комитативный объектъ (такъ какъ онъ означаетъ предметъ, вмѣстѣ съ

⁷⁶) Латыш. обороты, какъ *рактама спалва—перо, которымъ пишутъ (собств. пишемое), шуяма адата—игла, которою шьютъ (собств. шиема, Biel. § 762, 1, d. ср. выше а) «быки, которыми пахутъ», «козы, которыми боронуютъ»)* указываютъ на возможность еще болѣе широкаго проникновенія комитат. объектовъ въ область переходныхъ оборотовъ.

которымъ происходитъ движеніе); поэтому совершенно естественно, что при скр. глаг. *sać*—слѣдовать кромѣ винительнаго цѣли движенія (см. 1 *Bbaα*) встрѣчается также творительный комитативный; съ другой стороны, тотъ предметъ, въ сопровожденіи котораго происходитъ извѣстный видъ движенія (напр. ударъ, сотрясеніе, треніе) можетъ разсматриваться не только какъ комитативный объектъ, но и какъ цѣль движенія, на которую направляется извѣстное дѣйствіе. Отсюда вполне понятно, что въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ объектъ цѣли и комитативный объектъ неразличимы.

α²) Винительные комитативнаго объекта движенія тѣлъ жидкихъ (α) и газообразныхъ (β). Съ глаголами, означающими движеніе вообще, стоятъ въ неразрывной связи глаголы, означающіе теченіе, дуновеніе, дыханіе. Такъ цсл. текъ и латыш. *taku*—бѣгу и теку, скр. *tać*—бѣжать, спѣшить, но зенд. *tać*—бѣжать и течь; греч. *τῦχω*—теку, растекаюсь и *τάχος*—быстрое движеніе. Скр. *sar*—идти, бѣжать, течь (отсюда *sarit*—рѣка), слав. сереть=скр. *sarati*; скр. *sru*—течь (=греч. *ῥέω*) представляетъ видоизмѣненіе тогоже *sar*. Скр. *vah*—вести, бѣжать, течь (*vahantih āraḥ*—текущія воды) *Böhtl.*—*R. s. v.* Лат. *curre* въ романск. нар. получаетъ значеніе *течь*, *Ditz 3, 115.* Скр. *dhmâ*—двигать, бросать и дуть, цсл. дѣти; корень *dhu* въ разныхъ языкахъ также является въ значеніи двигать и дуть, *Fick. 1, 119.*

Въ скр. α) при *sar, sru, sić* *Böhtl.*—*Roth s. v; teśāñ čhinnāni gatrāṇi visṛgānti sma ṣonitam*—раненные члены ихъ текли кровью (источали, испускали кровь), *Amb. 7, 27, a; vāpamajan varśaṇ vavarśa maji*—онъ одождилъ на меня дождь стрѣлъ, т. е. пустилъ дождь изъ стрѣлъ, *Amb. 14, 3, a (Bf. 39)* и просто *ṣarāṅs tāñ hi vavarśa saḥ*—онъ одождилъ (пустилъ, какъ дождь) тѣ стрѣлы, *Amb. 9, 32, b Bf. 29*; также вин. при *mad*—течь чѣмъ, изобиловать, наслаждаться, *R. V. 7, 49, 4, a,*

Schleich. Indg. Chr. s. 39; β) вин. при *dhmá*, *vâ*—дуть, вѣять что (чѣмъ), *çitan tatra vavâu vâjuh*—вѣтеръ дулъ тамъ холодомъ, *Arg.* 4, 51.

Въ зендѣ α) *maêçma maêzajañta*—они должны испускать мочу, *s. v. miz—mingo*.

Въ греч. α) *αἷμα ἐμέων*—изрыгая кровь, *O 11*; *ῥέω* рѣдко съ вин., ср. *εἰς γῆν ῥέουσαν γαλα καὶ μέλι*—въ землю, текущую молокомъ и медомъ, *Mikl.* 373, уже въ Гомерид. *αἷματι ρεῖν*—течь кровью; вин. при *πτύω*—плевать чѣмъ (выплевывать что), *ἰδρώω*—потѣть, испускать жидкость, *Bensl. s. v*; *ἐρεύγομαι τι*—изрыгать что, *ἐρευόμενοι φόνον αἵματος*—изрыгая кровь убитого, собств. кровавое убійство, *II 162*. β) *ἄϊον ἦτορ*—выдохнуль душу, *O 252*; *αἷμα φουσῶν Ἄρης*—Аресъ дышащій кровью (убійствомъ), *Electr.* 1385; *μένεα πνεύοντες Ἀχαιοί*—Ах. дышащіе мужествомъ, гнѣвомъ *Г 8*; *πῦρ πνεόντων χοράγ' ἄστρον*—веди хоръ звѣздъ, дышащихъ огнемъ, *Antig.* 1146; *χάριν πνεῖν*—дышать любовью; *καπύω*—дышать чѣмъ, выдыхать что, *Bensl. s. v*.

Въ лат. α) *mano lacrimas*—теку слезами (но *madeo, fluo* съ твор.); *spuo*—плевать, выплевывать; *ructo*—изрыгать; *sudo* съ твор. и вин.—потѣть чѣмъ, испускать что, *arbores balsama sudant, sanguine sudare*, Шульцъ, *Слов. s. v*; въ ром. *curro*—течь чѣмъ, *Dietz 3, 115*; β) *anhelo* (= *anelo*, кор. *an*—дуть, *Fick. 2, 15*) дышать, *ignem, iram anhelat, spirat*—онъ пышитъ огнемъ, гнѣвомъ; *olet Gargonius hircum*—Г. пахнетъ потомъ, *Hor. Sat. 1, 2, 27*; *fragrare balsama*—пахнуть бальзамомъ, ср. франц. *flairer une fleur*, *Dietz 3, 111*.

Въ нѣм. α) *switzt den Totsweiz* (mhd)—онъ потѣеть смертельнымъ потомъ, *Grimm 645*;

β). Räche schnauben — дышать мезтью; Liebe athmen — дышать любовью; stänkern съ вин. — вонять чѣмъ, Павловскій s. v.

Въ лит. α) verk' rasōs grudus — плачетъ каплями (собств. зѣрнами) росы, Ness. 21.

Въ слав. α) капать, смоквы каплюште млѣко; въ землю кыпешту медь и млѣко — текущую медомъ и молокомъ; плакать слезы, Mikl. 373; β) soptichu krutú krutost — дышали (soptiti — сопѣть, дышать) свирѣною злостью, Kralodv. 83.

α²β²) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ комитативный объектъ при глаголахъ, относящихся къ только-что указаннымъ, стоитъ въ такомъ отношеніи къ субъекту, что въ сущности онъ составляетъ тотъ же предметъ, что и субъектъ; такъ напр. „рѣка течетъ водою“ (въ болѣе древнихъ языкахъ вин.) собственно значить *вода течетъ водою*; „пышитъ паръ“ логически тоже самое что „пышитъ паромъ“. Какъ мы видѣли выше, въ предложеніи по требованію рѣчи главнымъ предметомъ можетъ являться само дѣйствіе, при чемъ производитель дѣйствія игнорируется; если въ такомъ предложеніи сказуемымъ является глаголъ, подобный приведеннымъ выше, то удовлетворить этому требованію для языка было очень легко: стоило только предметъ, который можетъ явиться и субъектомъ и объектомъ, представить какъ объектъ, т. е. поставить на мѣсто подлежащаго винительный объектъ (а позже и другіе падежи, замѣняющіе этотъ родъ винительнаго, особенно твор.).

Въ zendъ naēdha dunmān uzgāçaiti — и не восходитъ туманъ (noch steigt. es auf mit Nebeln, т. е. noch steigen Nebel auf, Justi s. v. gāç+uç и dunman).

Въ лат. sanguinem pluit — течетъ кровью, также твор. на мѣстѣ вин. lapidibus pluit — идетъ каменный дождь, букв. дождитъ камнями.

Въ нѣм. es regnet Steine = lapides pluit.

Въ слав. на мѣстѣ винительнаго является исключительно болѣе поздній твор.: кровью те-

четь, воняетъ изгарью, дымомъ (ср. дымъ воняетъ), пышитъ паромъ (ср. паръ пышитъ).

Так. обр. мы приходимъ къ объясненію еще одного вида безличныхъ оборотовъ.

β²) Какъ показываетъ сравненіе винительныхъ при глаголахъ теченія съ винительными при глаголахъ дуновенія, дыханія, послѣдніе винительные означаютъ собственно предметы, которые выдыхаются, которыми дышать, воняютъ. Но позже по аналогіи этихъ винительныхъ являются также винительные названія предметовъ, которые не могутъ испускаться при выдыханіи, напр. *crocum olere, mare sapere, pastillos Rufillus olet*, Hor. Sat. 1, 2, 27; πνεῖν Ἄρην = *Martem spirare*, Havest. s. 43, вонять смолой, вонять козломъ. Такое расширеніе употребленія вин. этого вида (resp. твор.) основывается конечно на томъ, что, употребляя въ подобныхъ оборотахъ названіе извѣстнаго предмета, подразумѣваютъ собственно его запахъ, духъ. Ср. вин. 77.

б) Винительные комитативнаго объекта движенія звуковаго (б¹) и свѣтоваго (б²). Подобно тому какъ приведенные выше винительные перваго рода, означающіе предметы, на которое направляется звукъ или свѣтъ, разсматриваются языкомъ какъ винительные цѣли (1 Вв1 б), такъ и винительные звука, свѣта, зрѣнія, направляемаго отъ одного предмета на другой, представляютъ собою комитативные объекты. Подобно прочимъ комитативнымъ объектамъ винительные эти также чередуются съ творительными; такъ напр. „кличь кликнуть“ и „крикомъ кричать;“ говорить слова, въ лит. *kalbina, sznekina meilės žodukais*—говорить слова любви, Ness. 123; въ скр. *ar kam ar cāti*—онъ свѣтитъ свѣтомъ (вин.), въ болѣе новыхъ языкахъ—свѣтитъ свѣтомъ, блеститъ блескомъ. Сюда относятся винительные, означающіе то, что (чѣмъ) б¹) *кричатъ* (α), *поютъ* (β), *говорятъ* (γ), б²) *свѣтятъ*, *блестятъ* (α), *смотрятъ* (β).

Въ скр. б¹α) *etā ghorān çivā nadān viruvanti*—эти шакалы ревутъ ужаснымъ ревомъ,

издаютъ ужасный ревъ (букв. heulen schreckliche Töne, Vorr), Sâv. 5, 75; râmo mudâjutaḥ udakroçat mahânâdaḥ—обрадованный Рама испустилъ большой крикъ, собств. вскричалъ большой крикъ, Amb. 12, 10 (Bf. 35); vjanadad bhâigavaḥ nâdaḥ—букв. закричалъ ужасный крикъ, Sitâ 50, 21 (Bf. 62); β) aréantj arkam arkinah—пѣвцы поютъ пѣсню, R. V. 1, 10, 1, a; çlokam ekaḥ sma gâjati—онъ пѣлъ одно двустипіе, Nal. 15, 15; γ) vaçanam abravit, vaço 'voçat—сказалъ слово, рѣчь; также çarpathaḥ çere—проклялъ проклятіемъ, собств. прокричалъ проклятіе, Will. 191, d (ср. выше 1 Bb16¹ β²).—б²α) aréanto arkam—блестящіе блескомъ, R. V. 1, 85, 2, b; uśasaḥ.... bhānum aṅgate—зори блестятъ свѣтомъ, R. V. 1, 92, 1, a.

Въ греч. б¹α) γέλωτα γελᾶν—смѣяться смѣхомъ (кор. γαγ—шумѣть) Fick. 2, 89); β) παιήονα ἀείδειν—пѣть гимнъ, Bensl. s. v. γ) ἔπος τοῦτο ἔλεγε; б²) αῦς πῦρ ἐφθαλμοῖσι δεδορκώς—кабанъ блестящій огнемъ въ глазахъ, метаящій глазами огонь, ср. Kuhn's Ztschr. 11, 353; ἀστραπάς βλέπειν—метать взоромъ молніи и т. п. Havestadt 43. ⁷⁷⁾.

Въ лат. б¹α) lyra carmen sonat, Dietz 3, 111; γ) verbum, orationem dicere.

Въ нѣм. б¹α) schreckliche Töne heulen; β) den Gesang singen; γ) das Wort sprechen.

Въ слав. б¹α) рѣдко, кличь кликать, Рыбн. 1, 227. β) пѣть пѣсню; γ) говорить сказку, рѣчь, слово.

⁷⁷⁾ Обороты, какъ Ἄρην δεδορκώς—смотрящій Аресомъ, т. е. смотрящій съ видомъ Ареса (Havest. s. 43), представляють расширение употребленія вполне аналогичное съ указаннымъ выше (β²).

3. Винительные объекта третьяго рода (отношения).

Винительные отношенія, какъ указано выше въ началѣ изложенія независ. вин. отношенія, представляютъ слишкомъ разнообразныя и неопредѣленныя значенія и потому съ прогрессомъ языка вытѣсняются другими падежами. Сообразно съ этимъ винительные отношенія даютъ сравнительно немного для развитія вин. объекта: лишь винительные отношенія, означающіе поводъ (Va), и одинъ родъ вин., означающихъ результатъ (Vb), становятся въ болѣе близкія отношенія къ глаголамъ; но и изъ нихъ лишь при нѣкоторыхъ глаголахъ винительные отношенія являются какъ винительными объекта, такъ и подлежащими соотвѣтственныхъ страд. оборотовъ. Большая же часть изъ относящихся сюда винительныхъ представляютъ нѣчто среднее между независимыми и зависимыми: съ одной стороны они не могутъ быть названы независ. винительными, такъ какъ употребленіе ихъ обуславливается присутствіемъ извѣстныхъ глаголовъ; съ другой стороны, они не могутъ быть названы зависимыми, такъ какъ не являются подлежащими соотвѣтственныхъ страд. оборотовъ.

а) Винительные повода являются преимущественно при глаголахъ аффектовъ для означенія предметовъ, *по поводу* которыхъ происходятъ извѣстныя душевныя состоянія; а также и при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ, сродныхъ съ первыми.

Разсмотрѣніе относящихся сюда глаголовъ съ этимологической стороны показываетъ, что первоначально они означаютъ тѣ виѣшніе признаки, которыми проявляются внутреннія состоянія:

а) *быстро двигаться, волноваться, дрожать* и противоположное этому—*быть неподвижнымъ* (obstupescere). Греч. γηδέω=лат. gaudeo разлагается, какъ извѣстно, на gu+dha; кор. gu является въ скр. ġu—быстро двигаться. Лат. horreo (=ghorseo)=скр. gharš—тереть (слѣдов. двигать) и harš торчать, быть неподвижнымъ (ср. торчать и серб. трчати—бѣжать, русск. стремиться и мдр. стреміти). Греч. φρίσσω—ужасаюсь одного корня съ лат.

frigere, frigus; но дрлат. frigere значить erigere (Fick 2, 175). Скр. tras—дрожать, пугаться, пра-tras—убѣгать; греч. τρέω—дрожать, цѣпенѣть, медлить, убѣгать. Какъ этотъ корень, такъ и рядъ другихъ, представляютъ такое колебаніе значеній, которое даетъ право считать исходнымъ значеніе *дрожать*, откуда съ одной стороны развивается значеніе *цѣпенѣть*, *медлить*, въ другую—*убѣгать*. Такъ φ-βομαι—дрожать, бояться, убѣгать = beben дрожать; φεύγω—убѣгаю = fugio, лит. bugstu—ужасаться (скр. bhug и нѣм. biugan—biegen имѣютъ переходное значеніе: заставлятъ изгибаться, дрожать, гнуть, ср. слав. трасъ при скр. tras). Къ значенію *бояться*, *медлить* примыкаютъ значенія *колебаться*, *опасаться*, *сомнѣваться*, *думать*, *ждать*. Скр. саṅk—бояться, опасаться, заботиться, медлить, сомнѣваться, подозрѣвать, думать; лат. cunctor. Кор. man—оставаться, ждать и думать: зенд. man—оставаться, греч. μένω—оставаться, ждать, лат. maneo; скр. man—думать, знать, считать, греч. μεμνηα, лат. meminī, лит. miniu, цсл. мнѣти. Лат. moror, mora—замедленіе (по Фику собств. Bedenken); греч. μέριμνα—забота, μέλει мнѣ думается, меня озабочиваетъ, μέλλω—думаю, намѣреваюсь, колеблюсь, медлю; зенд. mag—помнить, упоминать, знать; скр. smag—помнить, желать. Скр. dhū, греч. θυειν—быстро двигаться, отсюда denomin, dhūmāja = цслав. думать; зенд. du—думать, греч. θαῦμα—удивленіе (Bedenken). Къ значенію *дрожать*, *бояться*, *убѣгать* примыкаютъ значенія *остерегаться*, *избѣгать*, *скрываться*, *обманывать*. Φυλάττομαι—остерегаться кого. Лат. fugio (кромѣ значенія *убѣгать*) значить *остерегаться*, *ускользатъ*. Греч. λανθάνω—lateo ускользаю, скрываюсь; остаюсь незамѣченнымъ. Тоже значеніе имѣютъ κεύθω и celo скрывать отъ кого (вин.) что. Сюда же относится и лат. fallo съ болѣе первоначальнымъ значеніемъ *ускользаю отъ кого*, *остаюсь незамѣченнымъ* и потомъ *обманываю*. ⁷⁸⁾).

⁷⁸⁾ Ср. переходъ значенія отъ *ускользатъ отъ кого* къ значенію *обманывать* кого въ гот. holon=fraudare=лат. celo и гот. galaugjan скрываться при nhd. lügen и слав. лѣгати.

а²) поражаться (собств. быть разбитымъ). Греч. *καταπληττομαι τινα*, *τι*—поражаться, смущаться, пугаться, кор. *πληγ*—бить. Лат. *obstupescere*, кор. *stup*—бить. Лат. *lugeo*—печалиться (греч. *λυγρός* печальный) собств. быть разбитымъ, пораженнымъ, ср. лит. *luži*, скр. *ruǵ* ломать, причинять боль; скр. *ruǵ*, *ruǵâ*—переломъ, боль, болѣзнь. Лат. *doleo*—чувствовать боль, огорчаться, печалиться по поводу кого, чего, кор. *dar*—колоть и колотья, разбиваться, скр. *dar*—драть и *dar*, *dṛṇâmi*—разбиваться, треснуть.

б) производить шумъ, издавать крикъ, смѣхъ, плачь по поводу кого или чего. Въ скр. при *pad*—кричать есть *pan*—радоваться. Гелѣω—смѣюсь съ вин. возводится къ кор. *gar*—шумѣть. Лат. *queror*—жаловаться=скр. *svas*—вздыхать. Скр. *stan*—стенать, греч. *στένω*, *στενάζω*, *nhd. stöhnen*, цсл. *стенати*. Скр. *rud*—рыдать, лат. *rudere*—ревѣть представляетъ расширеніе кор. *ru*—ревѣть (ср. млр. *reву*—плачу). Гот. *gretan*—плакать, жаловаться=скр. *hrād*—звучать, стучать. Къ такому же значенію возводится и слав. *плакати*, ср. лит. *plaku*—бить. Говорить о чемъ (вин.) первоначально значило звучать, шумѣть по поводу чего.

в) измѣняться въ температурѣ и цвѣтѣ: горѣть, краснѣть=сильно желать, сердиться, стыдиться; мерзнуть, блѣднѣть=ужасаться, бояться. Слав. *желать*, *жалить* возводятся къ кор. *ghag*—горѣть; слово *инъѣ* означаетъ первоначально горѣніе; въ лат. возможны обороты *ardere*, *calere*, *terere mulierem*—горѣть, пылать по поводу женщины, любить. Греч. *ῥιγέω*—зябнуть и ужасаться; лат. *pallere*—бояться кого (вин.) собственно значить блѣднѣть.

Сюда относятся въ разныхъ языкахъ винительные при глаголахъ ⁷⁹⁾: *стонать*, *плакать*, *жаловаться*, *смѣяться*,

⁷⁹⁾ Раздѣлить относящіяся сюда винительные на группы довольно трудно: я ставлю все глаголы, означающіе аффекты въ одну группу, выдѣляя лишь тѣ, которые замѣтно отступаютъ отъ значенія аффектовъ (α, β, γ, δ).

радоваться; грустить, печалиться, сожалеть; желать, жаждать; гнѣваться, быть довольнымъ, недовольнымъ, стыдиться, удивляться, поражаться, бояться, остерегаться, беспокоиться, сомнѣваться, колебаться, страдать; а) говорить, кричать о комъ, о чемъ; б) помнить, забывать, думать, знать; γ) переносить, терпѣть, трудиться, ждать; δ) избѣгать, убѣгать, скрываются, обманывать.

Въ скр. *pituḥ caṛṣṇanirvānaṁ niṣṭhanaṁ viśasāda*—онъ печалился стеною о смерти отца, *Ворр. s. v. stan*; *arodit sâ bhrâtarâu*—она оплакивала обоихъ братьевъ, *ib. s. v. rud*; *bhavân idaṁ kiṁ smaṁjati iva*—ты какъ-будто смѣешься отъ этого? *ib. s. v. smi*; *saṁpûṅṅaṁ me maṁgatham abhinandâmi*—я радуюсь исполненію моего желанія, *Çak. 106, 3*; *ṣoṣaṁ palaṁ nṛṅam*—печалюсь о царѣ Налѣ, *Nal. (Ворр) 8, 24*; *mâ no hṛṇîthâ atithiṁ*—не стыдись нашего гостя; при *ṣaṅk*, *âṣaṅk*—бояться: *âṣaṅkamânâ tat râram*—боящаяся этого зла, *Nal. (Ворр) 13, 30*; *ṣaṅk*—сомнѣваться, *Böhtl. —Roth. α) damajantîsakâṣe tvân kathajîśjâmi*—я о тебѣ скажу въ присутствіи D., *Nal. 1, 21* (довольно употребительный винительный); *apsu me somo abravîd antar viṣvâni bheśaḡâ*—букв. Сомъ сказалъ мнѣ въ водахъ всѣ лекарства, *R. V. 1, 23, 20 a*; *tân samâçakśva kaljânîṁ jadi sjât mânuśî*—донеси (скажи) о той прекрасной, человѣческаго ли она рода, *Drâur. 4, 46*; б) *na smarâmj anṛtaṁ kaṁ çit*—я не помню никакой несправедливости, *Nal. 21, 13*; *na ajaṁ vâiraṁ vismarati*—онъ не забываетъ вражды, *Drâur. 7, 11*; *na anjaṁ varaṁ dhjâjâmi*—я не думаю о другомъ женихѣ, *Amb. 3, 16 (Bf. 7)*; *tvad-anjaṁ puruṣaṁ na sâ maṁsjati*—о другомъ мужчинѣ кромѣ тебя она не будетъ думать, *Nal. 1, 21*; *taṁ matvâ*—узнавши его,

Kâth. 8, 31. γ) kšam (кор. skam, русск. щемить, о-скома) терпѣть, переносить, извинять: na śakšame tato rāgâ samâhvanai—царь не перенесъ тогда вызова, Nal. 7, 8; jadi majâ kṛtâñj akârjâni tani tvañ kšantum arhazi—если мною совершены поступки, которыхъ не должно дѣлать, извини ихъ, Nal. 25, 12; śam—χάμνω—трудиться надъ чѣмъ, дѣлать что, haviḥ śamiśva—приготовь жертву, Bôthl.—Roth s. v. śam.

Въ зендѣ: khšnujâo nô jaśnem—будь доволенъ нашею жертвою, s. v. khšnu; tareç—дрожать, бояться, baodhem fraterereñti—боятся запаха, Vend. 19, 109 (въ древнеперсид. этотъ глаголь также сочиняется съ вин., Hübschm. s. 290). α) verethrem zbajañte—dem um Sieg flehenden, s. v. dâtar; aomem daçvarem âmravî humnem—я говорилъ къ Гаомѣ (вин. 1 р.) гимнъ (вин. 2 р.) о здоровьѣ (вин. 3 р.), я просилъ Гаому въ гимнѣ о здоровьи, s. v. humna; β) jim viçrâis paitismareñti—о которомъ помнить всѣ, s. v. adhairizema; im ménâ—думаю о немъ, s. v. man; γ) mām nmânja—подожди меня, s. v. nman.

Въ греч. ἔτι ζῶν γόνον Ἐκτωρα—оплакивали Гектора еще живаго, Z 500; κλαίεν ἔπειτ' Ὀδυσῆα—оплакивала тогда Одисея, α, 363, также γ 260; ἰδυρόμενος ἔταρον—оплакивая товарища, T 345, также B 315; κωκύσασα... λέχος—оплакавши ложе (ср. серб. кукати) Antig. 1303; στενάζω τινα; γελᾶω τι (ср. γελῶμαι—осмѣиваюсь); νῶϊ Πριαμοιο παῖς γηθήσει—намъ обоимъ порадуется сынъ П., θ, 377, также I, 77; τὼ δὲ πειρόντ' ἐλέησεν—пожалѣлъ о павшихъ (обоихъ), E 561; τὸν δὲ πατὴρ ὀλοφύρατο—отецъ пожалѣлъ о немъ, P 648; οὔποτε ἐπαυομην ἡμᾶς μὲν οἰκτείρων—я никогда не переставалъ сожалѣть о себѣ (насъ), Анаб. 3, 1, 19; οὐ

νεμεσήζη Αρεῖ ταδε καρτερὰ ἔργα—ужели ты не сердись на А. за эти жестокия дѣла, Е 757; χῳομαι, χαίρω съ вин. мѣст. ср. р. напр. А 64; πεινάω, διψάω, Матθ. 5, 6: ἀζόμενοι Διὸς υἰόν—почитая сына З. А 21, также Е 434; μῦθον ἀγασσάμενοι Διομήδεος—удивляясь слову Д., Н 404; αἰδεῖσθαι θ' ἱερῆα—почтить жреца А 23; αἰσχύνομαι τὸν πατέρα—Курц. § 399 с; θαυμάζω τινα, ib.; ἐκπλήττομαι, καταπλήττομαι ibid; θάμβησαν δ' ὄρνιθας—испугались, ужаснулись птиць, ρ 155; δέσας Ἀτρέος υἰόν—убоявшись сына А. Г 37; σε πεφρίχασι—боятся тебя Л 383; σ' ὄτω ῥιγήσειν πόλεμον—я думаю, что ты будешь ужасаться войны Е 351; ἀλλήλους πτώσομεν—устрашились бы другъ друга, Υ 427; εὐλαβέομαι, φυλάττομαι τινα, τι—боятся, остерегаться, убѣгать, ср. δ). α) ἄνδρα μοι ἔννεπε—скажи мнѣ о мужѣ, α 1; τὸν πατέρα αὐτοῖς ἔλεγεν—говорилъ имъ объ отцѣ, Иоан. 8, 27. β) κατανόησατε τοὺς κόρακας—подумайте о воронахъ, Лука 12, 24. γ) μένετε δ' ἄλλους;—ждете другихъ? Δ 340; также А 535; ὄπλα κάμε—сдѣлалъ оружіе (потрудился надъ о.) Σ 614; πασχῳ съ вин. δ), ср. φυλάττομαι; εὐλαβέομαι; οὐτι με φυγγανει—не ускользаетъ отъ меня, Ел. 131. καὶ ἄρχτον οὐκ ἔτρεσεν—не испугался и медвѣдицы, Анаб. 1, 9, 6; εἰπερ ἄν αὐτε φεζώμεθα Τυδέος υἰόν—если мы обратимся въ бѣгство отъ сына Т., Е 232; χειμῳνα φύγον—избѣжали стужи Г 4; ἀλεύατο χῆρα μέλαιναν—избѣжалъ мрачной судьбы, Г 360, также Е 34, 444; οὐ λῆθ' Αδαμαντα—non fefellit Α.-не укрывлся, не скрылся отъ А. Ν 560, также Г 420; οὐδέ σε κεύσω—не скрою отъ тебя, γ 187⁸⁰⁾.

⁸⁰⁾ Сюда же ἐπιλανθάνομαι—забывать. собств. скрыватьсѣ

Въ лат. *fleo*, *lacrimo*, *lamentor*, *ploro* — плачу по комъ или о чемъ, Шульцъ-Ход. § 251, 1; *gemo* — вздыхаю, *queror* — жалуясь (скр. *çvas* — вздыхать), напр. *fortunam queror*; *rideo* насмѣхаться надъ кѣмъ, чѣмъ, *ridetur ab omni conventu* — осмѣивается всѣмъ собраніемъ, Hor. Sat. 1, 7, 22; *gaudeo* — радуюсь (рѣдко съ вин.); *ardere*, *calere*, *terere mulierem* — пылать любовью къ женщинѣ, Шульцъ-Х. § 251, пр. 2; *vereor*; *miror*; *caveo*, *hunc tu caveto* — этого ты остерегайся, Hor. Sat. 1, 4, 85; *vereor*, *tremo* — боюсь. Изъ всѣхъ этихъ глаголовъ полнымъ переходнымъ глаголомъ является только *rideo*, Havest. s. 43. α) *reges atque tetrarchas loquens* — говоря о царяхъ и т. Hor. Sat. 1, 3, 12; также Шульцъ-Х. § 251, пр. 1; *crepare militiam* — кричать, постоянно говорить о военной службѣ, *clamitare calliditatem* — кричать о хитрости, Havest. 43. β) *quid illum censes* — что ты думаешь о немъ? Andr. 853, и т. п.; γ) *manere aliquem* — дожидать кого, Шульцъ-Ход. § 251, 2; *patior* — терпѣть, *aliquem* — снисходительно относиться къ кому, Andr. 262 (ср. *kšam* въ скр.); *laboro* — трудиться надъ чѣмъ. δ) *fugio* — остерегаться (ср. *fugi credere*), ускользнуть (*nulla res fugit scientiam ejus*), убѣгать; *vito* — избѣгать; *fallo* — ускользаю, остаюсь незамѣченнымъ, *num me fefellit res tanta* — развѣ ускользнуло отъ меня такое дѣло? Cic. Catil. 1, 7; *lateo*, *causa me latet* — отъ меня ускользаетъ причина; *celo* — скрываю отъ кого (вин.) что (вин.).

Въ нѣм. *weinen*, *gretan* (гот.) оплакивать, Grimm 612; *klagen* — жаловаться (скр. *garh* — ревѣть), *er klagte mir seine Noth*,

отъ чего; ср. скр. *anu-bhū*, греч. *ἔπιστῆσαι* — знать, собств. находиться при чемъ; за-бывать, собств. быть за чѣмъ.

Павл.; *zürnen* (ahd. *zurnan*)—гнѣваться на что или за что, Grimm 613; гот. *argan*—сожалѣть, *argai mik*—'ελέγησόν με, Марк. 10, 47; *erbarmen*, Grimm 613; гот. *sildaleikida ina*—удивился ему, Лук. 7, 9; *Herodis ohta sis Iohannen*—И. боялся I. Марк. 6, 20. γ) ahd *leidon*—страдать, чувствовать отвращеніе, Grimm 613; δ) *meiden*—избѣгать; *hehlen*—скрывать отъ кого=гот. *helan*, ahd. *pergan*—bergen, Grimm 622.

Въ лит. α) *te kalba mudų žmoneles*—пусть говорятъ о насъ люди, Ness. 246; *kalba mudų žmoneles daug žodelių nevērnū*—говорятъ о насъ (двоихъ) люди много злыхъ рѣчей, ib. 263; *sake kalne rugelius*—говорилъ на горѣ рожь, *sake prude žaseles*—говорилъ въ прудѣ гусей, Ness. 234; γ) *manę ne kencza*—она не терпитъ меня, ib. 205; ар кяси нашлужя—стерпишь ли ты вдовушку, Милл. и Форт. 74, 3.

Въ латыш. лай тѣ маніе не смѣяс—пусть они не смѣются съ меня, Спрог. 308, 4; озолс саву зілі рауда—дубъ плачетъ по своемъ желудѣ, ib. 34, 29; не мāsіяс мані рауд—не по мнѣ плачутъ сестрицы, ib. 280, 2; кумелиньш калнус рауд—конь плачетъ по причинѣ горь, ib. 122, 46; также 34, 29; вѣту раугу—забочусь о мѣстѣ, ib. 130, 9; также при *bédāt*—заботиться (собств. бѣдовать о...), *želūt*—жалѣть, Bielenst. § 565 Anm. *bīstās сауле рита расу*—солнце боится утренней росы, Спрог. 237, 3. α) *пūtī, пūtī, балодіті, вой ту ману бѣду пūtī?* воркуй, воркуй, голубокъ, ужели ты воркуешь о моемъ горѣ? 99; 3; та пасака мамульнию—та сказала матушку, т. е. о матушкѣ, гдѣ она, Спрог. 215; сград. скайдра ляужу рунаяма—букв. чиста говоримая людьми, т. е. я чиста, хотя люди и говорятъ обо мнѣ (оговариваютъ); ib. 22, 14; γ) *звейнѣка дѣліню гайдіама*—

ождая сына рыбака, *ib.* 4, 13; δ) *эс бѹт тау-тас избѣгусі*—я бы убѣжала отъ чужихъ людей, *ib.* 45, 13. ср. *Bielenst.* 533, *Anm.*

Въ слав. плаче мајке једине синове—оплакивають матери единственныхъ сыновей; да ти кукаш (ср. греч. *κωκῶω*) срећу (счастье) твоју, *Mikl.* 375; *junoše plakachu vše děvu*, Краледв. (впрочемъ *junoše* м. б. и род.); сѣтова сына своего: мајке јадикују (печалются о) синке, *Mikl.* 375; желать, жалѣть. α) языки глаголетъ—говоритъ о язычникахъ, Хр. Бусл. 31, 38; сказываетъ на вербѣ грушу; серб. тамо кажу мому неудату—говорятъ невыданную дѣвицу, Потенбня 2, 222, 223; β) думать что, мнѣти, Потенбня, Изъ зап. 2, 221; γ) терпѣть что, кого, ждаты.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, винительные этого вида сохранились въ наибольшемъ количествѣ въ греч., затѣмъ въ лат., латыш. и скртѣ ⁸¹⁾.

⁸¹⁾ Сюда же, вѣроятно, относятся также винительные при глаг. *слышать* и *нюхать*. Этимологически глаг. *слышать* тождественны съ глаголами звучать, кричать, а *нюхать* съ глаг. пахнуть. Такъ скр. *ghuś*—звучать=Zend. *guś*—слышать; ср. *сги*—слышать=греч. *κλῶω*, лат. *cluere*, цел. слуги, слыть; явственная связь съ значеніемъ издавать звукъ очевидна въ Гомер. *κλυτός*—издающій звукъ, ревъ (*κλυτὰ μῆλα*)=нѣм. *hlüt* (ags), *phd. laut*. Что касается значенія винительнаго при глаг. *слышать*, то значеніе это уясняется изъ одного оригинальнаго употребленія глаг. *слышать*: въ греч. и лат. *ἀκούω*, *audio* употребляются въ значеніи *καλοῦμαι*, *appello*, т. е. слышу=меня зовутъ, я подвергаюсь дѣйствию зова, звука. напр. *seu Iane libentius audis*—или ты охотнѣе зовешься «Янусъ», *Hor. Sat.* 2, 6, 20. Если глаг. слышать первоначально значать *подвергаться дѣйствию звука*, то винительный при нихъ долженъ былъ первоначально означать тотъ предметъ, со стороны котораго происходитъ это дѣйствіе, и слѣд. долженъ быть отнесенъ къ вин.

б) Винительные результативные. Какъ мы видѣли выше при изложеніи независ. вин. результативныхъ (гл. 1 СЗ Вв и гл. 2, 3 В), винительные эти означаютъ нѣчто послѣдующее относительно главнаго дѣйствія. Если это послѣдующее должно быть представлено главнымъ предметомъ рѣчи (подлежащимъ), то по извѣстному процессу образуется страдательный оборотъ: напр. изъ оборота *gīvatj asukhaḡīvikām—vivit miseram vitam*, живетъ несчастную жизнь (ср. *Nal. Vop. 11, 17: gīvatv asukhaḡīvikām*), что первоначально значить *онъ живетъ, что составляетъ несчастную жизнь* (живетъ—несчастливая жизнь), при перемѣнѣ въ соотвѣтственный страдательный получается *asukhaḡīvikā gīvjate—несчастливая жизнь живется* (ср. *jaḡ gīvjate.... gīvitam*, *Hitor. 51, 18*). При оборотѣ *бѣду бѣдовать* = лит. *varga, varguḡi, vargti* (*Ness. 163*), въ которомъ вин. *бѣду* первоначально представляетъ такой же независимый вин., какъ въ оборотѣ „горячится онъ теперь да такову бѣду“ (незав. вин. 3 Вв¹) находимъ оборотъ „кто бѣды не бѣдовалъ“ (послов.), въ которомъ родит. *бѣды* подчиняется аналогіи род. при дѣйствит. глаг. съ отрицаніемъ, что указываетъ на то, что вин. *бѣду* (въ обор. *бѣду бѣдовать*) разсматривается въ языкѣ какъ вин. объекта (ср. въ латыш. *māga ne guļea—букв. не спитъ сна*, *Спрог. 275, 12*); въ лит. подобные винительные подчиняются аналогіи род. части, напр. *turiu varguḡiū vargti—букв. имѣю бѣды бѣдовать, я долженъ бѣды бѣдовать*, *Ness. 63*. Хотя многіе изъ относящихся сюда оборотовъ являются вполнѣ переходными, однако отдѣлить винительные зависимые этого вида отъ винительныхъ независимыхъ (какъ вообще въ вин. 3 рода) довольно трудно: они представляютъ собою рядъ явленій, примыкающихъ съ одной стороны къ винительнымъ независимымъ, а съ другой—къ винительнымъ зависимымъ.

3 р. Так. обр. *tan sḡnomi* = греч. *ἀχροῶμαι αὐτοῦ* значить собств. *подвергаюсь отъ него дѣйствию звука*. Подобнымъ образомъ нюхаю тожественно съ *вѣхаю* и первоначально значить *подвергаюсь дѣйствию запаха отъ извѣстнаго предмета*.

Относящіеся сюда винительные представляютъ два главныхъ разряда: винительные результативнаго объекта вообще (b¹) и винительные одного корня или значенія, которые принято называть также винительными внутренняго объекта (b²).

b¹) *Винительные результативнаго объекта вообще* означаютъ предметъ, который достигается субъектомъ чрезъ дѣйствіе, выражаемое сказуемымъ. Въ простомъ видѣ они пользуются небольшимъ распространеніемъ; но, являясь позже при глаголахъ сложныхъ съ предлогами, они даютъ начало многочисленнымъ винительнымъ, которые являются преимущественно въ болѣе позднихъ языкахъ (какъ *выходитъ награду* и т. п.).

Въ скр. *pibâ surûgnam udagam*—пей полное чрево, напой полное чрево, S. V. 1, 2, 1, 3, 10 (ср. серб. *нађе га*—букв. *наѣлъ его*, т. е. накормилъ его).

Въ греч. *τὰς αὐτοὶ κηρόμεσθα βίηφι τε δουρί τε μακρῷ*—которыхъ мы сами приобрѣли (добыли) трудясь силою и длиннымъ копьемъ, букваль. которыхъ (вы)страдали, Σ 341; *μικᾶν στέφνον*, Pind.—чрезъ побѣду добыть вѣнокъ (букв. побѣдить вѣнокъ), Mathiä 913; *ἔλκος τυφλοῦν* (ср. *ἔλκος τυφλωθέν*, Math. 915)—нанести чрезъ ослѣпленіе рану; подобнымъ обр. *νεῖω* отъ значенія *кивать* переходитъ къ значенію *киваньемъ доставлять, обѣщать что*, Bensl. s. v.

Въ лат. *quae homines arant, navigant*—чего люди достигаютъ чрезъ паханіе, мореходство, букв. что пашутъ, плаваютъ на корабляхъ (какбы выпашиваютъ, выѣзживаютъ), Sall. Cat. 2, 7, ср. Шульца слов. s. v. *navigo*.

Въ слав. *рыть золото* и т. п., т. е. *рытьемъ добывать*.

b²) *Винительные одного корня или значенія* суть такіе резултативные ⁸²⁾ винительные, присутствіе которыхъ при глаголахъ обусловливается тожествомъ ихъ корня или значенія съ корнемъ или значеніемъ глаголовъ, при которыхъ они употребляются. Первоначально эти винительные

⁸²⁾ Резултативное значеніе видѣлъ въ нихъ Mathiä (Gr. Gr. s. 910, вин., означающіе «резултатъ дѣйствія», ср. Havest. s. 39). Курціусъ называетъ ихъ *вин. внутренняго объекта*. Последнее названіе, пользующееся особенною популярностію, несовсѣмъ удачно. Не говоря уже о томъ, что названіе это непослѣдовательно (en pendant къ такому объекту долженъ быть также внутренній субъектъ и внутренній инструментъ, ср. *жить жизнь* и *жить жизнью*), оно неудовлетворительно въ томъ отношеніи, что не показываетъ, какъ широко слѣдуетъ понимать терминъ *вин. внутренняго объекта*: разумѣть ли подъ нимъ только тѣ фиктивные объекты, которые являются какъ тавтологія при среднихъ глаголахъ (спать сонъ, жить жизнь и т. п.); или же слѣдуетъ распространять этотъ терминъ на всѣ случаи винительнаго одного корня или значенія. При второмъ способѣ пониманія мы внаги бы въ большую непослѣдовательность: мы должны были бы къ винительнымъ внутренняго объекта причислить многіе изъ такихъ винительныхъ, въ которыхъ тожество корня или значенія съ глаголомъ несущественно, случайно, и оторвать отъ цѣлаго рода другихъ подобныхъ винительныхъ; такъ напр. *jaculum jacio* = βέλος βάλλω = скр. *išamī*, *astram asjāmī* первоначально значить *бросаю бросаемое*; но сходство корня здѣсь чисто случайное и эти *вин.* объясняются изъ *вин. 2 р. ab3*. Съ другой стороны, при такомъ пониманіи мы смѣшали бы многое существенно различное; такъ напр. въ нѣм. оборотахъ *er schreitet zwei Schritte* и *er schreitet weite Schritte* оба винительные одного корня; между тѣмъ въ первомъ оборотѣ *Schritte* есть несомнѣнный *вин. незав. протяженія* (a²)—онъ шагаетъ два шага; во второмъ же—резултативный *вин. одного корня* (онъ шагаетъ [что составляетъ] широкіе шаги, т. е. онъ шагаетъ широкими шагами). Подобнымъ образомъ нужно отдѣлять отъ *вин.*, о которыхъ идетъ рѣчь, всѣ тѣ винительные, которые могутъ быть объяснены изъ разсмотрѣнныхъ выше винительныхъ (напр. *aetatem vivere*—*вин. 1 Aa²*. идти путь—*вин. 1 Ba²* и т. п.) и относить сюда только тѣ, въ которыхъ тоже-

тождественны съ прочими результативными винительными (ср. незав. вин. 3 Вbα); но, въ то время какъ другіе результ. винительные наравнѣ съ прочими винительными 3 р. при дальнѣйшемъ развитіи аrioевроп. языковъ сохранились лишь спорадически, винительные этого вида благодаря наклонности языка въ извѣстные періоды къ тавтологіи, получивши точку опоры въ глаголахъ сходныхъ съ ними по корнямъ или значеніямъ ⁸³⁾, сохранились въ значительной массѣ во всѣхъ аrioевроп. языкахъ, и, примкнувши ближе къ сроднымъ глаголамъ, часто являются какъ винительные объекта.

Такъ какъ относящіеся сюда винительные всегда отглагольнаго происхожденія, то раздѣленіе ихъ обусловливается качествами отглагольныхъ существительныхъ. Отглагольные сущ. имѣютъ значеніе или абстрактное (α), или конкретное (β) (ср. Потебня, Изъ зап. 1, 114 и 112); такъ напр. πληγή значить: 1, ударъ, толчекъ, т. е. субстанцірованное явленіе удара; 2, рана, рубецъ, т. е. результатъ, конкретное проявленіе удара. Сообразно съ этимъ нужно различать *результативные абстрактные винительные одного корня или значенія (α) и результативные конкретные (β)*.

α) Если имя, стоящее въ вин. пад. при глаголѣ того же корня или значенія, склоняется къ абстрактному значенію, въ такомъ случаѣ вин. представляетъ собственно тавтологію, „плеонастическое повтореніе“ (Grimm s. 645); напр. πλήττειν πληγήν цсл. ударити удареніе собств. зна-

ство корня или значенія является существенною чертою и которые означаютъ результатъ или образъ дѣйствія; даже въ оборотахъ, вполнѣ повидимому тождественныхъ, винительные могутъ быть совершенно различны; такъ въ обор. viam it, серб. путъ путује, онъ иостъ путь, если это значить онъ идетъ по дороге, то путь есть вин. протяженія Va²; если это значить онъ совершаетъ путь, то это результат. вин. одного корня или значенія, (β).

⁸³⁾ Другой примѣръ болѣе упорнаго сопротивленія прогрессу языка тавтологическихъ оборотовъ см. выше гл. I C1c (обороты типа днь днь).

читъ: *ударить*: (что составляет) *ударъ*. Так. обр. эти вин. какъ бы удвояваютъ значеніе глагола; а такъ какъ „многія слова въ удвоенной формѣ имѣютъ значеніе усиленія“ (Шерцль, Ср. Гр. 2, 39), то глаголы съ такими винительными получаютъ усиленное значеніе (α^1): $\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\nu$ $\theta\nu\eta\sigma\chi\epsilon\iota\nu$ — умирать на смерть, смертью умирать, вполнѣ умирать ⁸⁴).

α^2) Но гораздо чаще вин. абстрактныхъ именъ являются съ опредѣленіями: $\pi\lambda\eta\tau\tau\omega$ $\beta\alpha\rho\omicron\tau\acute{\alpha}\tau\eta\nu$ $\pi\lambda\eta\gamma\acute{\eta}\nu$ — я бью, что составляетъ очень тяжелый ударъ, т. е. бью очень тяжело (ср. гл. I С 3 Bb²); такіе винительные съ опредѣленіями отбѣняютъ извѣстнымъ образомъ значеніе глаголовъ, служатъ обстоятельствами образа дѣйствія.

β) Если отглагол. имя, стоящее въ вин., склоняется болѣе къ конкретному значенію, въ такомъ случаѣ плеоназмъ заключается уже не въ имени, а въ глаголѣ: $\pi\lambda\eta\tau\tau\omega$ $\pi\lambda\eta\gamma\acute{\eta}\nu$ получаетъ значеніе *наносу, дѣлаю ударъ* ⁸⁵); винительный въ этихъ случаяхъ является вполнѣ объектомъ.

⁸⁴) Ср. другіе примѣры подобнаго усиленія: ходенемъ ходить — сильно двигаться, чернымъ черно — очень черно, ливнямъ лить; ср. абсолютное неопредѣленное наклоненіе и сходныя съ нимъ по значенію формы, Потемня, Изъ зап. 2, 402, 405.

⁸⁵) Въ болѣе древнее время это не было стилистическимъ приемомъ, а составляло напротивъ простѣйшій способъ выраженія при той медленности мысли, наклонности къ тавтологіи и бѣдности въ абстрактныхъ глаголахъ съ общимъ значеніемъ, что замѣчается на низшей ступени развитія. Вообще глаголы съ общимъ (широкимъ) абстрактнымъ значеніемъ позднѣйшаго происхожденія и возникли изъ болѣе конкретныхъ съ болѣе узкимъ значеніемъ глаголовъ, ср. напр. скр. $bh\acute{a}$, и нѣм. $scheinen$ — казаться, первоначально *свѣтитъ, блеститъ*; $producere$ — *производитъ* собств. *выводитъ*; $euenire$ — *происходитъ*, собств. *выходитъ* и т. п. При такихъ условіяхъ наиболѣе естественнымъ выраженіемъ такихъ оборотовъ, какъ *наноситъ ударъ, даетъ советъ* было: $\pi\lambda\eta\tau\tau\epsilon\iota\nu$ $\pi\lambda\eta\gamma\acute{\eta}\nu$, $\beta\omicron\upsilon\lambda\acute{\eta}\nu$ $\beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\epsilon\iota\nu$. Позже при дальнѣйшемъ развитіи языка для избѣжанія тавтологіи такіе глаголы замѣняются глаголами съ болѣе общимъ значеніемъ.

Въ скр. α) *gîvitañ gîvati* ср. Hit. 51, 18; α^2) *so 'tarjata tapo ghorañ*—онъ каялся ужаснымъ покаяніемъ, Matsj 4; *evañ tu varttamânasja tasja.... agamat kâlo*—въ то время какъ онъ такъ жилъ, проходило время, Коссов. Çarañ 2; *ittiprasumârañ mârido=ištiraçumârañ mârito*—умерщвленный смертью жертвеннаго животного, Çak. 94, 2 снизу; *gîvatv asukha-gîvikâm* Nal. 11, 17, ср. выше. β) *âguhvad (d)havjam*—жертвѹя жертвѹ, принося жертвѹ, S. V. 1, 1, 2, 4, 2, 6; *mantrañ râgâ mant-rajâm âsa* — \acute{o} βασιλεὺς βουλὴν ἐβουλεύσατο, Amb. 21, 6 (Bf. 55).

Въ зендѣ α^2) *raçmôgatem vâdhem gâiñti*—онъ поражаетъ военнымъ ударомъ, s. v. *raçmôgata*.

Въ греч. α) *φόβους φοβέσθαι*—eine Furcht fürchten. Bensl. s. v.; α^2) *ἐπὶ δὲ μέγα ὄρκον ὀμοῦμαι*—клянусь великою клятвою, I 132; *τὴν ἐναντίαν νόσον νοσοῦμεν*, Курц. § 400 а и отчасти b, Havest. s. 40. β) *βουλὴν βουλεύειν, τεῖχος τεχιζέσθαι*, ibid. *ἐνύπνια ἐνυπνιασθήσονται*—увидятъ сны, Дѣян. 2, 17.

Въ лат. Шульцъ-Ход. § 251, 3. Holtze 196.

Въ нѣм. Grimm 645, 646.

Въ лит. и латыш. Schleich. s. 263 и Biel. § 535. а) *сауц маміня саукуміню*—крикомъ (вин.) кричитъ мать, Спрог. 225, 69.; α^2) *đidi muszi musze*—сражались великимъ сраженіемъ, Ness. 23; β) *cze but gerai knipski muszt*—здѣсь хорошо разбойничать, букв. бить ударъ, ein Schnippchen schlagen, Schleich Leseb. s. 127; *asz visur vis turiu pirmaji žingsni žengt*—я во всемъ долженъ шагать (дѣлать) первый шагъ, ib. 230; *baisų sarną sarnūt* (ib. 198)=латыш. *bailigu sarni sarnūt*—видѣть (спать) страшный сонъ.

Въ слав. Mikl. 385—7. α) осмѣемся мы насмѣшку Васильюшкѣ; α²) тихое житіе поживемъ; β) горе горевать, серб. јад јадујем; uderi gánu, vgrazi gánu—нанежь рану, Крал. 65, 63 и т. п.

β²) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается, что для избѣжанія тавтологіи въ подобныхъ оборотахъ является только опредѣленіе, которое должно стоять при вин. одного корня, самый же вин. опускается; такъ напр. въ Elektr. 532 находимъ οὐκ ἴσον καρῶν—пострадавши не равное т. е. страданіе (по Вольфу въ основаніи этого оборота лежить вин. внутрен. объекта ἴσον καρῶν καρῶν); подобнымъ образомъ въ русскомъ въ оборотѣ *плясать русскую пляску* слово *пляску*, какъ заключающееся въ глаг. *плясать*, можетъ быть невыражено и так. обр. является оборотъ *плясать русскую*; вмѣсто *танцовать польскій танецъ* (такъ какъ польскій танецъ называется—*полька*) является *танцовать польку*. Подобнымъ образомъ по аналогіи винительныхъ одного корня или значенія вошли въ употребленіе и многіе другіе винительные ⁸⁶).

А. Поповъ.

(Продолженіе будетъ.)

⁸⁶) Гавештадтъ изъ такой аналогіи объясняетъ даже такіе обороты, какъ νικάν μάχην, Ὀλύμπια (по аналогіи νικάν νίκην), θύειν Γράκλεια (по аналогіи θύειν θύματα) и т. п. s. 40.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Общій курсъ словесности для V и VI классовъ гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. М. Калмыковъ, преподаватель словесности въ Новочеркасской гимназій.

При составленіи учебника словесности обыкновенно бываетъ весьма легко впасть въ одну слѣдующую крайность: легко увлечься желаніемъ высказать свой образъ мыслей, свой взглядъ на трактуемый предметъ и забыть, что пишешь учебникъ и что въ учебникѣ это было бы не уместно. Этимъ, кажется, надо объяснить то, что г. Калмыковъ внесъ въ свой учебникъ „нѣсколько лишнихъ (по собственному его сознанію) статей, именно: О литературной критикѣ, о поэтѣ и вдохновеніи, о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ и пр. Что здѣсь дѣло идетъ не о курсѣ, а о проведеніи личныхъ взглядовъ, видно, напр., уже изъ слѣдующихъ словъ на стр. 148 (совершенно неумѣстныхъ въ учебникѣ). „Когда-то у насъ на Руси процвѣтала поэзія (стихи?). Наши дѣды и отцы были счастливые насъ; при нихъ жили Державинъ, Крыловъ, Жуковский, Батюшковъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь; до сихъ поръ они не замѣнены никѣмъ (будто?). Пала въ наше время поэзія, новое поколѣніе, къ величайшему ущербу для себя, мало интересуется ею“. Въ этихъ словахъ много неправды, напускнаго сентиментализма и ошибокъ, но дѣло въ томъ, что все это уместно въ плаксивой критической статьѣ, а не въ учебникѣ. См. также на стр. 23 примѣры на точность рѣчи.

Опредѣливъ характеръ „курса“ г. Калмыкова, разберемъ сначала „лишнія“ статьи, а потомъ самый „курс“.

Эти „лишнія“ статьи авторъ пытается оправдать

тѣмъ, что онѣ или имѣютъ отношеніе къ курсу, или помѣщены въ видѣ приложения, такъ что ничему не мѣшашають. Самая крупная изъ перваго рода статей—свѣдѣнія изъ опытной психологіи и логики—есть самая слабая; послѣ мы разберемъ ее подробно. Другія „лишнія“ статьи въ курсѣ—дѣйствительно лишнія. Напр. статья—Выразительность фразы (я долго думалъ, что бы это значило?)—есть буквальное повтореніе того, что сказано на стр. 25 подъ заглавіемъ „ясность рѣчи“. Статья О выразительномъ чтеніи наполнена общими мѣстами и даетъ совѣты (кстати сказать, неизвѣстно для чего напечатанные петитомъ, хотя въ нихъ вся суть“), далеко уступающіе въ практичности тѣмъ, которые мы находимъ хоть напр. въ книгѣ „Упражненія въ декламаци“ (1846 г. изд. 2 ц. 15 к. с.) Затѣмъ обширная статья О поэтѣ и вдохновеніи (умѣстная скорѣе по своему содержанію въ курсѣ исторіи литературы, когда дѣло идетъ о Пушкинѣ) вся составлена изъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова и одного стихотворенія Некрасова, при чемъ этимъ стихотвореніямъ дана произвольная послѣдовательность и они связаны посредствующими мыслями, принадлежащими самому составителю. Статья „О поэтѣ“ сопровождается коротенькой замѣткой-статьей: Поэзія объективная, обличительная и идеальная. Такое дѣленіе по меньшей мѣрѣ излишне, если не курьезно; это видно уже изъ того, что составитель къ 1 роду поэзіи относитъ правоописательные романы, повѣсти, драмы, а къ 3 роду нѣкоторые романы и драмы (что за странность!). Итакъ „лишнія“ статьи въ учебникѣ г. Калмыкова—совершенно лишнія.

Затѣмъ, что касается курса, то въ немъ два недостатка: недостатокъ связности и бѣглость въ изложеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ. Теорія прозы, напримѣръ, рѣзко отдѣлена отъ теоріи поэзіи, такъ что стихосложеніе совершенно выдѣлено изъ стилистики, а о стилистикѣ, какъ отдѣльной части словесности, не упомянуто вовсе. Благодаря

такой раздѣльности свѣдѣнія изъ опытной психологiи и логики оказались какой-то отдѣльной частью словесности, которую неизвѣстно куда отнести. Не странно ли — прежде всего начать объяснять мальчикамъ, только что перешедшимъ въ V классъ, что такое душа, что такое эстетическое чувство и т. д. По нашему, свѣдѣнія изъ логики были бы всего болѣе у мѣста передъ описанiемъ, такъ какъ само описанiе, напримѣръ, есть только распространенное понятiе, а разсужденiе и непонятно безъ силлогизма и научныхъ методовъ. Свѣдѣнія изъ опытной психологiи были бы у мѣста передъ изложенiемъ отдѣла о поэзiи, гдѣ приходится употреблять слова: воображенiе, фантазiя и пр. Вѣглость, при видимой растянутости, особенно замѣтна въ изложенiи отдѣла о разсужденiи, о романѣ и о драмѣ. Также бѣгло изложенъ отдѣлъ о стихосложенiи.

Перейдемъ къ частностямъ. Слабѣе всего, мы сказали, изложены свѣдѣнія изъ психологiи и логики.

Съ перваго же раза вы здѣсь встрѣчаете неправильное дѣленiе душевныхъ способностей. Онѣ совершенно не классифицированы и исчисляются такъ: память, воображенiе, умъ, внутреннiя чувства — желательная способность и воля. Здѣсь смѣшаны роды и виды способностей, да и есть противорѣчiе опредѣленiю душевныхъ способностей на стр. 117, сдѣланному гораздо правильнѣе.

Затѣмъ въ этой же статьѣ опредѣленiе чувствъ и дѣленiе ихъ и курьезно, и противорѣчиво. 4 основныхъ чувства: религiозное, нравственное, эстетическое и чувство самосохраненiя. Последнее новоиспеченное чувство просто курьезно встрѣтитъ въ теорiи словесности. Любопытно, что въ статьѣ о поэтѣ поэту приписывается только три первыхъ чувства (см. стр. 141). Вообще довольно затѣйливымъ представляется попытка автора дѣтямъ 14 л. преподавать теорiю чувствъ. Для доказательства выпишемъ изъ курса опредѣленiе нравственнаго чувства: „Это есть чувство братской любви и уваженiя къ ближнимъ. Нравственность

есть равноправное отношеніе къ другимъ людямъ (?!); весь нравственный законъ вкратцѣ выражается въ слѣдующихъ словахъ: не дѣлай и не желай другому того, чего себѣ не желаешь. Всѣ люди стремятся къ благоденствію, слѣдовательно, поступая равноправно, ты не долженъ при устройствѣ своего личнаго счастья, при удовлетвореніи своихъ желаній мѣшать счастью другихъ. Это нравственность доступная и обязательная для всѣхъ людей, всѣхъ состояній. Но есть нравственность высшая (недоступная и необязательная, спросимъ мы?), проповѣданная Иисусомъ Христомъ: „не только словомъ и дѣломъ не вреди другому, но, сколько можешь, помогай ему, способствуя его благополучію.“ Несостоятельность и неумѣстность подобныхъ опредѣленій ясна. Но здѣсь есть и извращеніе христіанской морали. Христосъ говорилъ: Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею и всѣмъ разуміемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самого себя. Иной большей сихъ заповѣди нѣтъ (Мр. гл. 12 ст. 30—31), и не слѣдовало передѣлывать этихъ словъ на свой ладъ.

Также странны вопросы къ этому отдѣлу: „Почему говорятъ такъ (sic!): нравственность есть основа общественной жизни. Существовало-ли бы людское общество, если бы не соблюдалась нравственность?“ и пр. и пр. и это все для 14—15 л. возраста дѣтей.

Менѣе важны промахи въ этомъ отдѣлѣ суть: На стр. 5 опредѣляются качества душевныхъ способностей по ихъ свойству. Тутъ очевидное недоразумѣніе. Познавательная и чувствующая способность имѣетъ только три качества или степени: живость, силу и крѣпость и опредѣленія въ родѣ: память слабая, обширная, свѣтлая имѣютъ свое мѣсто не въ опытной психологіи, а въ жизни.

На стр. 6: „разсудокъ есть способность разсуждать“. Что же это значитъ?

На стр. 7: „между душевными способностями не упо-

мануты: сердце, характеръ, нравъ“. Какія же это душевныя способности?

На стр. 10 говорится: „предметовъ тождественныхъ съ понятіями нѣтъ“, а черезъ 5 строкъ приводится примѣръ понятія конкретного: гусь. Какъ это объяснить?

На стр. 18 упоминается категорическое сужденіе, а выше въ отдѣлѣ сужденій объ этомъ видѣ сужденій, равно и о другихъ, не дано никакого понятія.

Таковы „лишнія статьи“.

Въ отдѣлахъ стилистики, теоріи прозы и поэзіи мы найдемъ тоже много лишняго и неяснаго. Прежде всего странно, что нигдѣ нѣтъ ни опредѣленія словесности вообще, ни опредѣленія стилистики, ни опредѣленія прозы и поэзіи; совершенно лишнимъ является указаніе сравнительнаго достоинства искусствъ: музыки, ваянія и пр. Также излишне разсужденіе о пользѣ и вредѣ чтенія романовъ, подробности о видахъ романа, разборъ Евгенія Онѣгина (т. е. отъ стр. 110—117). Излишенъ во многомъ отдѣлъ, громогласно озаглавленный: исторія европейскаго театра; въ немъ много общихъ фразъ и мало содержанія. Излишняя статья о распространеніи пѣсенъ стр. 77, о Кольцовѣ стр. 81. Стихотвореніе Къ портрету Жуковскаго напечатано два раза.

Неяснаго много какъ въ теоріи прозы, такъ и въ теоріи поэзіи. Описаніе художественное отличено отъ простаго тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ мысли и чувстваванія, „между прочимъ“. Въ сущности описаніе художественное и есть рядъ мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ художникѣ пониманіемъ явленія или предмета.

Если вся стилистика изложена обще и бѣгло, то стихосложеніе изложено совсѣмъ слабо. Вопреки историческому развитію, вопреки всякому разсужденію, изложеніе начато съ силлабическаго стихосложенія, причемъ оно опре-

дѣлено только цезурой и удареніемъ на 2 слогъ во второй половинѣ стиха, а о первой половинѣ стиха ничего не сказано. О Кантемирѣ здѣсь—ни слова, хотя по другимъ поводамъ многое говорится о другихъ писателяхъ. Не дано понятія ни объ удареніи, ни о стопѣ, ни о рямѣ, ни о строфѣ, ни о цезурѣ.

Въ теоріи прозы о прозѣ говорится, что она только копируетъ дѣйствительность, причѣмъ забывается, что вся наука есть проза.

Поэзія отличена отъ прозы тѣмъ, что сфера ея ограничениѣе, что ошибочно. Точное понятіе о всѣхъ сферахъ, конечно, даетъ только проза, но и поэзіи доступны всѣ сферы, какъ это утверждаетъ и составитель въ статьѣ о поэтѣ. Разница въ способахъ представленія и изложенія, а не въ предметѣ.

Теорія поэзіи по неизвѣстной причинѣ начата съ лирики. Мы было обрадовались и думали, что авторъ догадался романъ отвести къ лирикѣ и чрезъ то усилить ея значеніе. Ничего подобнаго не оказалось.

Лирика будто бы теряетъ значеніе, если „выражаетъ негодованіе на родственника“. Составитель забылъ Евгенія Онегина.... Но, Боже мой, какая скука и т. д.

Опредѣленіе эпоса сбивчиво и противорѣчиво. „Въ немъ, сказано въ курсѣ, представляется міръ внѣшній, т. е. явленія міра Божественнаго, явленія природы, людскіе типы и идеалы, а также явленія жизни семейной и общественной“. А типы и идеалы людскіе есть явленія чьей же жизни?

Романъ отъ поэмы вовсе не отличенъ. Самый романъ дѣлится на современный и историческій. Его происхожденіе, значеніе—все это оказалось внѣ силъ составителя.

Въ предисловіи авторъ проситъ сдѣлать замѣчанія и касательно изложенія.—Вотъ на выдержку нѣсколько недомотровъ въ этомъ отношеніи.

Въ предисловія: часть матеріала осмышляется вм. осмысливается. Тамъ же: выразительность фразы.

На стр. 4: „отъ характера въ скобкахъ (темперамента)“.... Какъ будто это одно и тоже?

На стр. 11: дерево — объемистое понятіе (!)

— 16: Выводное сужденіе (?)

— 17: Человѣческія дѣти (!)

— 28: Раскинулся убрूसъ розо (!) всю Русь...

— 65: „Человѣкъ отличается отъ животныхъ и тѣломъ, и душою“. Развѣ у животныхъ есть душа? „Отличается обширными познаніями“. Развѣ у животныхъ есть познанія?

Стр. 66 Поэзія буквально значить творчество, слѣдовательно (sic!) и она принадлежитъ къ числу искусствъ.

Стр. 87: Элегіи отчаянныя. (Не дурно!)

— 89: Бѣжинъ лугъ — юмористическое произведеніе.

(Вотъ какъ!)

Сводя къ одному все наши скромныя замѣчанія, скажемъ, что книга эта написана авторомъ, не лишеннымъ эстетическаго вкуса и хорошимъ стилистомъ. Но легкость, съ какою авторъ владѣетъ слогомъ, отвлекла его отъ прямой задачи, и книга его представляетъ не руководство, а наблюденія и замѣтки опытнаго словесника.

Употребленіе знаковъ препинанія. Сост. учитель русскаго языка и словесности В. А. Кеңдзерскій. Харьковъ 1879 г.

Г. Кеңдзерскій въ предисловіи очень умно разсуждаетъ о значеніи знаковъ препинанія и о пользѣ своей книги.

Къ сожалѣнію, сама книга ниже всякихъ разсужденій. Г. Кеңдзерскій думаетъ, что переменной названій и постановкой однихъ терминовъ вмѣсто другихъ онъ произвелъ

реформу и облегчилъ суть дѣла, — ничуть не бывало. Въ книгѣ г. Кендзерскаго нѣтъ ни одного точно формулированнаго правила. Возьмите страницы 43 и 44, гдѣ говорится о постановкѣ , и ; — тамъ вы узнаете, что эти знаки ставятся въ срединѣ предложеній, но когда, въ какихъ случаяхъ, вы этого не узнаете, потому что объ этомъ не говорится ни слова. Чтобы дать понятіе о сущности реформы г. Кендзерскаго, выпишемъ часть одной таблицы, такъ какъ, по словамъ самого г. Кендзерскаго, таблицы представляютъ резюме всей его книги.

Таблица В. (выписываю съ орфографіей книги). Середи́нные знаки при́пинанія:

ставятся въ срединѣ вполнѣ законченныхъ предложеній. Цѣлыхъ и Прерванныхъ, и отдѣляютъ ихъ составныя части, если онѣ суть предложенія, по Виду:

Повѣств. Воск. Вопрос. Слитныхъ Собст. — слож. (Состав. — сочинен.
а) всегда б) обыкновенно в) иногда

О послѣднихъ (т. е. составныхъ — сочиненныхъ) сказано а) когда части ихъ меньшаго объема б) когда онѣ (?) соединены словами, не составляющими частей предложенія, но исключительно служащими для соединенія равносильныхъ предложеній.

Попробуйте усвоить весь этотъ наборъ словъ и найти ему примѣненіе. Въ любомъ самомъ плохомъ синтаксисѣ вы найдете правила изложенныя точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ у г. Кендзерскаго, а у него однихъ такихъ таблицъ четыре. (Таблица видовъ предложеній — просто тарабарская грамота).

Лучшая часть книги — практическая часть. Примѣры выбраны весьма подходящіе и составлены очень хорошо. Г. Кендзерскому стоило бы сказать большое спасибо, если бы онъ издалъ эту часть отдѣльно. Но и тутъ есть неудобство. Г. Кендзерскій печатаетъ одни и тѣже примѣры три раза: безъ знаковъ препинанія, со скобками вмѣсто

знаковъ и съ знаками. Второе совершенно излишне и только увеличиваетъ цѣнность книги. Очень удачно придумалъ г. Кендзерскій печатать примѣры прописью; кромѣ изящества, это и весьма полезно при списываніи. Въ военныхъ гимназіяхъ усвоеніе знаковъ препинанія начинается съ низшихъ классовъ и списываніе примѣровъ тамъ и вполнѣ умѣстно. Изданіе книги превосходно.

Опытъ сближенія славяно-русскихъ глаголовъ съ греко-латинскими по формамъ и корнямъ.

Н. Н. В...а (Бодрова?) М., 1879 г.

Мы считаемъ себя крайне виноватыми за то, что до сихъ поръ не дали отчета объ этой до нѣкоторой степени замѣчательной книгѣ. Попытка на подобный трудъ у насъ долго еще будетъ оставаться неблагоприятной. Кто заинтересуется подобной книгой русскаго автора? Профессоръ хватается за нѣмецкую книгу, которую ему подсовываютъ въ нѣмецкомъ же магазинѣ. Русской книгой по такому предмету онъ заинтересуется, если ее ему подsunуть. А кто же на это рѣшится, кромѣ брата-славянина, готового всачески пролагать себѣ дорогу.

Тѣмъ пріятнѣе было узнать, что книга одобрена для основныхъ библиотекъ гимназій. Но она могла бы быть рекомендована и для ученическихъ библиотекъ. Для учениковъ VП и VІІІ класса она была бы весьма интересна и полезна. Указывая на глубокую близость славяно-русскаго языка съ греко-латинскимъ, книга роднитъ и примиряетъ ученика при нынѣшней системѣ обученія съ тягостнымъ усвоеніемъ этихъ языковъ. Такимъ образомъ книга г. В...а могла бы служить для подарковъ ученикамъ старшихъ классовъ. Но обратимся къ самой книгѣ.

Мы найдемъ массу весьма любопытнаго и еще небывалаго матеріала какъ въ самой книгѣ, такъ и въ предисловіи. Г. Б—ъ справедливо указываетъ, что до появленія его книги вышли всего только два аналогичныхъ труда—Руссова и Экономидиса въ переводѣ Менглицкаго, причемъ трудъ Руссова не имѣлъ и не имѣетъ значенія. Тѣмъ важнѣе книга г. Б—а.

Содержаніе ея распадается на 2 отдѣла: 1) Сближеніе вышеозначенныхъ глаголовъ по формамъ, при чемъ въ частности разсматривается: А) форма *tum*, В) Вспомогательныя глаголы *esse* и *быть*, С) Дѣленіе спряженій и сличеніе формъ спряженія глагола *дать*. Отдѣлъ второй распадается 1) на собраніе сближаемыхъ глаголовъ по корнямъ и 2) на перечисленіе русскихъ глаголовъ, взятыхъ съ латинскаго и греческаго яз.

Самая важная и интересная часть книги—это сближеніе глаголовъ по корнямъ. Любопытно, на примѣръ, что всѣ, повидимому, чисто туземные русскіе глаголы находятъ оправданіе въ греческомъ и латинскомъ языкѣ. Вотъ примѣры:

с+багрить	ἀγρεύω
б+арабошить	ἀρραβάσσω
баюкать	βαυβάω
брэхать	βρυχάομαι
вз+бутетенить	βουθυτέω
воронить	ὄρνεόω
грабаздать	ἀρπάζω
громоздить	ἀρμόζω
грохать	grocio
под-дедюлить	δενδιλῶ
ералашить	ἀλαλόζω
жилиться	ζηλεύω
каверзить	σ-χαιουργέω
калякать	colloquor
до-конать	καίνω

колобродить	κολαβρίζω
колотырить	σ-καλαθύρω
комкать	cumulo
курныкать	cornicor
мордасы	mordices
нюнить	nenio
плюха(ть)	plaga
пырять	πύρῳ
ругать	jurgo
тарантить	ταράττω
трескать	τρύχω
чахнуть	καχετεύω
шильничать	σιλλαινῶ
юродѣти	ληρωδέω и т. д.

Мы брали первые попавшіеся примѣры.

Предисловіе къ книгѣ, несмотря на свою скромность, не менѣе важно. Въ немъ мы находимъ сближеніе словъ, обозначающихъ названія разныхъ предметовъ каковы—1) предметы и явленія природы, 2) растенія 3), четвероногія, 4) птицы, 5) рыбы, 6) насѣкомыя, 7) зданія, мебель, орудія, 8) посуда и уклады, 9) яства и питія, 10) одежда и обувь, 11) тѣлесные члены и 12) степени родства.

Не приводя примѣровъ особенно поразительныхъ сближеній (шаравары—σαραβαγα; шубейка—subuculum; юбка—ὄφῆ и пр. и пр.), мы должны благодарить автора за уясненіе двухъ словъ изъ Слова о полку Игоревѣ, надъ которыми ломали голову многіе ученые, и именно: 1) паполма (см. 1-е изд. Тихонравова стр 4 и 36) πέπλωμα—одѣяніе, платье; и 2) орѣтѣмами (см. тамъ же). Тихонравовъ говоритъ: „это загадочное слово (говоритъ г. Максимовичъ) я объясняю изъ половецкаго словаря (?) артмонъ значитъ саквы, въ велико-русскихъ пѣсняхъ—сумы переметныя (?)“. Г. Б—ъ сближаетъ это слово съ греч. ἄρτημα—подвѣски: кольца, браслеты, серьги.

Отсылая затѣмъ каждыао интересующагося читателя къ этой весьма любопытной книгѣ, позволимъ себѣ сдѣлать только три замѣчанія.

1) Очень жаль, что авторъ не опредѣлилъ точно періодъ времени, который обнимаетъ собою сближаемыя слова. Такимъ образомъ тутъ оказались или слова обще—индоевропейскія, а не русско-славяно-греко-латинскія, или сближеніе получается неправильное, наприм.: сарай слово татарское на стр. 5 сближается съ *τοσγευμ*; или хуторъ и *χῦθος*; хлѣбъ и *libum* (тогда какъ въ словѣ хлѣбъ и ѣ пишется, потому что это слово происходитъ отъ готскаго *hlair*); казакинъ и *casosa*, тогда какъ очевидно слово казакинъ произошло отъ мѣстнаго русскаго казакъ; также сибирка—*χιβερικόν* (стр. 6); манишка—*μηνέσχος*. Или: варганить—*οργανῶω* (стр. 54), конечно, представляетъ случайное сближеніе; также штукатуръ и *tector* (стр. 63), срав. стр. 108 ерундить—*ἐριδαίνω*; украшать—*χρῶω*; повѣса, наясъ—*παῖς*; содомить—*χυδοιμέω* очевидно, по вліянію еврейскаго языка; стряпчій—*ἐυτρεπιστής*; слово стряпчій явилось только въ XVIII ст.; суботничать *sabbatizo*, очевидно, съ еврейскаго; тасовать—*τάσσομαι*—конечно не съ греческимъ слѣдовало сблизить; толковать—*tracto*, скорѣй позднѣйшее трактовать; чурать—*χυρέω* едва ли возможно подобное сближеніе по времени; годить конечно съ польскаго, а не отъ *gaudeo*; потачка, конечно, отъ такъ, говорить такъ, такать, а не отъ *πάθος*—нѣжная любовь. Почти всѣ эти сближенія безъ точнаго приуроченія ко времени можно принять за произвольныя и тогда и безъ разбираемой книги было бы достаточно пожалуй тѣхъ полиглоттическихъ словарей, которые указаны, напр. въ Указателѣ ко всѣмъ изданіямъ и переводамъ по классическимъ языкамъ на стр. 20—26.

2) Во вступленіи ко 2 отдѣлу авторъ ограничился только перечисленіемъ переходовъ и перебоевъ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, не приурочивши ихъ, не систематизи-

ровавши и не приведа ихъ основаній, какъ будто произвольно вывелъ ихъ изъ своихъ же собственныхъ примѣровъ.

3) Третье замѣчаніе, которому мы придаемъ самое важное значеніе, клонится къ тому, что авторъ нигдѣ не высказался ни о цѣли, ни о значеніи своего труда, а ихъ указать было бы не трудно, стоитъ, на примѣръ, припомнить знаменитое изслѣдованіе Буслаева: „О вліяніи христіанства на русскій языкъ“. Тамъ вліяніе одного языка на другой, греческаго на русскій, приурочено къ извѣстному явленію, и книга много выиграла въ научномъ отношеніи.

Въ заключеніе пожелаемъ книгѣ г. Б — а какъ можно большаго распространенія и вниманія, чего она вполне и заслуживаетъ.

Москва,
22 Юля 1880. В. Лебедевъ.

Синтаксическій Задачникъ, составили Барсовъ и Кременецкая. Темиръ-Хавъ-Шура. 92 стр. Ц. 50 к. съ перес. 65 1880 г.

Разсматривая руководства, какія находимъ въ нашей педагогической литературѣ, по преподаванію русскаго языка, мы въ настоящее время видимъ четыре типа этого ряда учебниковъ:

1) типъ очень слабыхъ руководствъ: къ такимъ относятся грамматики Борщевскихъ, Марковыхъ, Филиповыхъ, Молчановыхъ и мн. др. Въ этихъ руководствахъ замѣчается отсутствіе серьезныхъ самостоятельныхъ авторскихъ трудовъ, и кромѣ того весьма небрежный языкъ. На примѣръ: въ одной изъ такихъ грамматикъ правило — о соединеніи словъ изложено такъ:

„Соединеніе словъ, выражающихъ извѣстную мысль въ одно, называется предложеніемъ“; мы не придираемся,

впрочемъ, къ отдѣльной фразѣ изъ желанія поглумиться, а только указываемъ на небрежность автора, которая роняетъ достоинство учебника. Въ учебникѣ Молчанова встрѣчается еще непонятнѣе фраза въ опредѣленіи составнаго предложенія: „составное предложеніе (такъ выражается Молчановъ) иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ предложеній, т. е. такихъ предложеній, что которое ни будь изъ нихъ не составляетъ части другаго, они независимы“ и т. д. Болѣе внимательное отношеніе авторовъ къ своимъ трудамъ навѣрное уничтожило бы эти, можетъ быть, даже опіски.

Второй типъ—это краткіе учебники въ родѣ конспектовъ.

Составители ихъ даютъ ученикамъ только выводы изъ черновыхъ работъ, составленныхъ въ классахъ и дома, и собираютъ грамматическія правила въ извѣстный порядокъ. Такія пособія имѣютъ свое немалое значеніе, если отличаются точнымъ языкомъ. Но такихъ хорошихъ конспектовъ мало. Лучшіе изъ нихъ: „Краткая Грамматика“ Поливанова и „Синтаксисъ“ Кеневича.

Третій типъ—руководства въ тѣсномъ ихъ значеніи. Къ нимъ относятся труды Буслаева, Стоюнина, Поливанова, Говорова, Перевлѣскаго, А. Смирнова и др.

Четвертый же типъ—Сборники матеріаловъ и Задачники.

Этому типу учебниковъ мы придаемъ особенную цѣну, если собранные въ нихъ матеріалы такого достоинства, что дѣйствительно вызываютъ самостоятельную работу у учащихся и представляютъ примѣры не только на правила, общія синтаксису всѣхъ языковъ, но и особенныя, составляющія принадлежность одного нашего языка.

Таковыми сборниками мы—учителя—особенно дорожимъ, потому что они даютъ ученикамъ возможность не отвлеченно изучать грамматику, а изучать именно языкъ и его правила. Узнавая грамматику изъ языка, а не языкъ изъ

грамматики, какъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, это ведетъ ся въ нашихъ училищахъ, ученикъ только въ сборникъ на самомъ дѣлѣ получаетъ полезную и самостоятельную работу, а отнюдь не въ готовомъ учебникѣ, не въ голой системѣ правилъ: послѣдній долженъ служить только приложеніемъ къ сборникамъ.

Къ такимъ учебнымъ пособіямъ, помогающимъ вести занятія отъ языка къ грамматикѣ, относится изданный редакціей „Филолог. Зап.“ „Синтаксисъ въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ“, сост. Савенко, и „Синтаксическій Задачникъ“ Барсова и Кременецкой.

О первомъ изъ этихъ пособій „Педагог. Хроника“ высказалась, что „по количеству, разнообразію и внутреннему достоинству матеріала“ этотъ сборникъ „заслуживаетъ вниманія преподавателей, не желающихъ заслонять живой языкъ сухими правилами и схемами грамматического учебника“; а такъ какъ этотъ сборникъ былъ кромѣ того разобранъ и въ „Филологич. Запискахъ“, — то это даетъ намъ возможность не останавливаться на его разборѣ, а только на основаніи отзывовъ о немъ высказать и свою мысль, что такіе сборники должны встрѣчать одобреніе у каждаго педагога, который желаетъ отнестись разумно къ преподаванію, и выходя именно съ этого взгляда, должно отнестись и къ сборнику Барсова и Кременецкой съ полнымъ сочувствіемъ: матеріаль разгруппированъ составителями весьма правильно и даетъ возможность провѣрять правила на обильныхъ по числу примѣрахъ.

Но не можемъ не замѣтить, что сборникъ снабженъ весьма однообразнымъ матеріаломъ: отрывки выбраны преимущественно изъ Крылова и Пушкина и стихотворенія преобладаютъ надъ прозой. При томъ система составленія сборника замѣтно была слѣдующая: составители написали рубрики правилъ и подъ нихъ подвели попадающійся матеріаль. Эта система въ задачникахъ исполнѣ непригодна. Уче-

никъ, положимъ, лѣнивъ или невнимателенъ въ классѣ: ему стоитъ заглянуть въ заголовокъ правила: напр., о безличныхъ предложеніяхъ, взять любую грамматику и вычитавъ заданныя правила, примѣнить ихъ къ задачку: получается работа чисто пассивная, а не самостоятельная; вотъ почему задачки необходимо снабжать — хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросами, на которые отвѣтомъ и долженъ служить собранный въ задачникахъ матеріалъ.

Кромѣ краткихъ примѣровъ, изъ которыхъ собственно и выводятся грамматическія правила, въ сборникахъ необходимо помѣщать и цѣлыя статьи для разборовъ въ классахъ и дома. Эти статьи важнѣе диктантовъ синтаксическихъ, которые нужны только для вывода правилъ о постановкѣ знаковъ препинанія, а между тѣмъ сборникъ Барсова и Кременецкой лишенъ именно статей для разбора и вовсе опущены примѣры на знаки препинанія.

Но самый серьезный недостатокъ задачника — это искусственное отношеніе составителей къ занятію языкомъ. Составители, указывая правила нормальныя, почему-то находятъ въ языкѣ правила исключительныя. Отъ такого устарѣлаго раздѣленія правилъ въ языкѣ давно пора бы отказаться составителямъ нашихъ учебниковъ. Развѣ можетъ быть исключительное правильнымъ и не искажать мысли? А между тѣмъ все, показанное въ грамматикахъ какъ исключительное, не только не искажаетъ мысли, но всегда придаетъ ей въ рѣчи особенную выразительность, слѣдовательно, это исключительное вытекаетъ прямо изъ духа языка, какъ явленіе нормальное. Часто языкъ не терпитъ иного оборота, какъ только по правилу исключительному: почему же мы должны считать такой оборотъ ненормальнымъ?

По мнѣнію гг. Барсова и Кременецкой, примѣръ: „съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся“ представляетъ согласованіе нормальное, а съ Пиладомъ мой Орестъ грызется“ ненормальное!

Согласованіе нормальное: „Таковы указъ и приговоръ боярскіе“;—ненормальное: „Таковъ указъ и приговоръ боярскій“.

Выходитъ: отъ ненормальнаго согласованія получается предложеніе по формѣ рѣчи вполнѣ художественное, а при нормальномъ согласованіи—это предложеніе не художественно и крайне грубо.

Ошибочность правила, кажется, очевидна.

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ.

Analogisch—vergleichendes Wörterbuch über das Gesamtgebiet der indogermanischen Sprachen. Auf Grund strenger Etymologie, mit besonderer Berücksichtigung des Lat., Griech., Deutschen, Slavischen und Sanskrit. Von Seb. Zehetmayr, Leipzig, 1879. VIII и 536. (Аналогическо-сравнительный словарь по всей области индоевропейскихъ языковъ. На основаніи строгой этимологіи, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на языки латинскій, греческій, нѣмецкій славянскій и санскритскій. Составилъ Себ. Цетмайръ. Лейпцигъ, 1879, VIII и 536 стр).

Ученый трудъ, коего заглавіе выше выписано нами, составляетъ переработку „Этимологическаго Словаря“ того же составителя.

Извѣстно, что всѣ ученые языковѣды единогласно признаютъ важность аналогическаго сравненія языковъ, на сколько оно вращается въ области строгихъ законовъ человѣческаго слова и мышленія.

Аналогія же можетъ бытьъ двоякая: или формальная, или идеальная. Сходство бываетъ формальное, когда выражается одною и тою же грамматическою формою, или же соотвѣтствіемъ одного суффикса другому, или же взаимнымъ соотвѣтствіемъ или опущеніемъ гласныхъ звуковъ, или же когда сопоставляется время ко времени, діалектъ къ діалекту, число къ числу, окончаніе къ окончанію.

Но, помимо этой формальной аналогіи, заключающейся въ сходствѣ и соотвѣтствіи, звуковаго матеріала словъ, бываетъ еще аналогія идеальная, т. е. одинаковое въ разныхъ языкахъ обозначеніе предметовъ, даже въ словахъ, не состоящихъ въ этимологическомъ родствѣ, въ силу общаго имъ основнаго представленія. Эта идеальная аналогія, составляющая исключительно — философскую сторону лингвистики, еще болѣе этимологическаго родства словъ, приводитъ насъ къ заключенію о первоначальной тождественности мышленія у всѣхъ людей, т. е. объ единствѣ нашей породы.

Что же касается внѣшняго расположенія словеснаго матеріала въ разсматриваемомъ нами трудѣ, то впереди стоять, въ алфавитномъ порядкѣ, слова латинскія, съ которыми сопоставляются реченія вышеупомянутыхъ въ заглавіи сочиненія другихъ индоевропейскихъ языковъ; сверхъ того, приводятся и сходныя слова еврейскія, что является прямымъ послѣдствіемъ принимаемаго составителемъ Слова единства происхожденія рода человѣческаго, между тѣмъ какъ большинство ученыхъ языковѣдовъ, на основаніи совершенно различныхъ будто бы типовъ языкостроенія, не признаютъ возможности происхожденія всѣхъ людей отъ одной четы.

Признаться сказать, намъ болѣе по душѣ миѣніе составителя подлежащаго труда, тѣмъ болѣе, что есть и

кромѣ него ученые, вполне допускающіе возможность общаго происхожденія всѣхъ людей, при всемъ разнообразіи существующихъ нынѣ языковъ. Такимъ образомъ, языковѣдніе приводится въ согласіе съ воззрѣніями библейскими, а это великое дѣло для человѣка вѣрующаго.

Относительно же приводимыхъ составителемъ словаря сближеній латинскихъ словъ съ родственными имъ словами другихъ языковъ, то намъ кажется, что это дѣло исполнено имъ вполне добросовѣстно.

Если между учеными господствуютъ различныя мнѣнія о происхожденіи какого либо слова, то всѣ они приводятся авторомъ на ряду между собою, изъ коихъ предоставляется читателю избирать любое.

Для насъ, Русскихъ, желательно было бы видѣть въ трудѣ Цезтмайра побольше сближеній съ языками славянскими, хотя справедливость требуетъ признать, что и этотъ отдѣлъ заключаетъ у него въ себѣ довольно много интересныхъ данныхъ.

Въ заключеніе, намъ остается пожелать скорѣйшаго выхода подобнаго же аналогическо-сравнительнаго словаря съ положеніемъ въ основу его сокровищницы языка русскаго.

Аренсбургъ,
8 Юля 1880 г.

И в. Желтовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

1) **Исслѣдованіе текста Пѣсни Игорю Святославичу М. А. Андріевскаго.** Часть 1-я, главы I—III. Екатеринославъ, 1879, въ 8^о, стр. 1—126. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Содержаніе: I. Указатели литературы пѣсни: 1) Современный указатель, 2) Алфавитный указатель именъ авторовъ, критиковъ, рецензентовъ, переводчиковъ и пр; II. Загадочность нашего памятника; III. Сохранившійся текстъ пѣсни: 1) Копія графа А. И. Мушина-Пушкина, съ „приложеніемъ“ къ нимъ, 2) Выдержки А. Ѳ. Малиновскаго, 3) Выдержки Н. М. Карамзина: а) Изъ Слова о плѣку Игоревѣ, б) Изъ другихъ статей пушкинскаго сборника.

2) **Исслѣдованіе текста Пѣсни Игорю Святославичу М. А. Андріевскаго.** Часть 1-я, глава IV. Екатеринославъ, 1880, въ 8-ку, стр. 127—316. Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Содержаніе: IV., Критическія замѣтки: А) Походъ Игоря въ землю Половецкую: 1) Игра Бояна и пѣвца Игорева, 2) Пѣніе Бояна и пѣвца Игорева. 3) Сонъ князей, 4) Выступленіе въ степь, 5) Побѣда надъ Половцами, 6) Ночевка, 7) Второй день рати, 8) Величанье Всеволоду, 9) Третій день рати, 10) Причитанья женщинъ, 11) Величанье Дя́пру, 12) Невольничество князя Игоря.

3) **Пѣсни Игорю Святославичу (Слова о полку Игоревѣ),** по чтенію М. А. Андріевскаго, часть пер-

вая. Екатеринославъ, 1880, въ 8-ку, стр. I—II и 1—10. Цѣна 10 копѣекъ.

Содержаніе: Предисловіе (стр. I—II). Пѣснь Иго-реви, храброму Святъславличю, словутого Ольга внуку (стр. 1—10).

Книги эти продаются въ г. *Екатеринославъ*, у *Митрофана Александровича Андриѣвскаго*, учителя Ре-ального Училища.

УЧЕБНИКЪ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ.

Сост. И. Бѣлорусовъ. Изд. 3-е, безъ перемѣнъ.

Учебникъ этотъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія, какъ учебное руководство для Гимназій. Цѣна 65 коп. за экз.

Главный складъ этой книги у автора въ Нѣжинѣ и въ книжныхъ магазинахъ Глазунова въ С.-Петер-бургѣ и Москвѣ.

„Синтаксисъ въ литературныхъ об-разцахъ и пословицахъ“ съ руководящими во-просами для практическихъ занятій (по русскому языку). Хрестоматія. Сост. Ѳ. Г. Савенко. 1879 Ц. 85 к. за экз. съ перес.

Книга эта одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособіе при занятіяхъ рус. грамматикой въ сред. учеб. заведеніяхъ.

Складъ этой книги находится въ Редакціи Фил. Зап. въ **Воронежѣ**, также въ **Москвѣ** въ книжномъ магази-нѣ—Мамонтова и въ Центральномъ книж. магазинѣ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Исслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ); старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красоты языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.